

K. North

A young man and woman are shown in a close embrace, kissing. The man is wearing a dark puffer jacket, and the woman is wearing a light-colored knit sweater. They are in a dark, dimly lit interior space, possibly a hallway or a room. A vibrant rainbow light effect is visible in the background, creating a romantic and ethereal atmosphere. The overall tone is intimate and emotional.

ПРОШЛОЕ
НЕ УМЕРЛО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

K. North

Прошлое не умерло

<https://litres.ru/74620537>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лу Эл прошла через ад: предвзятое отношение матери, пожар, унесший жизни обоих родителей, а старшего брата увезла полиция, после чего он исчез. Получив второй шанс на спокойную жизнь в приемной семье, она переезжает в другой город. Но встречает Ника — старшекурсника, притягивающего Лу игривостью, за которой прячется застенчивый нрав. Лу тонет в эйфории, подаренной сероглазым парнем, не замечая, что из тени за ней кто-то наблюдает, пробуждая страхи прошлого и тайны, похороненные десять лет назад.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Лу	15
Глава 2. Лу	29
Глава 3. Лу	63
Глава 4. Ник	100
Глава 5. Лу	113
Глава 6. Лу	141
Глава 7. Ник	168
Глава 8. Лу	184
Глава 9. Лу	213
Конец ознакомительного фрагмента.	217

Прошлое не умерло

Пролог

— Я пыталась уснуть. Не могла лежать на спине, так как самый сильный удар пришелся справа от позвоночника под лопаткой. Меня толкнули в стену, и я ударилась спиной. Давление матраса чувствовалось нажимом на свежий синяк. Болело плечо, голова и кисти. Подзатыльник заставил мозги отпрыгнуть в лоб. Следы от пальцев чувствовались на сжатом ранее плече. Выкрученные кисти до сих пор щипало.

На плече будет сиять синева, голова будет болеть несколько дней, а чувствительная кисть будет ныть при каждом взмахе ручки на уроках.

Мать бьет меня.

Каждый день одно и то же.

Даю отпор – получаю еще больше. Не даю – чувствую обиду и несправедливость.

Она всегда делала это с такой злобой и усердием, что, кажется, хотела убить меня. Она била руками, толкала, пинала ногами, а также кричала и унижала меня. Каждое её слово налипало на кожу слоем грязи, въедалось под череп, в самую мякоть воспоминаний, без возможности забыть. После каждой встречи с ней, мне хотелось отправиться в душ.

Я помню каждое ее слово, каждое ее движение. Уже давно

научилась предугадывать, когда мне вот-вот прилетит.

Перед сном я пыталась унять ту боль, что гудела в теле и в душе. Из раза в раз я крутила в голове, что могла бы сделать или сказать, чтобы защитить себя, но уже слишком поздно, и досада бездействия убивала меня.

Лежа в своей кровати, я тихо винила себя, взращивая обиду на мать, пытаюсь устроиться на спине, ибо бок уже затек. Крутила кистями, надеясь, что после активных действий боль исчезнет.

Похоже на борьбу с зубной болью. Сдавливаешь челюсть как можно сильнее, чтобы почувствовать максимальный дискомфорт. После этого становится легче. Пульсация разливается по челюсти, а после ослабления чувствуешь облегчение.

Задаваться вопросом «что я каждый день делала не так?» — абсолютно бессмысленно.

Комната была наполнена свежим воздухом. Легкий ветер из открытого окна, смешанный с ароматом цветов, колыхал тонкие, почти прозрачные шторы, которые в темноте становились похожи на клубы дыма. С улицы доносились звуки природы, созданные для расслабления. Небо затянуто облаками, но не тучами. Луна мягким светом освещала всё вокруг, наблюдая за мной и моими попытками уснуть. Бледный, холодный свет омывал деревянный пол, врезаясь в мебель.

Я ждала, когда наступит новый день, чтобы скорее поки-

нуть дом и отправиться на учёбу, где со мной будут хорошо обращаться. Где меня будут хвалить за успехи, где я буду общаться с одноклассниками.

В очередной раз останусь дежурной по классу, в очередной раз останусь на дополнительные занятия. В очередной раз постараюсь как можно позже попасть домой.

Внезапно я услышала приглушенные крики. Было сложно разобрать о чём шла речь, потому что моя комната находилась на втором этаже, а монолог на повышенных тонах — на первом.

Слов не понять. Всё сливалось в неразборчивый бубнеж, но по тембру я понимала, что слышу крики матери. Звук словно шёл отовсюду. Стены резонировали и помогали подслушивать, но это ничего не давало.

В очередной раз накрывало обидой, слёзы застилали глаза, а в горле вставал ком. Он требовал издать хоть какой-нибудь звук, чтобы вырваться наружу и освободить пространство внутри. Я стала поджимать нижнюю губу всё сильнее, слегка прикусывая, чтобы не зарыдать в голос. Круговорот мыслей предательски не оставлял в покое, накручивая все сильнее. Слезы, застрявшие на нижнем веке, душили, не давая вдохнуть. Все чаще меня посещали мысли, что я нахожусь не на своём месте, что я не должна быть здесь, не должна так страдать, если только это не какое-то божественное предназначение.

Соленая влага потекла на подушку, оставив две малень-

кие точки. Нос заложило, дыхание стало сбиваться, а руки сжимали одеяло. Я прижалась к прохладной стене спиной, почувствовав пульсацию, которую сдерживал холод. По телу прошла дрожь, словно от ледяного душа. Я поджала ноги, закуталась в одеяло, как в кокон. Хотелось занять как можно меньше места.

Возникший второй голос на первом этаже, был низким и грубым. Он разрушил монолог и превратил его в диалог.

Отец.

Он всегда был спокоен, рассудителен. Старался решить все миром, чтобы никому не было обидно.

Всегда меня защищал, всегда помогал, всегда был на моей стороне. Когда говорил со мной или обнимал, я всегда ощущала себя любимой.

Ощущала себя его дочерью.

Испытываемые мной обида и беспомощность из-за событий в доме, так и зазывали его ко мне. Он приходил, успокаивал и рассказывал истории, способные подбодрить, и завершал свой монолог фразой: «Счастливые люди злыми не бывают». Целовал в лоб и не уходил, пока я не засну.

Я почувствовала расслабление и легкость. Мысли об отце, о его доброте и защите, заставили успокоиться, позабыв о скандале внизу. Я уткнулась в подушку, утопив в ней щеку. Слезы высохли, склеивая ресницы. Ком в горле рассосался, позволив сделать глубокий вдох. Прохлада поглаживала лицо, убаюкивая и погружая в сон. Усталость накрыла с голо-

вой.

Резкий удар ручки двери о стену выбил меня из дремоты. Я подскочила от неожиданности и вытаращила глаза, не понимая, что происходит. Бешено забившееся сердце вызвало хриплый вдох. Напротив стоял мужской силуэт. Он схватил меня обеими руками за предплечье и стал стаскивать с кровати. Спросонья я совершенно не понимала, что происходит.

Первую фразу незваного гостя я не смогла разобрать. Буквы не складывались в логичные слова. Я прищурилась, пытаясь разглядеть лицо, но свет, ослепляющий из коридора, не позволял мне этого сделать. Станный запах стало затягивать в комнату. Несколько раз втянув носом воздух, пыталась понять его природу.

Я спросила, что происходит, но мне было велено быстро вставать и идти вниз.

Голос парня дрожал. Он нервно тараторил, оборачиваясь назад. Видя мое бездействие, он резко стащил меня с кровати, что я еле устояла на ногах, когда те коснулись пола.

Я спросила, куда мы идем, на что ответа не последовало. Его пальцы сильнее сжимали мою кисть, настойчиво утягивая за собой.

Я старалась двигаться быстрее, боясь запутаться в собственных ногах. Голые ступни ощущали приятное тепло не присущее деревянному полу ночью. Запах, напоминающий древесные угли щекотал нос, а полупрозрачная пелена дыма окружала плотным кольцом. Запах был приятен, но вызвал

переживания.

Человек, ведущий меня к лестнице, находился впереди, ни разу не обернувшись. Я не видела его лица, но это был молодой парень, одетый в повседневную одежду: футболка, джинсы и кроссовки. Волосы неясного цвета из-за света впереди были взъерошены. Сила его хватки старалась не травмировать руку, а большой палец нежно поглаживал чувствительную кожу запястья.

Дойдя до спуска меня снова дернули за руку. Покорно двигаясь следом вниз по лестнице, я прищурилась, защищаясь от света, хлеставшего из открытой входной двери. Чем ниже я спускалась, тем больше могла разглядеть крыльцо, а затем и дорожку до дома, окруженную свежестриженным газоном. Запах, наполняющий пространство был с нотками горечи, из-за чего стало першить горло. Первый этаж был заполнен дымом, мешая разглядеть интерьер.

Началась паника. Я осознала, что происходит и стала сопротивляться силе парня, птясь назад и одновременно отклоняясь подальше от дыма. Он остановился и, повысив голос потребовал не останавливаться. Продолжив упираться, я запищала, что забыла игрушку. Он громко ответил, что я могу про неё забыть. Крик выдавил подступившие слезы: “Она мне нужна!”.

Это была моя любимая игрушка, которую подарил мне отец.

Парень приказал мне выйти на улицу, а сам отправился

обратно, скрываясь в туманной пелене, воняющей гарью.

На ноги повесили многотонные грузы, не позволяя сделать и шага. Я стояла как вкопанная в холле, в метре от опасности, но даже не смотрела в сторону улицы.

То, что я увидела, завораживало и пугало одновременно. Всё пространство вокруг было озарено ярким светом, ветер с улицы танцевал с дымом, а пламя им аплодировало. Стекло накалялось, сияя ярко красным огнем в прозрачном пространстве.

Посуда намеревалась треснуть от жара вокруг, а пластик выворачивало, принимая замысловатые формы. Запах был противным и едким, заставляя морщить нос.

Стоя на месте, я пыталась заглянуть в одну из комнат. Внезапно из гостиной хлынуло пламя. Оно стало упираться в потолок, пытаясь его поднять, расстилаясь по всему периметру все дальше и дальше. Жара вызывала головокружение. Все вокруг трещало и свистело. Обои скручивались прямо на стенах. Стены стонали, удерживая потолок от обрушения.

Меня затрясло, на глазах выступили слезы. Завывая загнанным зверем, звала отца. А в отвечали мне треск дерева, бумаги и свист пламени. Я снова окликнула отца, но ответа не последовало. Становилось трудно дышать, голова кружилась, а глаза защипало от липнувшего дыма.

Дом стало вдавливать в землю. Потолок стал медленно обваливаться, перекрывая путь в глубь дома. Пол светился, а пламя протягивало ко мне свои лапы.

Я попятилась назад, ноги подкосились и меня остановила тумба. Горшок с цветком рухнул на пол, разлетевшись по полу. Ключи от дома звеня перекатились к краю. На каждой связке был брелок с именем владельца...кроме меня: Дон, Лили, Воляр и мои. На моих был брелок в виде маленькой книжечки. Я опиралась руками на запылившуюся столешницу, стараясь удержаться на ногах.

Взгляд прыгнул на бегущий силуэт со второго этажа, пробирающийся сквозь дым. От мысли, что это отец, плечи опустились и вырвался тихий стон. Но, когда меня схватила уже знакомая рука, уголки губ опустились, а мышцы превратились в камень. На его спине появился небольшой рюкзак, который я заметила лишь благодаря лямкам. Глаза слезились все сильнее, заставляя щуриться, не позволяя разглядеть его лицо.

Он закричал, что нам срочно нужно наружу. Вложив мне в руки желаемую мной игрушку, парень поставил меня перед собой и начал выталкивать из дома, оборачиваясь назад, контролируя происходящее за нашими спинами.

Оказавшись на улице, дыхание стало свободным, взгляд не был замутненным, а в нос ударил тот самый свежий воздух, который я ощущала, находясь в своей комнате совсем недавно. Ступив на дорожку перед крыльцом, стопы уколола прохлада камня. Остывая, ноги испускали полупрозрачный пар. Одежда и волосы пропитались гарью, а пальцы сжимали игрушку. Освещение от пламени делало тень на земле цвета

смолы с четкими контурами.

Сильный толчок в спину заставил побежать вперед. Сделав несколько широких шагов, я оступилась и упала на газон, выронив игрушку. Ладони почувствовали мягкость, прохладу и влагу травы и земли. Донесся звук бьющегося стекла. Я обернулась на дом, из которого мы так яростно сбегали.

Сидя на земле, моему взору предстала ужасающая картина. Дом был полностью охвачен пламенем всех оттенков желтого, оранжевого и красного. Из каждого окна шел дым, языки пламени облизывали оконные рамы, а над крышей был серый дымовой купол. Вернувшись в реальность, я услышала невыносимо громкий треск досок, свист и шум огня. От него исходил именно шум, как от огромной толпы людей, которые перебивают друг друга, говорят в унисон, не повышая голоса. Пламя смотрело на меня, смеялось надо мной и пугало. В нем я видела безобразные картины, лица людей, различных животных. Ощущение было как от северного сияния, только это чудо природы вызывало восхищение, а кричащий от боли дом – панику. Я замерла.

Вытолкнувший меня парень находился между мной и домом. Он лежал на спине, опираясь на локоть, а пальцы другой руки еле касались земли. Я не могла видеть выражение его лица, но он очень глубоко дышал, подкидывая вверх грудь. Руки и ноги тряслись от адреналина и перенапряжения.

Сквозь весь этот шум я слышала вой сирены и увидела

свет стробоскопа пожарных автомобилей, отбрасывающий блеск на землю. Сзади раздался свист колёс, мужские крики, требующие делать что-то быстрее, а также женские голоса, которые приближались ко мне, но разобрать их было всё равно сложно.

Из-за моей спины вынырнули две женщины. Одна была одета как полицейская, а вторая – как медик, но я абсолютно не запомнила их лиц. Тепло их аккуратных прикосновений напоминали, что я жива. Медик стала проверять мои реакции, спросила слышу ли я её и сообщила, что у меня шок, после чего накрыла меня пледом. Полицейская подняла меня с земли и сказала, что мне нужно пройти в машину скорой помощи. Обе были очень милы. Их мягкие голоса вызывали легкую дрожь.

Я приближалась к ярко-жёлтой машине. Теплый свет в ней заставлял медленно моргать. Там были носилки, пледы, различные препараты и наборы оказания первой медицинской помощи. Забравшись внутрь с помощью полицейской и медика, я наблюдала как пожарные тянули к дому белые рукава, рассредотачивались по всей территории и слаженно действовали, не впадая в панику. Другие полицейские осматривались, что-то писали в своих папках, указывали на дом ручками, связывались с кем-то по рации. Также медик и полицейский подошли к парню, который остался сидеть у дома. На его плечах тоже лежал плед, а в руках он сжимал рюкзак. Полицейский попытался его забрать, но парень прижал

его к себе сильнее, после чего сотрудник начал с ним разговаривать.

В этот момент на меня высыпали кучу вопросов: в порядке ли я; что произошло; где родители; нужна ли помощь. Игнорируя хлопочущих женщин, я продолжала пялиться на пылающий дом. На мгновение я даже обрадовалась. Ведь все негативные моменты, происходившие здесь, сгорали во всепоглощающем пламени, помахивая мне рукой. Я стала чувствовать невероятную легкость.

Неожиданно, я услышала крик юноши, спасшегося вместе со мной. Он звучал душераздирающе, словно травоядное, терзаемое хищником. Я повернулась в его сторону, чтобы увидеть, что там происходит. Его голос начал приближаться ко мне, хотя сам он был далеко. Крик заполнял уши, пробирался в голову. Он звучал отовсюду:

— Я не виноват! Я ничего не сделал!

Мои ладони закрыли уши, замуровав крик внутри.

После этого я проснулась.

Глава 1. Лу

Когда я закончила говорить, доктор Шейн, сидящий напротив продолжал делать заметки, не поднимая головы. Тишина была гнетущей и умиротворяющей одновременно. Чирканье грифеля о тетрадные листы утяжеляло веки. Стоящий на полу увлажнитель воздуха гудел в унисон с монологом ручки, распыляя воду мелкой россыпью. Несколько капель парфюмированного концентрата придавал воздуху аромат орхидеи и свежести.

Окружение было карикатурным наполнением кабинета приема пациентов. В нем не было ничего лишнего: диван для посетителей, кресло для работника, рабочий стол, тумбочка, шкаф для верхней одежды и пара стульев.

На окнах висели шторы в пол не аккуратной гармошкой, обрамляющие яркость уличного света. Мелкие предметы интерьера сливались в единую картину, не бросаясь в глаза. Все имело свое место, создавая эффект стерильности, порой вызывающее скрип песка на зубах.

Тумбочка стояла между двух панорамных окон, через которые были видны кусты, высаженные вдоль стен здания. Сухие ветви создавали тихий скрип от слабого дуновения ветра, проходясь по стеклу. Чуть дальше стояли несколько деревьев, у которых виднелись только стволы. Пожелтевшая крона нависала достаточно высоко, чтобы скрываться за свет-

лыми стенами. Погода была до ужаса спокойной: приятные цвета от слияния уходящих солнечных лучей и пасмурного неба, слабый и дружелюбный ветерок, ощущение умиротворения, заполняющее грудь теплотой. Хочется улечься и заснуть.

— В очередной раз лицо было не рассмотреть. Давно тебе не снился этот сон.

Голос Уолиса Шейна вызвал мурашки, не отвлекая от любования пейзажем снаружи. Его слова были утверждением. Он слышал мой рассказ множество раз с меняющимися деталями, зависящими от душевного состояния и жизненных событий.

Делая заметки, дыхание доктора Шейна было размеренным, спокойным. Каштановые волосы слегка колыхались при движении, пока его пальцы водили стержень по бумаге. Он был аккуратен во внешнем виде, даже слишком. Снаружи самый обычный психоаналитик.

— Да, – я сосредоточенно разглядывала пейзаж. – Я чётко ощущала все прикосновения, запахи и остальное.

— Это неплохо, но это может говорить о том, что ты недостаточно отдыхаешь, пока спишь.

— Волнение из-за переезда вот и все.

— Что именно тебя беспокоит?

Странное чувство пронзило мою грудь, когда я начала задумываться о конкретных причинах своего волнения. Прочувывая в голове мысли о смене места жительства, я пред-

ставляла себе, что уезжаю, оставляя в старом доме любимого питомца. Он будет один блуждать в пустых комнатах, сидеть перед входной дверью, смотря на неё жалобными глазами, наполненными слезами, в ожидании меня.

Такая тоска, что сердце разрывается.

— Когда я представляю отъезд, – начала я, – в голове мир кажется таким большим, а родной город – еще больше. Я, можно сказать, пустила здесь корни за столько времени. Обжилась. Особенно после всего того, что произошло. Здесь я стала чувствовать себя хорошо и спокойно, а за чертой города всё кажется другой планетой. Здесь нет проблем, по крайней мере я их не вижу. Как мне быть дальше? Я в замешательстве.

— Это нормальная реакция на неизвестность. Звучит, как предвосхищающая ностальгия, – увидев мои нахмуренные брови, доктор Шейн хохотнул. – По-простому – ты боишься потерять то хорошее, что нашла. Главное — сделать первый шаг и дать шанс новому месту и дому, научиться быть взрослой. Также ты можешь в любой момент найти поддержки у своих друзей, родителей, делаясь с ними событиями. Ну или позвонить мне.

Оторвавшись от созерцания, я повернулась к доктору Шейну. Он поднял голову и улыбнулся, закончив писать заметки. Его еле заметная улыбка приподняла уголки рта, источая доброту и радушие, а мой взгляд заметался между сияющим лицом и картиной позади.

Каждую стену украшало полотно с изображением одного и тот же пейзажа, но в разные времена года. Напротив меня висело «лето», справа – «осень», сзади – «зима», а слева, между двух окон – «весна».

— Нравится пейзаж? – он обратил внимание на мой цепляющийся за полотно взгляд.

— Да, но не нравится время года. Ненавижу лето.

Я невольно посмотрела на мужчину, заметив удивленно приподнятые брови.

— Почему?

— Слишком жарко. Солнечные лучи обжигают лицо, ветер, чаще всего, теплый. Нравится прохлада.

Проговаривая эти слова, я всматривалась в детали картины, которые вызывали липкости по всему телу. Влажные волосы над шеей, сальная кожа лица, чувство обжигания слизистой носа при вдохе, разжигающее неугасимую жажду.

— Тогда какое время года тебе нравится больше? – мужчина закинул ногу на ногу и сложил ладони на согнутое колено.

Я повернула голову вправо, где висел осенний пейзаж.

Затянутое тучами небо с оттенками лилового разной степени яркости, дырявая крона дерева пожелтела от усталости, травы практически не осталось, а то, что еще росло, было похоже на солому. На растительности проглядывалась влага начинающегося дождя. Воображаемая свежесть вызвала непроизвольную дрожь в плечах.

— Осень, – улыбка коснулась моих губ. – Легкая прохлада, комфорт от прогулок, приятные цвета, – от произнесенных описаний, руки покрылись мурашками.

— Дождь бывает даже летом.

— В чем подвох?

— Мир гораздо более многогранен, чем тебе кажется. Не бывает абсолютного зла или абсолютного добра.

Врач посмотрел в окно, бесцельно вглядываясь в даль, а затем продолжил.

— Каждое время года несет в себе что-то позитивное, но и также то, что может вгонять в тоску и даже раздражать. Возможно, это связано с какими-то воспоминаниями об этом времени, а также с ассоциациями, которые у тебя возникают в голове, – он повернулся ко мне. – Ты очень любишь осень. В этот период может случиться что-то хорошее, но зима перечеркнет это воспоминание, подарив взамен негативное. Однако твое отношение к осени не изменится, правда? Ощущение останется, просто со временем притупится, превратившись в воспоминание.

— Интересное умозаключение.

— Надеюсь, демонстрация контраста в последовательности событий дала почву для размышлений.

— Ага. Мы закончили? – затараторила я.

— Куда-то торопишься, Лу?

Я неспешно подошла к шкафу для верхней одежды и сняла с вешалки куртку.

— Да, мне нужно успеть домой, переодеться и отправиться в кафе. Отец задержится на работе. У него будет прощальный вечер.

— А друзья устраивают для тебя свою прощальную вечеринку? Как мило.

Я улыбнулась, пряча волосы в капюшон.

— Да, друзья решили провести время вместе. Человек будет немного, но все близкие люди.

— Ты разборчива в своём окружении, это большая редкость для людей твоего возраста.

Его слова тешили мое самолюбие и придавали уверенности. Я не скрывала, что гордилась своим умением выбирать людей, видеть людей, чувствовать людей. Спасибо моему прошлому.

Одевшись, я взяла из шкафа рюкзак с учебниками и некоторыми личными вещами. Достала из маленького кармана гигиеническую помаду и нанесла ее тонким слоем. Нежная консистенция проникала в складки губ, приятно размягчая кожу.

— Все из-за детского дома, – я распределяла помаду губами, двигая их поочередно вперёд и назад. – Множество факторов заставляет тебя учиться видеть людей насквозь. Дело не в удобстве, а в безопасности.

Не хотелось погружаться в эти воспоминания. Все, что можно было считать из окружения, могло облегчить тебе жизнь: быстрота шагов, сила открытия двери, глубина взгля-

да, мимика, тембр голоса говорящего. С каждой ошибкой ты получал опыт, избавляющий от возможных травм и перепадов, учился быстрее, а со временем считывание происходило на автомате. Ты даже не задумывался – просто видел.

Доктор встал со скрипнувшего кресла и повернулся ко мне.

— Согласен, ведь мир не так прост, как кажется. Люди умеют скрывать свое нутро очень хорошо.

Я закончила обвязывать шарф вокруг шеи, прикрыв затылок.

— Я встречала разных людей на своем пути. Думаю, что можно понять кто есть кто, хоть и не с первого взгляда.

— Хочешь совет? Никогда не думай, что узнала человека на сто процентов. Это самый неверный вывод, который мы, люди, можем сделать.

— Спасибо, доктор Шейн, – отреагировала я на напутственные слова. – Хотела поблагодарить вас за все, вы мне очень помогли. Надеюсь, что когда-нибудь увидимся при более приятных обстоятельствах.

Я широко улыбнулась, оголив зубы, и начала очень импульсивно махать ему, выбегая из кабинета. Дверь медленно закрывалась, издавая тихий скрип, пока не остановилась, оставив щель.

— Мне будет вас не хватать! – крикнула я напоследок, ускоряя шаг.

— У тебя есть мой номер! – в пустом коридоре его голос

прозвучал эхом – тихо, почти призрачно. Даже не видя лица, я поняла: доктор Шейн улыбался, но улыбка была грустной.

Я быстро двигалась по длинному, слабоосвещенному коридору, параллельно доставая беспроводные наушники из кармана куртки. Звуки шагов неслись вереницей, гоняясь друг за другом. Свет ламп множил тень, вырисовывая цветок с шестью лепестками в форме моего силуэта, который медленно двигался вперед под порывом ветра. Рюкзак сползал с плеча, заставляя поправлять его, накидывая на спину вновь и вновь. Вставив наушники, я открыла плейлист на своем телефоне, пролистала несколько страниц с музыкой и нажала случайную песню.

С доктором Уолисом Шейном нас свела сама судьба. Из детского дома меня забрали приемные родители – Дейв и Стейси Эл. В их семье случилось несчастье – погибла единственная дочка, в возрасте двенадцати лет. Своих детей они больше иметь не могли и решили взять ребенка из приюта.

В двенадцать лет меня забрали из ненавистного детского дома. Позже они признавались, что сделали такой шаг частично из собственного эгоизма, чтобы не чувствовать остроты горечи утраты. А теплота и озорство ребенка в доме помогало найти силы жить дальше. Они никогда не сравнивали меня и родную дочь, понимали, что я другая девочка.

Мы спасли друг друга от одиночества и страданий, но не сразу это осознали.

Отец работает программистом, а мама выгуливает сосед-

ских собак, пока их хозяева заняты. У Дэйва был колоссальный опыт в этой сфере, ведь он занимался этим всю жизнь, даже когда еще учился. Мама так и не смогла найти себя, поэтому крутилась то тут, то там. Это позволило ей овладеть кучей разных навыков, но так и не углубиться в их использование, оставив их на базовом уровне. Например, она была помощником повара, маляром, флористом, курьером, официанткой, мойщиком окон и, внимание, сомелье. Я не знаю, каким образом ее занесло в эту сферу, но вино на все праздники выбирает она.

Стэйси и Дэйв старались узнать обо мне как можно больше: любимую еду, музыку, фильмы и хобби. Но из-за опыта в детском доме и событий ранее, я не открывалась им. При любых попытках поговорить со мной, они сталкивались с колючей броней или просто молчанием. Поэтому, было принято решение отвезти меня к доктору Уолису Шейну, чтобы помочь мне наладить адаптацию в обществе после учреждения.

Доктор Шейн был известен своей успешной работой с детьми и подростками. Отзывы на его терапию и помощь в реабилитации и ресоциализации были исключительно положительными. Не было ни одной семьи, которая бы не отметила его работу с детьми разных возрастов, уникальный подход к каждому ребёнку, а также его программу, разработанную им самим. Он был автором книг, учебных материалов и научных работ, поэтому вызывал доверие у всех, кто к нему

обращался.

Поначалу, я не хотела ходить на консультации. Я никак не относилась к этим встречам, даже не думала о них. Единственное, что меня заботило – моя безопасность, а любая новизна к ней не относилась. Когда все доводы на отсутствие необходимости в терапии закончились, родители просто привезли меня в клинику. Бесконечные разговоры не убедили меня, что это необходимо. Я согласилась, чтобы доказать Дэйву и Стэйси, что в полном порядке.

В начале работы мы просто молчали. Доктор Шейн лишь наблюдал за мной. Каждую встречу меня ждали книги, фото, различные развлечения. Он никогда не настаивал на разговорах, если я его игнорировала или отвечала односложно. Но спустя время мне самой хотелось говорить, открываться.

В начале пути ресоциализации я не общалась с родителями, одноклассниками, учителями, но доктор Шейн помог мне влиться в новое окружение. Я чувствовала, что мне становится лучше, осознавая отпускающую скованность. Я начала активнее проявлять себя на уроках, в разговорах со сверстниками, обзавелась несколькими друзьями. Дома стала присутствовать на семейных ужинах, рассказывать об успехах и неудачах, просить советов, открывать свои чувства без опаски. К сожалению, мне было полностью не избавиться от осторожности в отношении других людей. Каждый раз, когда в моем окружении появлялся кто-то новый, я смотрела на него с подозрением, будучи избирательной и недовер-

чивой.

Дейв и Стейси хорошие люди. Они мне дали все, что у меня есть сейчас, и я им за это очень благодарна. Они приложили титанические усилия, чтобы я могла доверять не только им, но и миру вокруг.

Я приложила плечом, чтобы открыть массивную дверь клиники на тугой пружине. Выйдя на улицу, я глубоко вдохнула прохладный воздух. Лицо обдало холодом, и нос начал хлюпать. На несколько секунд я зависла, любуясь тем, что ранее видела из окна. Отчеканив ступеньки в ритм музыки, я направилась в сторону остановки.

«Давно тебе не снился этот сон.»

Эта фраза отозвалась в моей голове голосом доктора. Действительно так. Все эти события произошли со мной, когда мне было девять. Я мало что помню из той ночи, так как у меня был шок от произошедшего, а затем преследовал стресс от событий в детском доме. Как мне сказали, память вытеснила некоторые моменты, да и сконцентрирована я была на другом. Последствиями стали бессонница, панические атаки, депрессивные эпизоды, а вишенкой на торте была боязнь огня до сумасшествия. Со временем ситуация улучшилась, однако не исчезла полностью.

Мне перестал сниться этот сон каждую ночь, когда я заканчивала школу. В какой-то момент... пупф... и всё прошло. Позже он мне снился еще несколько раз, но моя реакция была более спокойной. А вот страх огня так и не покинул меня

насовсем.

В том пожаре погибли мои родители, а брат пропал после того, как его забрали полицейские. Больше я его не видела. Иногда я задаюсь вопросом, что с ним, хотя, мы не были сильно близки. Мы жили с ним, как соседи, но иногда контактировал. Здоровались, общались за столом. Иногда он помогал мне с уроками, возвращая зерно надежды на милое общение со старшим братом. Я его побаивалась и, в то же время, тянулась к нему. Что-то притягательное таилось в его голове, а непредсказуемое поведение создавало внутреннее противоречия, связанные с его личности и отношением к нему.

Ему было двенадцать на момент пожара. Вспоминая о нем вырисовывается образ симпатичного мальчика, с ломающимся голосом и темно-русыми волосами. Спустя много лет черты лица, которые должны были осесть в моей памяти, полностью растворились. Не осталось ни одной фотографии, так как все было уничтожено при пожаре. Наши отношения не были близкими, но и чужаками нас не назовёшь.

Иногда он утешал меня, а я списывала его внезапные приливы нежности на просьбы отца проводить со мной время, спасая от одиночества. Папа работал в приюте для новорожденных, часто оставался там на ночь, ведь подкидышей приносили исключительно ночью. А мама...она сидела дома, но я никогда не могла вспомнить, чем она занималась. Помнила лишь ее отношение ко мне. Такого не забудешь даже с помо-

щью лоботомии.

Дойдя до остановки, на мою удачу, стоял ожидающий меня автобус, заставив ускорить шаг. Из-за погоды дым от выхлопной трубы казался гуще обычного. Пахло бензином и металлом, двигатель заставлял машину трястись. Я влезла внутрь. Полупустой автобус светился, манящими свободными местами, чтобы слиться с салоном. Кресла были обтянуты кожаменителем, потрескавшимся и протертым от времени. В некоторых местах виднелись торчащие куски синтепона нового наполнителя и каркас сидения. Пол был грязным, окна в разводах. Люди вели себя так, словно вокруг них никого нет, и они в салоне совершенно одни.

– «Повезло», — подумала я и уселась на одиночное место у окна.

Постояв несколько минут, мы тронулись. Двери со скрипом закрылись, и транспорт повез меня в сторону дома. Я оперлась подбородком на ладонь, уткнувшись щекой в согнутые пальцы, наблюдая, как по встрече проезжают машины с разной скоростью. Мимо неслись магазинчики с выпечкой и кофейни. Витрины с одеждой были ярко подсвечены, а в кафе сидели люди, занимаясь своими делами. На город опускался вечер, окрашивая небо приятными темными красками, солнце практически скрылось за линией горизонта, пригласив на смену всепоглощающие облака. На душе становится спокойно.

Воображая завтрашний переезд, тело пробирал мандраж.

Предвкушение долгой дороги вызывало странную улыбку, но осознание, что я буду жить в другом городе, в другом доме, спать на другой кровати стирало ее с моего лица, сводя скулы, как от откушенного лимона с цедрой.

Отца повысили на работе, а эта должность базируется в другом городе, поэтому нами было принято решение переезжать. Мы готовились около месяца. Собирали вещи, подбирали жилье, а также место моей учебы. Из-за этого придется оставить здесь то, что было нажито таким трудом, но родители не увидели в этом проблемы, ведь на новом месте будут новые приобретения, знакомства и позитивные эмоции, а это место оставит внутри лишь теплые воспоминания. Друзья останутся моими друзьями, просто мы будем на расстоянии друг от друга.

Все же доктор был прав. Жизнь так многогранна. Она включает в себя грусть и радость, тоску и предвкушение встречи. Одного не бывает без другого.

Вечер обещает пройти душевно.

Глава 2. Лу

Я добиралась до дома около двадцати минут. Забежав в дом, тепло родных стен обожгло мои замерзшие пальцы и щеки. Пахло вкусным ужином, томящимся в духовке, с кухни доносились песни местной радиостанции, повсюду горел теплый свет. Уют обнимал за плечи и дарил искреннюю улыбку.

Не успев разуться, я услышала голос мамы, доносившийся с кухни:

— Скороход, ты там не опаздываешь?

— Очень смешно, мам, — сняв ботинки второпях, я отправилась в свою комнату. — Без меня не начнут. Я чуть задержалась у доктора Шейна. Не хотелось заканчивать слишком быстро, — я стала говорить громче, — мы же с ним больше не увидимся.

— О да, он очень помог. Что наденешь?

Я швырнула куртку на кровать и начала стягивать с себя одежду.

— Понятия не имею. Может, рубашку с пиджаком и джинсы.

— Отличный выбор, — ее голос оказался у меня за спиной, заставив дернуться. — Трусиха, — она стояла, опершись плечом о дверной косяк, скрестив руки.

Я ответила ей передразнивающей ухмылкой и продолжи-

ла ковыряться в шкафу.

— Долго планируешь тусить?

— Не знаю. Если что, увидимся в Житраке, я вроде где-то записала адрес.

— Ха-ха, — мама щелкнула меня по уху, что больше походило на поглаживание. — Собирайся, Лу, ты должна вернуться до приезда папы.

Слова удалялись в сторону кухни вместе с ней. Через несколько секунд я услышала, как мама напевает песню, играющую из радиоприемника.

Я усугубляла бардак в шкафу, ковыряясь в куче вещей, ища выбранный наряд полминуты назад. Найдя желаемое, быстро надела рубашку, а пиджак кинула на куртку. Рубашка оказалась мятой, поэтому я побежала в ванну, надеясь разгладить ткань влажными руками.

— Ты гладишь? – последовал вопрос с кухни.

— Да, – нарочито серьезно крикнула я. — Постараюсь не спалить рубашку.

Вернувшись обратно, я натянула остальные вещи. Поправляя волосы, глаза цеплялись за отражение моей комнаты, и привкус грусти стал обволакивать рот. Перед тем как уйти, забежала на кухню. Мама сидела на стуле и читала журнал, поглядывая на тикающий таймер.

— Запах чудесный, – я стала разглядывать шипящее мясо через дверцу духовки, глубоко вдыхая аромат специй.

— У меня уже слюнки текут. Жду не дождусь, когда смогу

поесть, — мама жадно сглотнула, продолжая разглядывать фото в журнале.

Наша кухня-гостиная действительно выглядела отлично. Было чисто, пахло вкусами, на стенах висели шарики и огромная надпись из бумажных букв — «Поздравляем!».

Наш дом в принципе был очень милый и аккуратный. Повсюду стояли живые цветы, светлые обои визуально расширяли пространство, телевизор напротив мебельного уголка являлся центром сбора всей семьи вечерами. Под ногами пушистый и теплый ковер пепельного цвета был похож на снежную насыпь, куча смешных мягких тапочек в виде различных животных на полке обычно предназначалась для гостей. С этим домом связано много воспоминаний, которые мы заберем с собой, но частичка нас все равно останется здесь.

На столе стояло блюдо со свежееиспеченным печеньем в форме букв. Такие сладости мама часто делала, когда я была младше. Мы играли в игру, составляя из них слова. Она загадывала слово, и если у меня получалось выложить его, то мне разрешали съесть на два печенья больше. Вспомнив это, грудь дернулась от внутреннего смеха. Я схватила первую попавшуюся букву и откусила от нее кусок. Мама подняла на меня глаза и широко улыбнулась.

— Ты все та же малышка, — она подперла подбородок ладонью, касаясь пальцем уголка глаза. Это был ее способ скрывать накатывающиеся слезы. В ее взгляде улавливался

грустный блеск, будто я могу исчезнуть.

— Для тебя я буду малышкой даже лет в пятьдесят, — мои пальцы стали ловить скопившиеся крошки в уголках рта. В глазах мамы было столько тепла и нежности, вызвав ответную улыбку, но вспомнив разговор с доктором Шейном, я решила кое-что спросить перед уходом:

— Мам, скажи мне, а в год, когда погибла Лора, произошло что-то хорошее?

— Да, — она встала из-за стола, подошла и нежно коснулась моего плеча. — В нашей жизни появилась ты.

— Как вы так быстро решились после ее смерти? — меня ударило током, когда я поняла, насколько бестактно это звучит. — Извини, что спрашиваю о таком, — стыд накатил ледяной волной.

— Все в порядке, милая, — ее глаза помрачнели, окрашивая лицо тоской. — Мы с папой были очень подавлены потерей, но в какой-то момент поняли, что нам нужен кто-то, кому мы можем дать всю ту любовь, которую должны были дарить Лоре всю нашу жизнь и даже после. Решение, что это должен быть ребенок из приюта пришло естественно, не вспоминая об отсутствии возможности иметь своих детей. Осознание, что есть люди, уже пришедшие в этот мир, лишенные любви, ласки, поддержки и семьи, казалось несправедливостью. Вселенная подталкивала нас к этому шагу всю нашу жизнь, — она нежно взяла пальцами прядь моих волос и убрала их на затылок. — Мы влюбились в тебя, как только

увидели. Ты была так похожа на нее, но в то же время совсем другая. В этот же день мы решили, что это будешь ты. Нас предупреждали, что ты многое пережила и ты сложная, но это еще больше подтвердило — мы делаем верный выбор. Мы знали, что не ошиблись. Так и произошло.

— То есть тот год был и чудовищным, и радостным одновременно?

— Да, тыковка, — ее нежный голос перешел на шепот. — К сожалению, жизнь такая, какая есть. Лора навсегда останется с нами, и, я уверена, она наблюдает и гордится тем, что мы сделали. Она была бы только «за».

— Все так сложно, — я старалась вспомнить то, чего не могла знать. — Горькая смерть и новая жизнь в один год. Всегда так?

— Боюсь, что да. Ты уже сталкивалась с подобной ситуацией, просто еще не поняла этого. Твои родители погибли в пожаре — это горечь утраты, но ты осталась жива, родившись в рубашке. И это новая жизнь.

Я улыбнулась, глубоко вдохнув, крепко обняла маму, а она стала делать вид, что ей не хватает воздуха. Мимолетно поцеловав кончик ее носа, я взяла еще одно печенье.

— Все, я побежала. Люблю тебя!

— Будь осторожна!

— Как всегда.

Я обулась и выбежала на улицу, закрыв за собой дверь. От моего дома до кафе было около двадцати минут пеш-

ком. Идя быстрым шагом, мне удалось управиться за минут пятнадцать. Меня встречали яркие огни и суматоха, скрывающаяся за шторами места сбора с друзьями. Голоса сливались в единый гомон, маня подслушивать тайну разговоров.

Подойдя к двери, я остановилась, восстанавливая дыхание. Предвкушение и трепет сродни чувству захода в экзаминационный кабинет заставляли ноги пружинить. Легкое волнение переливалось в теле, как в бутылке воды наполовину полной. Я потянулась к дверной ручке. Руки чуть сковывало то ли от нервов, то ли от холода, но в этот момент я услышала голос Дэна:

— Не заходи! Я тебя видел!

— В смысле?

— Мы не готовы!

Я ненадолго зависла. Что у них там происходит? Не думаю, что там что-то грандиозное, но я решила не портить им задумку и немного постоять у двери. Спустя полминуты, я начала переминаясь с ноги на ногу и греть ладони. Тепло дыхания проносилось по коже, слегка покалывая и заставляя волоски шевелиться.

— Ну что? – прокричала я в тонкую дверную щель, от которой ощущалось манящее тепло.

— Нет! – игриво отрезал Дэн.

— Ты обалдел? Я здесь сейчас околею!

— Да кого ты слушаешь, — зазвучал тонкий девичий голос. — Заходи, Лу.

После этих слов я начала медленно заходить и услышала хоровой вой ребят: «НЕТ!». Но было уже поздно. Резким движением дверь в кафе распахнулась, затягивая меня внутрь сквозь пелену тепла. Неожиданно раздались несинхронные хлопки, и на меня обрушилось разноцветное конфетти. Я успела зажмуриться, но шапку и волосы было не спасти. Моя голова стала похожа на праздничный кулич.

— С ПЕ-РЕ-ЕЗ-ДОМ! – хором пропели все присутствующие.

— Если бы я знала, что вы будете так рады, то давно бы покинула Кразо, — улыбаясь сказала я, стряхивая разноцветные бумажки и блески.

— В добрый путь, — сказал Рой и хлопнул меня по плечу.

— Это чтобы я скорее уехала?

— Очень смешно, — Дэн снял с меня шапку и начал отряхивать конфетти.

С Дэном мы дружим со школы, был первым, кто заговорил со мной, когда я особо не горела желанием общаться со сверстниками. Он оказался довольно упертым и таки добился того, что я с ним заговорила. Мои первые слова в его адрес были: «Ты меня бесишь». Дэн лишь рассмеялся и начал доставать меня еще больше.

Высокий шатен, чьи волосы на солнце отливают рыжим. Грубоватые черты лица из-за широких скул, но большие карие глаза всегда выдавали в нем ребенка.

По мере работы с врачом и поддержки своих домашних

он начал казаться забавным, а не раздражающим. Так зародилась наша дружба.

— Улыбнись пошире, мисс Эл, мы хотим запомнить тебя жизнерадостной, – передо мной возникла камера, а за ней виднелись угольные волосы.

— Шон, опять ты со своей камерой, – сказала я с наигранным возмущением, поправляя волосы, чтобы выглядеть лучше, чем есть.

— Конечно, как я мог не взять ее!

Шон был другом и соседом Дэна. Когда Дэн начал со мной водиться, никто из его друзей и знакомых его не понял. Никто, кроме Шона. У этого парнишки было какое-то свое видение мира и отношение к нему. Они с Дэном были абсолютно разными, тем самым дополняли друг друга. В противовес угловатым чертам лица и цвету темного шоколада волос Дэна, Шон выделялся черными волосами, ангельским лицом и серыми глазами. Друзья понимали друг друга с полуслова, знали о мыслях и желаниях друг друга, всегда могли подобрать слова. Только Дэн был сердцем, а Шон разумом.

— Я озвучил на занятиях, что хочу пройти практику в оперативной группе, – Дэн аккуратно разливал напитки по стаканам. – На меня смотрели, как на психа, но это же классный опыт. Не всегда приятный, но классный.

— Лучше проходить практику в опергруппе, чем в морге. Да, Рой? – объектив камеры устремился на короткостриженного парня, уплетающего вишню в сиропе.

Дэн никогда не обращал внимания на чужое мнение. Если он чего-то хотел, то делал. Если ему что-то было интересно, то он этим увлекался и никогда ничего не стеснялся. Шон, в свою очередь, мог всегда логически все это объяснить и донести до окружающих, почему Дэн так поступает, но редко считал это чрезвычайно важным, поэтому одноклассники либо вообще не понимали, чем эти двое увлекаются, а если начинали вдаваться в подробности, то недоумение сменялось на жуткий интерес.

— Даже не знаю, что лучше: ковыряться в канавах в поисках трупов и улик или ковыряться в телах, изучая причину смерти человека, – взгляд исподлобья устремился в объектив, но за секунду переместился на Дэна. – По крайней мере, я не подхвачу заразу из застоявшихся помоев.

— Омерзительно, – мое лицо скривилось.

— Какая прелесть, – издевательский тон Дэна вызывал улыбку. – Этим ты кадришь девчонок?

Рой провел рукой по ежику на голове, подмигивая Дэну, на что тот ответил ему воздушным поцелуем и похлопыванием по плечу.

История Роя не похожа на светлую сказку, но не походила на мое прошлое. У него своя история.

Он перевелся к нам из другой школ. Там случилось кое-что неприятное, хотя Рой был не виноват. Да, он любитель подурачиться, может быть очень шумным, неудобным для взрослых, но никогда не был хулиганом, которым его выста-

вили. Русые бритые волосы, голубые глаза, худощавое лицо могли дать ложное представление о его маргинальности, которой Рой не отличался. Он цеплял не только внешностью, но и своей харизмой.

В его старой школе была драка. Он в ней участвовал. Одного парня сильно избили. Так называемые друзья скинули свою вину на Роя, а он не был кровожадным, как они. Эти подонки избили того парня. Чуть не убили. Но он выжил, хотя проблемы со здоровьем стали необратимы. Когда начали разбираться в ситуации, то выяснилось, что имена некоторых ребят пропали из полицейского протокола. У них появилось алиби на момент случившегося, будто бы их там не было вовсе. А потом стало известно, что отец одного из парней очень важная шишка.

Родители Роя грозились подать в суд, но к ним пришел адвокат богатенького парнишки и сообщил, что дело они проиграют и сделают сыну только хуже. Было принято решение урегулировать вопрос миром. Семья Роя получила хорошую выплату, а также им помогли перевести его в другую школу. Директор той школы был алчным козлом, заботившийся лишь о престиже и желающий не потерять мецената. Он просто хотел избежать проблем и шума, а не заниматься поиском правды.

Ублюдок.

Поначалу Рой был по состоянию еще хуже, чем я, оказавшаяся в приемной семье. У него были близкие друзья, что

предали его. Потерять – больнее, чем не иметь вовсе. И вот он попал к нам. Из-за его характера и душевности Рой был и есть как открытая книга. Ему достаточно услышать доброе слово, чтобы впустить в свою жизнь человека. Прошлого ничему его не научило. Если бы мы были такими же скотами, как те, кто предал его, то он снова получил бы удар. Но в этом весь Рой.

Простота.

В этот момент девчушка с тонким голосом и волнистыми светлыми волосами вышла с кухонной раздачи.

— А вот и вкусняшки! – пропела она.

— О господи, Нана, ты просто чудо! – воскликнула я.

Нана моя близкая подруга, которую я встретила в клинике. Она была волонтером, помогала то тут, то там. Даже в своем нежном и юном возрасте, она старалась быть старше, старалась быть полезной. Нана заметила меня, когда я вышла на перерыв с сеанса доктора Шейна и предложила какао, которое они раздавали на какой-то праздник. После нескольких встреч я решила последовать совету доктора раскрыться и поняла, что она мне близка по духу.

Мы начали общаться все чаще, и это переросло в крепкую дружбу. Потом выяснилось, что она из параллельного класса, поэтому мы особо не пересекались в школе, а если и пересекались, то не обращали внимания друг на друга.

Дорогие люди всегда ближе, чем ты думаешь. Если они появляются в твоём окружении, значит, так было нужно.

Все принялись пробовать то, что принесла Нана. Свежеиспеченные кексы наполнил рот слюной. Нежный бисквит и шоколадная начинка – лучшее сочетание в моем представлении. На соседнем столе лежало несколько коробок из-под пиццы, накрытые пледом, а также бутылки с горячительными напитками и лимонадом.

Шон продолжал снимать все, что происходит. Он брал дурацкие ракурсы, задавал вопросы. Поначалу я была зажата, но спустя время расслабилась и мне стало весело. Сложно было представить мой первый день в новом колледже без них. Периодически меня охватывало одиночество, вводя в ступор. Тело сковывало, словно сонный паралич. Пока было сложно принять, то, что все нужно будет начинать сначала.

Я уже по ним скучала. Очередной разговор вернул меня в реальность.

— Где вы будете жить? Ты видела ваш новый дом? – Рой пританцовывал в ритм музыки с бокалом в руках. – А колледж? Давай рассказывай.

— Что же, — начала я. — Меня без проблем перевели на юридический факультет с криминологическим уклоном. Я просто в восторге, – от улыбки проступили морщинки в уголках глаз. – Насчет жилья. Отец нашел неплохой домик недалеко от колледжа. Буквально двадцать минут пешком. Там должно быть очень мило. Надеюсь, не будет как в фильме ужасов, типа новый дом, а там куча призраков и вообще он построен на кладбище.

— А когда ты сможешь дать нам адрес? Ну чтобы письма посылать, — поинтересовался Дэн.

— Я покажу тебе, как пользоваться мобильником, — Рой отпил из бокала.

— Ну, может, мы захотим приехать в гости. Ты же собираешься нас пригласить?

— Она еще не уехала, а ты готов последовать за ней в Житрак, — Шон втянулся в разговор, не отрываясь от поедания пиццы.

— Неужели ты бы не отправился за близким тебе человеком? — спросила Нана, смотря то на Шона, то на Дэна, однако Шон ничего не ответил. Уголок его рта приподнялся, а взгляд рухнул под ноги, словно что-то вспоминая. Дэн, в свою очередь, подсел ближе ко мне и протянул кусок пиццы. Он всегда старался быть ближе, переживал. Гиперопекающий брат. Мысли об этом забавляли и грели одновременно.

Под влиянием горячительного мы стали раскрепощаться.

— Кто-нибудь помнит, как звали того парня, который решил поспорить с Роем на то, кто перепрыгнет с одного мусорного бака на другой? — спросила Нана, отпив из бокала.

— Джонатан, — ответил Шон.

— Я вообще не понимаю, о чем вы говорите, — влезла я.

— Потому что ты была очень пьяна и спала как убитая, — сказал Дэн, смотря на меня с издевкой.

— А давай вспомним твой крайний день рождения, дорогой мой, — подколола я.

— Может не стоит?

— Ты напился и рассказывал пошлые анекдоты. Затем вляпался рукой в собачье дерьмо и вытер его о куртку какой-то девчонки, – невозмутимо продолжил Шон.

— Нет-нет, мне совсем не стыдно. Продолжай, – Дэн прикрывал лицо ладонью, отпивая напиток.

— Вот именно, продолжайте, — сказала я. — А то в этот момент я выслушивала признание в любви.

— Что?! – резко все повернулись на меня.

— Кто она? – Рой уперся локтями в колени, приблизив ко мне лицо.

— Нана.

Я покосилась на подругу, которая поперхнулась напитком. Ее глаза стали похожи по размеру на подставки под бокалы, и она еле заметно замотала головой.

— Я не знаю, о ком шла речь, – мои плечи подпрыгнули к ушам. — Сколько я не пыталась добиться у нее ответа, она всегда отвечала...

— Да не помню я, – перебила подруга. Ее голос был выше, чем обычно.

— Да неужели, – Дэн наклонился к ее лицу. – Кто же этот парень, что проник в сердце нашей милой Наны? – подруга покраснела и сделала большой глоток.

— Девочки, не ссорьтесь, – я подошла к Шону и кивнула в сторону камеры. – Время для важных слов.

Каждый раз, когда нужно было говорить какую-либо речь,

я зажималась. Все мысли покидали голову, и оставалась лишь несвязная чушь. Вот и сейчас, когда нужно сказать важные слова, я растерялась. Переводя взгляд с человека на человека, перед глазами проносились самые светлые, веселые и яркие моменты нашей дружбы. Дни рождения, появление домашних животных, экзамены, споры, ссоры и примирения. В этих людях отражаюсь я, а они являются моим отражением. На меня напала тоска.

Видеться на каникулах, созваниваться по видеосвязи, возможно писать письма. Это прикольно, но этого будет мало. Я почувствовала, как слезы стали заполнять глаза, нижние веки начали предательски подниматься, брови сходились у переносицы, но я старалась сдерживаться.

— Давай я начну, — Рой встал из-за стола и чуть отошел в сторону, чтобы мы все могли его видеть. — Ребята, я появился в вашей компании самым последним. Вы приняли меня как родного, зная, какое прошлое у меня за спиной. Я вам очень благодарен, — его искренняя улыбка ослепляла. — Смотря на то, как вы дружите, я понял, что раньше меня окружали одни кретины. Чувство одиночества, которое меня преследовало, стало отступать после того, как вы появились в моей жизни. С каждым днем я все больше чувствовал облегчение, и, в конце концов, боль отступила, — он посмотрел на меня, вызвав мурашки в грудной клетке. — Лу... мне казалось, что ты очень похожа на меня. Ты была со мной самой осторожной, и то, что ты признала меня, стало большим прорывом.

Ты всегда видела меня насквозь. Каждую мою ложь, каждый мой косяк, каждую мою оплошность. Ты мне как сестра. Я надеюсь, что ничем не обидел тебя и ты будешь помнить обо мне только хорошее. А если обидел, то прошу у тебя прощения. Я благодарен тебе за то время, что ты была рядом. Люблю тебя, сестренка, — он подбежал ко мне, одарил крепкими объятиями и легонько дернул за волосы.

— Ты просто прелесть, Рой, — Нана нежно погладила парня по плечу. — Теперь я, — она встала на место Роя и сделала глубокий вдох. — Лу, ты знаешь, что я тебя люблю. Когда я впервые увидела тебя, ты предстала потерянной. Я решила, что хочу просто поговорить, но ты была как ежик, — девушка мило сморщила нос. — Мне часто говорили, что я скромная и быстро сдаюсь, но в этот раз я решила идти до конца. И не ошиблась. Ты оказалась просто замечательным человеком. Самым замечательным, кого я знаю. Ты всегда была на моей стороне, защищала, помогала, выслушивала мой треп, давала кучу дельных советов, — на мгновение она замолчала. Смотрела на меня щенячьими глазами. Они казались стеклянными. — Ты — моя самая лучшая и близкая подруга. Самые светлые воспоминания связаны с тобой. Я люблю тебя. Обещай не забывать.

На этих словах она сломалась. У нее потекли крупные капли слез, по щекам побежали дорожки влаги с примесью туши, нос зашмыгал. Нана поджала губы и подошла ко мне. Я встала со своего места и окутала крепкими объятиями

хрупкие плечи, а она обвила мои тонкими руками. Ее парфюм, пропитавший нежные волосы, щекотал нос. Нана грубо дышала, сдерживая плачь. Она была мне подругой и сестрой. Мысль о расставании приносила острую боль в груди.

— Милая, ну что же ты, – голос предательски задрожал. – Я же не умираю, а просто переезжаю, – я отпрянула от нее и стала протирать ей щеки от слез. – Ну вот, у тебя потекла тушь. Теперь будет щипать.

Она взяла со стола салфетку, стала вытирать глаза и щеки, а затем высморкалась в нее.

— Девочки, давайте я чуть разбавлю эти сопли. Ну-ка поддержи, – Шон протянул Рою камеру. Он встал на то место, где уже стояли двое моих друзей, поправил свитер и выпрямился.

— Мои друзья – моя защита,
Моя опора на века,
Нам не страшна ни клевета,
Ни крепость вражьего щита.

— А ты подготовился, — хохотнул Дэн.

— Заткнись... Нам память смертью не стереть,
Мы помнить будем это время,
Большого расстояния бремя,
Мы сможем все преодолеть.

Помещение наполнилось яростными аплодисментами и свистом. Шон завершил прочтение реверансом.

— Лу, ты замечательный человек. Я очень рад, что знаю тебя и никогда не забуду. Помни и ты обо мне и отвечай на звонки и сообщения.

Я стала активно аплодировать. Шон подошел ко мне и слегка приобнял за плечо. Я нежно похлопала его рукой по ладони. Ощущение тепла его тела через одежду вызвало легкую дрожь, как от щекотки.

Остался лишь Дэн. Он сидел рядом со мной, но не соби-
рался вставать, как все остальные. Рой отдал камеру Шону и тот направил ее на друга. Дэн сидел, опустив глаза в пол, и что-то перебирал в руках, затем он посмотрел на меня исподлобья и нежно улыбнулся, вновь уронив взгляд вниз.

— Лу, — его голос дрожал. — Я долго думал, что тебе сказать. Ребята уже сказали очень много и даже больше, не хочу повторяться. Ты прекрасно знаешь, что ты мой самый близкий человек. Ты знаешь, что я проникся к тебе с того самого момента, как увидел. Ты знаешь, что я готов на многое для того, чтобы ты была счастлива... я вот-вот заплачу. И я этого не стесняюсь.

Слезы просачивались сквозь улыбку, как солнце во время дождя. Лучи пробиваются через грозовые тучи, а земля озарена ярким светом. Его губы были сжаты, приподняты уголки рта, а у висков виднелись еле заметные складки. Появилось странное чувство в груди, разрастаясь внутри тонкими длинными корнями.

— Не представляю, как сложится моя жизнь дальше, но

точно знаю, что твой переезд не сможет повлиять на нашу дружбу. Я уже чувствую, как мне тоскливо и дерьмово, как мне не хватает тебя, как я буду желать тебя видеть каждый день с момента твоего уезда. Хочется, чтобы время остановилось прямо сейчас.

Смотря на Дэна, внутри меня была буря. Чувства переполняли настолько, что я готова была разлететься на кусочки, словно зеркало от удара. В голове проносились все те моменты, которые я помнила и никогда бы в жизни не забыла. Как все началось, как он защищал меня, веселил меня, учил стрелять из воздушки, провожал в школу, затем в колледж. Как мы играли в видеоигры, ночевали друг у друга. Это были лучшие дни в моей жизни.

— Ты мой человек и была им с самого начала. Я буду хранить внутри каждое твое доброе слово. Мне повезло с тобой. Ведь я...

Мы все смотрели на него. Он просто замер, не мог выговорить ни слова, словно его язык распух от отека Квинке. Дэн глядел мне прямо в глаза не моргая. Его нижняя челюсть немного сдвинулась в бок. Было видно, как он боролся с собой. Никогда раньше не видела такого выражения на его лице.

— Я...

Нана выглянула из-за моего плеча, Рой вытаращил глаза, а Шон выглянул из-за камеры, чтобы видеть реальную картину своими глазами. Я взяла его за руку, чтобы успокоить,

и вдруг почувствовала что-то спрятанное в ладони.

— Я... хочу подарить тебе это.

Он вытащил руки из-под стола, и моему взору предстал брелок в виде маленькой кожаной книжки. Она была черной с золотистыми уголками, прошита белыми нитками. С края обложки был пришит короткий ремешок на кнопке, чтобы книга могла закрываться. От удивления я почувствовала, как вытянулось мое лицо.

— Боже мой, Дэн! — кинулась я ему в объятия. — Спасибо тебе! Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Я все уши прожужжала ему насчет этого брелока. У меня был похожий. Его подарил мне покойный отец. Для меня он значил очень много. Дэн был единственным, кто знал об этом, даже родители не знали. Эмоции переполняли, которые я не могла выразить словами. Чувство, когда ты маленький, тебе дарят игрушку, которую ты давно хотел, и ты готов ее разорвать насколько сильно ты счастлив.

Она тебе нравится, она тебе становится дорога за секунду. Дэн был самым проникательным и близким для меня человеком.

Может это и есть любовь?

Когда я, наконец, оторвалась от Дэна, Нана и Рой уже стояли рядом с большой доской в руках и сияли улыбками. Доску обрамляла деревянная рамка синего цвета. На ней были написаны забавные прозвища, которые мы давали друг другу, и отпечатки ладоней, подписанные их владельцами. Я по-

дошла ближе и увидела кучу наших совместных фото: отдых на пруду, барбекю, дни рождения, аквапарк, посвящение в первокурсники. Мы выглядели такими счастливыми.

— Вы просто скоты! — на выдохе сказала я. — Вы хотите вызвать у меня инфаркт.

— И мы тебя любим, дорогая! — пропела девушка.

Я посмотрела на Нану и потрепала за щеку. Она надула ее и скосила глаза. Некоторое время я разглядывала фотографии, трогала их и улыбалась, погружаясь в воспоминания о тех днях, когда мы были все время вместе, после чего я сделала несколько шагов назад и посмотрела на ребят. Все мои друзья встали напротив. Мое горло запершило, когда я старалась сформулировать мысли у себя в голове, сердце кололось, во рту пересохло. В кистях было странное чувство — их стало выкручивать.

— Я не знаю, как начать, — после паузы в пару секунд, я заговорила. — Проведя сегодняшний вечер с вами, я поняла, насколько вы мне дороги на самом деле. Вы задели на столько глубокие струны моей души, отчего хочется не то что плакать, а выть. Мне страшно, — пальцы гладили ладони. — Страшно, что я не справлюсь без вас. Что вы забудете меня, что замените меня кем-то. И будете этому кому-то рассказывать о том, что с вами была одна девчонка, но она переехала. Что вам было с ней очень весело, но это было давно. Я стала тем, кто я есть во многом благодаря вам, это все ваша заслуга. Вы меня заметили, вы в меня поверили, вы мне

доверились.

Все это время я смотрела в пол, чувствуя, как слезы наполняют мои глаза, застилая обзор. Им стало тесно, они скатывались по щекам, капали на пол, возвращая привычную картинку вокруг. Ком сидел в горле. Он был такой тугой и плотный, что хотелось прокашляться. Начала болеть голова.

— Вы простите меня, если что-то было не так, я не со зла, — горло захрипело, когда я продолжила. — Моя жизнь делится на «до» и «после». Опять. Только сейчас я начала понимать, что происходит. Что скоро наступит день, когда я не смогу прибежать к вам, чтобы просто увидеться. Не смогу обнимать вас каждый день, беситься с вами, тусоваться. Делать то, что мы обычно делали. Теперь наши встречи не могут быть спонтанными, их нужно будет планировать в календаре, как взрослым. Я так редко вам говорила, что люблю вас.

Я больше не могла сдерживать эмоций. Плачь прорвался наружу, заглушая слух. Раздался слабый писк в ушах. Я просто выла. Мне столько хотелось им сказать, но я не могла. В груди все сдавливало от боли и тоски, хотя они все стояли рядом со мной. От меня отрывают куски меня. Жизнь — очень злая штука.

— Боже, ребят, мне так страшно. Я не хочу уезжать. Я не смогу без вас. Что же мне делать?

На этих словах Дэн подскочил ко мне и крепко обнял, чмокнув в щеку. Мои руки обхватили его спину и плотно

прижали к себе. Он уткнулся лицом в мое плечо, и я услышала, как он плачет. Я рыдала во все горло, крича в потолок. Слезы катились на волосы, скапливались на подбородке и стекали по шее, врезаясь в одежду Дэна. Я почувствовала тонкие и нежные руки, обхватывающие мою талию, а затем как чей-то лоб прижался к моей спине.

Нана.

Рой подошел к нам, широко раскинув руки в стороны, и обнял Дэна за плечи и Нану за спину, прижавшись к нам всем. Наши с ним лбы соприкоснулись, и я почувствовала запах его парфюма. Шон поставил камеру на кассовую стойку и быстро подбежал к плотному комку объятий. Обойдя наши слитые тела, он оказался между мной и Наной, прямо напротив Роя и обхватил длинными руками всех нас.

Это будет самое эмоциональное видео из всего архива.

На все кафе раздавался вой и плачь. Мы не сдерживались и не смущались. Мы были друг для друга самыми близкими людьми, но настало время прощаться. Я знала, что еще увидимся миллион раз, но в данный момент, в эту минуту и эту секунду было настолько горько, что разрывало на части. Дэн первый ослабил хватку, и мы медленно разошлись, отстраняясь на несколько шагов друг от друга. Вытирая слезы, старались отдышаться и успокоиться.

— Господи. Я так рыдал только при просмотре «Погребенного заживо», — сказал Дэн, вытягивая лицо, убирая слезы ладонями.

— Требую совместную фотку, пока мы все в соплях! — воскликнул Рой.

— Я согласна, — сказала Нана и полезла в свою сумку, вытащив оттуда полароид и пульт.

— Ух ты, вот это аппарат, — восхитился Шон. — Все в кучу!

Дэн и Шон скрестили руки так, что я смогла на них сесть. Рой посадил Нану себе на плечи и встал сзади нас.

— Все готовы? — спросила Нана, не ожидая ответа. — На счет три... Раз. Два. Три.

Раздался громкий щелчок фотоаппарата, и вспышка, ослепившая нас, навсегда запечатлела тот самый момент в истории нашей дружбы.

Я неслась домой с огромной доской, обклеенной фотографиями и заветным брелком. Мне хотелось скорее увидеть родителей. Порывы кричать на всю улицу от неумемного счастья сдерживало лишь сбитое дыхание. В голове проносились слова друзей, вызывая покалывания и согревающее тепло под ребрами. Это не значит, что страх рассеялся окончательно, но адреналина бы хватило, чтобы поймать змею голыми руками.

То ли выпивка виновата, то ли я действительно получила мощный заряд, дающий мне энергию, ведь обычно я была тем человеком, который давал им пинка под зад для новых свершений. Но сейчас, чтобы сдвинуть меня с мертвой точ-

ки, потребовались они все. Не думала, что я такая трусиха.

Отец должен быть с минуты на минуту. Я задержалась уже на выходе из кафе. Так всегда бывает, когда настает момент прощаться. Внезапно находятся слова, которые не сказали, темы, которые не обсудили, и слезы, которые не выплакали. Я раздала всем свой адрес на бумажках, чтобы они смогли приехать в гости. Больше всех, конечно, — настаивал Дэн. Он сказал, что ему так будет спокойнее.

На улицу спустился поздний вечер, близилась ночь. Воздух стал совсем холодным, ветер жег мне лицо, пока я рассекала прохладу, то прибавляя, то сбавляя шаг. При каждом вдохе холод бил по горлу, высушивая язык и небо. Я готова была осушить целое озеро. Фонари освещали мне путь, а фары автомобилей ослепляли, проносясь мимо и скрываясь во тьме, оставляя наблюдать за мной лишь два красных глаза. Тонкий аромат свежести трезвил, а выпитое грело тело изнутри.

Подбежав к дому, я чуть ли не с ноги открыла дверь. Сначала вошла «доска воспоминаний», а затем я. Я придумала ей название, как только увидела ее.

— Мам! — радостно завопила я.

— Лу, ты...ух ты, — мама резко остановилась, увидев огромную доску в моих руках.

— Круто, да? Ребята так постарались, я просто в восторге!

— Минутку, ты пила? — ее брови игриво поднимались и опускались.

— Я же говорю, ребята постарались.

— Иди раздевайся скорее, — она щелкнула меня по носу.

— Дай пока поглазеть.

Я отдала маме подарок, а сама пошла в свою комнату. Кажется, ей тоже понравилась задумка. Она с огромным воодушевлением и аккуратностью обхватила раму, рассматривая фотографии на вытянутых руках. Покидав вещи на кровать, я засемила на кухню, проскальзывая носками по ламинату.

— Это же твой день рождения! Какая классная фотка! — мама указала пальцем на одну из фотографий.

— Да. Они там такие фотки откопали, — я пристроилась рядом с ней, чтобы детальнее изучить содержимое.

— Ваш выпускной со школы, — она ткнула пальцем в другой снимок. — Это вроде ваша совместная ночевка. А здесь... а здесь что? — ее взгляд был прикован к одной из фотографий.

— Эм. Это первокурсник, мам.

— А что надето на Рое?

— Ничего.

— Прямо совсем.

— Это было на спор, — я поджала губы.

— Не продолжай, — она смущенно улыбнулась. — Как мило.

Мама осмотрела меня сияющим, но грустным взглядом, излучающим заботу. Он пронизывал насквозь время, выри-

совывая картинки прошлого, видневшиеся только для нее. Легкий вдох казался принятием неумолимо несущихся лет. Я обняла ее со спины и закопалась носом в волосах, почувствовав терпкий запах духов.

— Что с тобой, мам?

— Ты так выросла, — ее голос дрогнул, а глаза стали краснеть. — Это хорошо, но так не привычно. Помню, какой ты была маленькой. Я укладывала тебя спать, клала с тобой твоего любимого зайца, который уже был похож на пожеванную коровой подушку, а ты просила меня посидеть с тобой рядом совсем немного.

— Я очень любила мять твои подушечки пальцев, — я надавила на упругую кожу фаланги ее безымянного пальца. — Они такие приятные. Меня всегда это успокаивало.

— Милая, я просто волнуюсь за тебя, — ее ладонь легла мне на предплечье. — Ты так быстро выросла, что я не успела насладиться теми днями, когда ты была малышкой. Мир такой непредсказуемый, никогда не знаешь, что случится за поворотом. Иногда мне так хочется проснуться и увидеть, как ты рисуешь в альбоме или играешь в любимые игрушки. Просто знай, что мы с папой тебя очень любим, — она потушила взгляд, но быстро подняла. — Просто хотела, чтобы ты знала и помнила об этом.

— Я навсегда останусь вашей маленькой девочкой.

Мама обняла меня в ответ на мои слова и казалось, что она вот-вот прослезится. Почему-то я почувствовала вину и

крепко сковала ее в объятиях. В животе заплетался огромный клубок, стягивающий к своему ядру тяжесть ее переживаний. Я так много плакала сегодня, но это, видимо, не конец. Зародившееся отрицание в необходимости переезда воткнулся гвоздем в шею. Хотелось дать Стэйси побыть мамой угрюмой и необщительной девочки, полностью зависящей от нее с папой, чтобы увидеть ее довольную улыбку и искры в глазах.

Мы сидели так некоторое время, но внезапно нас прервал звук открытия входной двери.

— Это, наверное, папа, — мама нежно погладила мое плечо.

— Пойду открою, а ты встречай его здесь, — говорила я, направляясь к двери. — Если он поймет, что мы плакали, то засмеют.

— Скорее сядет рыдать вместе с нами. Помнишь его реакцию на мультфильм «Спирит»?

На этих словах пальцы надавили на дверную ручку. Передо мной стоял папа, держащий два букета: пионов и ирисов. Его лицо цвело третьим букетом, а щеки сияли морозным румянцем под запотевшими от тепла очками.

— Моя малышка, держи цветочки, — он протянул мне два букета и начал расшнуровывать ботинки. Я глубоко вдохнула аромат пионов, с наслаждением прикрыв глаза. Запах был восхитительный. Я утонула носом в одном из бутонов и снова сделала глубокий вдох.

— Так приятно, пап, а что за повод?

— Ха-ха, очень смешно.

Папа положил ладонь на живот, растопылив пальцы. Неловкие шутки стали традицией нашей семьи.

После очередного сеанса терапии, сидя на семейном ужине, я решила пошутить, что безумно рассмешило родителей. Они хохотали так, что лимонад пошел носом. После чего я становилась более раскованной, а следом за мной и родители могли позволить себе пошутить со мной.

Мы прошли с папой на кухню, и, когда он увидел украшения и праздничный стол, его глаза округлились. Он исполнил кривой реверанс для нас обеих, а потом обнял и поцеловал маму.

— Запах чудесный, а вид, ммм, — он слегка покачал головой, снимая куртку.

Сев за стол, мы принялись уплетать еще шкворчащее мясо и салат с фирменным соусом. Отец рассказывал, как коллеги решили его поздравить, провожая в лучшую жизнь на повышении. Затем я рассказала о прощальной вечеринке. Вновь погружившись в испытываемые тогда эмоции. На глазах навернулись слезы, а поедаемое мясо отказывалось протискиваться в горло. Мама поспешила укрыть мою ладонь своей, поглаживая кожу большим пальцем. Папа сдержанно смотрел на меня, передавая поддержку взглядом сквозь оправу. Я показала отцу доску, а затем продемонстрировала брелок-книгу.

— Ну что, девочки, вы готовы к приключениям? — папа насадил салат на вилку.

— Мне осталось собрать некоторые вещи и все, я готова.

— Дэйв, ты связывался с владельцами дома? — спросила мама.

— Да, они обещали прибраться к нашему приезду, поэтому нам нужно будет лишь разложить вещи, — папа перевел взгляд на меня. — Документы дошли до колледжа, мне сегодня звонили оттуда. Они уже ожидают тебя на занятиях.

— Супер. Я в нетерпении.

— Как-то без энтузиазма, — одна его бровь подпрыгнула на лоб.

— Просто мне страшно.

— Не переживай. Поначалу всегда так. Дальше проще.

Мы еще говорили какое-то время о ерунде, заканчивая ужинать. Вечер подходил к концу, мы все были измотаны и нуждались в отдыхе. Папа прибрал со стола, мама разложила остатки еды по контейнерам, а я положила посуду в посудомойку.

Осмотрев опустевшую гостиную, сердце загло, а руки, налитые свинцом, повисли вдоль тела. На лоб стало давить изнутри, а нижняя губа изогнулась дугой. Не верилось, что переезд реален, а не придуман мной или просто приснился.

Я приняла душ и залезла в кровать, валясь с ног от усталости. В комнате было прохладно, постель пропиталась свежестью улицы, но тепло моего тела быстро нагревала просты-

ни. Голова коснулась подушки, и сон начал потихоньку прикрывать мне веки, когда мама зашла в комнату. Я смотрела на нее сквозь полузакрытые веки, размывая образ заботливой женщины с довольным выражением лица. Совсем как в детстве.

— Мамуль, посиди со мной. Немного.

Язык лениво лепетал. Я безуспешно проигрывала своему телу, но мне так хотелось окунуться в воспоминания о детстве, пропитавшие весь сегодняшний день. Она присела на край кровати и стала аккуратно гладить меня по волосам, а я взяла руку и стала мять подушечки маминых пальцев.

— Отдыхай, милая. Набирайся сил, – ее полупшепот вызвал дрожь на затылке.

— Люблю тебя.

Опустившиеся веки дернули за рычаг, расслабив тело от затылка до пальцев ног. Прикроватная лампа горела теплым светом, видневшимся сквозь закрытые веки, которая погасла после щелчка выключателя. Темнота окутала меня со всех сторон. Рука мамы выскользнула из моей, и я почувствовала печать ее поцелуя на лбу, касанием волшебной палочки. Я ощутила состояние падения, похожее на медленный переворот назад. Конечности начали тяжелеть, мышцы — расслабляться, и я не заметила, как отключилась.

Грузовик с крупногабаритными вещами уже отъехала. Мелкие рюкзаки мы сложили в машине — сменная одежда,

техника, перекусы. Я бродила по дому, наблюдая, как он пустеет, рисуя в голове картинки из прошлого, которые останутся здесь.

Грустная улыбка не сходила с моего лица, а по телу волнами пробегало предвкушение долгой дороги. Не было ощущения, что мы уезжаем навсегда. Думалось, что мы вскоре вернемся, просто впереди нас ждет приключение, которое закончится спустя время.

Шагая по большой комнате, эхо от шагов отскакивало от стен, кружась вокруг меня затихающим вихрем. Мебель, картины, цветы, разные безделушки – все исчезло. Сквозь окна пробивалось солнце, подчеркивая столбы пыли. Обернувшись, я увидела отца, который стоял в дверном проеме.

— Готова к дороге? — он потирал ладони, заглядывая в пустую комнату.

— Не уверена, — сказала я, утоляя необходимость побыть внутри еще немного.

— Не волнуйся, дорогая. Если что, то я тоже волнуюсь, — улыбка прищурила его глаза.

Я подошла к нему, когда он подозвал меня пальцами и крепко обнял одной рукой.

— Это один из первых шагов во взрослую жизнь. Она не очень приятна и порой преподносит неприятные сюрпризы, — он наклонился ближе к уху. — Но также может подарить новый опыт, который пригодится и сделает тебя лучше, а также замотивировать на новые свершения.

— Я не думаю, что на новом месте буду растекаться соплей и ничего не делать. Просто эта неизвестность пугает меня.

— Знаешь, есть такой анекдот. У мужчины спрашивают, умеет ли он играть на скрипке, а он отвечает: «Не знаю. Ни разу не пробовал».

Его слова заставили меня одновременно рассмеяться и задуматься, что он, на самом деле прав. Как говорят, не попробуешь – не узнаешь. Новое место может стать лучше предыдущего, но не сможет заменить его. Обдумав эту мысль, стало чуть проще дышать. Плечи расправились сами собой, и я потрясла руками, чтобы расслабиться еще больше. Я поблагодарила отца взглядом, на что он крепче приобнял меня.

— Я поехала. Догоняйте, – нараспев прокричала мама с улицы.

— Мы идем! – папа похлопал меня по плечу.

Мы с мамой отправились раскладывать вещи в багажник и салон, а отец пошел сделать еще один круг по дому, чтобы убедиться, что мы ничего не забыли.

Заняв место на заднем сидении, первым делом, я открыла окно. Из-за палящего солнца в душном салоне это был глоток прохладного воздуха. Поясница вспотела, и одежда приклеилась к коже от горячих сидений. Я уже была в нетерпении, когда мы тронемся, чтобы прохлада проникла в салон окутывающей волной. Увидев выходящего из дома папу, я заерзала будто на углях. Внезапно мой телефон издал звук

полученного сообщения.

Дэн: «Счастливого пути»

Я стала крутить головой по сторонам, высматривая знакомое лицо, но, даже когда автомобиль тронулся, так и не нашла его глазами. Может оно и к лучшему. Если бы на глаза попался кто-то из ребят, то не смогла бы сдержать слез.

Дом все дальше удалялся от нас, в итоге пропав из поля зрения. Скрывшись за линией соседних домов. Родители комментировали каждое знакомое мне с детства место, а, выехав за черту города, мы попали на трассу.

Поток легковых машин уменьшился, отдав бразды правления грузовикам и фурам, которые возили дальнобойщиков. Городская суeta сменилась пейзажами с картин великих художников. Густая растительность поглощала трассу, оставляя лишь дорогу, похожую на вены, а авто неслись по ней кровавыми тельцами. В машине стало достаточно прохладно, что пришлось немного прикрыть окно, оставив прорезь, свистящую скоростью и ветром. Родители то болтали, то ехали в тишине, а я наслаждалась природой вокруг и предвкушала новую главу своей жизни.

Глава 3. Лу

Несколько дней мы обживались в новом доме. Расставляли мебель, раскладывали вещи, стараясь создать уют в стенах, принимавших нас с холодной осторожностью.

Дом был просторным, чуть больше предыдущего: две спальни, две комнаты для гостей, большая кухня-гостиная, кладовая и терраса.

Первые два дня мы изучали дом. Прислушивались к новым звукам, распознавали запахи, запоминали планировку, стараясь подружиться с окружающим пространством. Все это будоражило до дрожи. Сложно за неделю привыкнуть к новому месту жительства, поэтому окружение казалось чужим. Отталкивая мысли гостевого пребывания, я хотела подружиться с домом, доказав, что мне можно доверять. Казалось, что не только мы должны полюбить его, но и он должен принять нас.

Я обустроила свою комнату. Разложила вещи, расставила безделушки, заправила постель, выгоняя запустение и одиночество. Над рабочим местом красовалась доска воспоминаний, а на рюкзаке болтался подаренный Дэном брелок. Прошло чуть больше недели с переезда, и завтра меня ждали в колледже. Не хотелось идти туда ради просто осмотра здания. А волнение, томящее душу ожиданием неизбежного, звенело в груди, прокручивая в воображении сцены от-

крытия входной двери, хождения по коридорам, в поисках нужной аудитории.

Готовая одежда висела на стуле, учебные принадлежности ровно лежали по линейке у края стола. С полной готовностью уснуть, я столкнулась с навалившейся бодростью. Руки будто пробыли весь день в морозилке, а в груди по странно-му растекалось тепло, как горящий маленький огонь, обжигающий изнутри.

Мама заглянула в комнату, играя бровями:

— Ты готова, милая?

— Ощущение, что завтра важный экзамен.

— Можно и так сказать, — она сделала несколько шагов вперед, но осталась стоять у двери. — Новые люди могут начать проверять тебя на стрессоустойчивость, но ты не должна поддаваться. Старайся не вступать в конфликты, быть вежливой.

Я, сколько себя помню, всегда жила по правилу трёх «Д»: Дай Дураку Дорогу, но справедливости ради я не давала себя в обиду, хотя не в моих принципах было конфликтовать, искать приключений на задницу, а затем винить всех вокруг, что у меня проблемы. Это даже звучит глупо.

— Но при этом не позволяй вытирать об себя ноги. Тебя не на помойке пальцем делали, — она буквально читала мои мысли.

— Такая тонкая грань между не дать себя в обиду и полезть на рожон.

Я сделала несколько глубоких вдохов и сильнее вдавилась в постель. Стэйси села на край кровати и укрыла меня одеялом по грудь.

— Отец устает на новом месте, — грустно сказала мама. — Он уже спит. Давай и ты засыпай.

— Я стараюсь, но глаз не сомкнуть, — ладони раздраженно хлопнули по одеялу.

— Постарайся, милая, — она выдержала паузу и продолжила. — Должность отца подразумевает командировки, поэтому они будут происходить с определенной периодичностью и ближайшая на этой неделе.

— А как же ты? — восклицаю я.

— Буду скучать, но иногда даже хорошо, когда человек уезжает, ведь после возвращения радость становится только слаще.

— Никогда об этом не думала.

Предвкушение нашей встречи с друзьями с доски воспоминаний, хруст сахарного песка на зубах, вызывающий кариес, ощущались касанием лапок множества пчел, намеревающихся всадить в кожу свои жала. Вероятность задушить их от счастья не казалась фантастической.

Недавний общий созвон по видеосвязи был переполнен смехом сквозь слезы и рассказом каждого шага на пути в другой город. Я провела им экскурсию по дому, выслушивая похвалу и восхищение убранству в стиле семьи Эл. Слова поддержки лились рекой, на душе было очень тепло. Дэн по-

стоянно твердил, что нам уже нужно встретиться, но я старалась замять этот разговор. Не потому, что я не хотела их видеть, а лишь потому, что, вспоминая все сказанное за последнее время, мне хотелось стать еще взрослее, доказав самой себе возможность двигаться самостоятельно.

Взрослые тоже боятся, но принимают неизвестность с высокоподнятой головой.

— Как ты думаешь, здесь могут знать о моем прошлом? — пробубнила я под нос, перебирая пальцами одеяло.

— Милая, конечно, нет, — Стэйси сжала мои нервно трясущиеся пальцы. — Прошло много лет, ситуация забыта. Тебе не о чем волноваться.

— Иногда люди так смотрят на меня, будто видят во мне отца. А гадкие слухи, гуляющие по газетам и новостям...

— Лу, — перебила меня мама. — Когда мы забрали тебя из приюта, были предупреждены о ситуации, из-за которой ты там оказалась. Признаюсь, Дэйв расспрашивал о степени внимания, прикованном к тебе. Нам сказали, что первый год у стен приюта толпились журналисты. Они пытались прорваться внутрь, хотели поговорить с тобой. Даже подгоняли машины к стенам, взбирались на капоты, намереваясь сделать пару снимков. Полицейские нередко приходили, пытаясь узнать хоть какую-то информацию о происшествии. Но по прошествии года внимание к твоей персоне исчерпало себя. Появились другие новости и события, а пожар в Кразо был забыт, оставшись фрагментом истории. За все эти годы

после удочерения, в наши двери ни разу не постучался кто-то с вопросом о тебе, в отношении твоей родной семьи или пожара.

— Хорошо, — я выдохнула, растягивая напряжение, в попытке избавиться от него. — Думаю, дело в нервах от переезда. Мы так долго готовились, а случилось все за один день. Я еще ничего не поняла.

Вкус стресса начал таять на языке. Мысли вытесняли одна другую, и мной овладела усталость. От зевоты потекли слезы. Я потянулась, хрустнув позвонками и облегченно выдохнув. Мама поцеловала меня в лоб и покинула мою комнату, выключив свет.

Из окна открывался вид во двор, усеянный травой сочного зеленого цвета, туями и кустовыми розами. Лунный свет проникал в комнату, оставляя после себя белые следы полета самолета. Было ощущение, что я могу потрогать эти лучи и почувствовать их своей кожей. Закрытые глаза усилили слух, позволяя улавливать мельчайшие ноты заснувшего дома.

Проснувшись до будильника, я чувствовала себя вымотанной и поплелась в душ, надеясь на бодрящие свойства воды. Закончив со сборами, направилась на кухню, ощущая желанный вкус чая с мятой. Кусок не лез в горло, поэтому решила ограничиться лишь кипятком с заваркой.

За окном морозило, поднялся холодный ветер, о восходе солнца не шло и речи. Было слишком рано, но папа уже сто-

ял напротив окна, одетый в костюм. Он жевал бутерброд, запивая черным кофе, и проверял пробки и аварии, просматривая навигатор, но мое появление отвлекло его от телефона. Рабочий офис находился не так далеко от дома, но между этими двумя пунктами на карте были сложные перекрестки, приносящие массу сюрпризов по утрам. Если там случалась авария, то ко времени в пути можно спокойно прибавлять около двадцати–тридцати минут. А пунктуальная натура отца не могла позволить ему опоздать.

— Ну что, боец, – сказал он, встав в забавную стойку. – Ты сегодня всех очаруешь и поразишь.

— Я не надеюсь, что в первый же день смогу завести кучу друзей, но, может, получится пообщаться с кем-то из одноклассников.

— Ты чудо, милая, – он взглянул на часы. – Мне пора бежать. Мама еще спит, – осушил кружку, положил остатки бутерброда на тарелку и стал одеваться. – Люблю тебя, милая, – крикнул он, закрывая дверь.

Я несколько раз опустила в кипяток чайный пакетик, затем выжала его до капли, намотав на ложку, и выбросила в мусор. Крепкий чай щекотал горло, вызывая першение. Разбавив кипяток холодной водой, я принялась пить напиток большими глотками, перепроверяя наполненность рюкзака. Действуя медленно, оттягивала выход, как могла. Терзалась волнением, восстанавливала дыхание, которое сбивалось без физических нагрузок нагрузок. С каждым глотком

рот сох все больше, но избежать первого дня в колледже не представлялось возможным. Все намерения о самостоятельности, взрослости и единоличии насмехались надо мной, тыкали пальцем и насмехались над трусостью обычного похода на учебу. Сжав кулаки, я пошла натягивать куртку.

Ночь еще не сдала свои права. Горели уличные фонари, изредка проезжали машины, морозец колот лицо, заставляя щеки краснеть. Неспешным шагом я направилась в колледж, разглядывая местность, будто нахожусь на другой планете, а не в соседнем городе. Мощные многолетние деревья с толстыми стволами, наблюдающие за жителями Житрака, словно те немощные несмышленные дети, подстриженные вечнозеленые кусты, служащие стенами лабиринта, в котором любой путь верный. Подошва шуршала по поцарапанной, но ухоженной плитке, несмотря на свой устаревший вид. По пути мне встречались лишь собачники со своими питомцами и несколько человек, шагающих в сторону остановки. Лицо ловило клубы пара, проходя насквозь. Мир был таким медленным и спокойным, что хотелось просто остановиться и постоять какое-то время неподвижно, любуясь окружением.

Дойдя до колледжа, я стала разглядывать его издали. Он состоял из нескольких корпусов. Основной, где проходили занятия, выглядел самым новым благодаря внешнему сайдингу, хоть между современными листами можно было разглядеть старинный обтесанный ветрами камень, который выглядит более величественно, чем стерильные пластиковые

листы с узором бетонных плит. Неподалеку от него красовалось одноэтажное унылое здание, примечательное несколькими окнами от пола до потолка. Из-за главного корпуса выглядывала стеклянная крыша, заваленная гнилой листвой. Возможно, одним из них был спортзал или концертный зал для проведения мероприятий, а вторым точно была теплица.

Территория заполнена пустыми клумбами, подразумевающими насаждения цветов, и памятными плитами, воздвигнутыми в честь основателя колледжа.

Дорожки на территории петляли ползущими змеями, создавая незамысловатый узор. Вдоль дорожек стояло несколько лавочек и мусорных ведер. Студенты шли небольшими кучками к входу, толпясь у ворот. Кто-то болтал, кто-то смотрел в телефон, а кто-то останавливался, чтобы выкурить сигаретку. Понаблюдав несколько секунд за людскими силуэтами, плывущими во мраке, я направилась вслед за ними, в попытке раствориться в толпе.

Подойдя к воротам, меня обдало дымом и запахом табака. Несколько парней стояли в кругу и болтали, смеясь и прикалываясь друг над другом. Сквозь ядовитую пелену я почувствовала аромат мужских духов. Свежесть парфюма выбивалась из сигаретной вонь, оставляя свой след в воздухе. Я быстро прошмыгнула мимо них и продолжила путь. Мои бедра покалывало от холода, а глаза слезились из-за ветра. Вход встретил меня тугой дверью, поэтому пришлось хорошенько к ней приложиться. Невольно вспомнился вход в

клинику, где мы виделись с доктором Шейном, и моих губ коснулась улыбка от воспоминаний наших разговоров и напутственных речей после каждой сессии.

Попав в холл, я начала искать план здания. Перемещение студентов было хаотично. Они двигались в разных направлениях и с разной скоростью, параллельно прибывали новые люди, вклиниваясь в вихрь движения, создавая больше суеты. Встав у стены и оглядевшись, глаза зацепились за выбеленную доску с пропечатанными линиями и номерами кабинетов. Сняв верхнюю одежду, я стала изучать план помещения, словно вижу его не впервые. Из холла в обе стороны растягивались два симметричных крыла, распускаясь, как ветви дерева, аудиториями разной наполняемости. Второй этаж ничем не отличался от первого, полностью повторяя схему. Исключением являлась большая столовая, располагающаяся в самой дальней точке по левую сторону от входа. Упрощало задачу полученное по электронной почте расписание занятий с указанием номеров кабинетов. Достав тетрадь с заметками, я стала подписывать этаж и крыло, в котором находится тот или иной кабинет, а затем отправилась на первое занятие.

Лекция прошла спокойно. Лектор довольно быстро, но доступно диктовал материал. Аудитория, на удивление, была переполнена. Кто-то спал, кто-то слушал музыку, кто-то болтал, но были и те, кто усердно занимался. Изредка я прогуливала первую пару в старом колледже, потому что не лю-

била рано вставать. Да иногда и не могла. Сон был так сладок, что не позволял мне расслышать звуки будильника.

Первые три занятия были лекциями. Особо не обращая внимания на окружающих, я записывала материал, но в перерывах между конспектированием наблюдала за другими студентами и пыталась понять, что они за люди и кто из них был в моей группе.

Всегда было золотое правило: в каждой группе есть неприятная личность, и если в твоей ее нет – это ты. Такие люди выдают себя своим поведением и желанием выделиться, выпрыгнуть из штанов, даже если это абсолютно неуместно. Они хотят дружить сразу со всеми. Ненормально общаться, чтобы не возникало недопониманий или конфликтов, а именно дружить, чтобы узнавать сплетни со всех сторон, а потом оборачивать их против тех, кто наивно доверился им.

Всему свое место. Это умозаключение касается и людей.

Наступил длинный перерыв. Подсмотрев в схему учебного корпуса, я направилась в столовую, чтобы перекусить. Огромное помещение с множеством столов на разное количество человек. За остеклением прилавка представлены супы, мясо, рыба, гарниры и десерты. Взяв поднос и столовые приборы, я заняла место в очереди, параллельно изучая предлагаемую еду.

Казалось, что я попала в огромную клетку с сотней говорящих попугаев. Некоторые вели себя так вызывающе, что хотелось треснуть по морде. Оглядываясь, я зацепилась

взглядом за стол, занятый компанией девушек. Они щебетали наперебой, озирались по сторонам, демонстрируя каррикатурную миловидность, показывали друг другу телефоны и вызывающе смеялись как гиены. Я закатила глаза и продолжила разглядывать блюда на витрине, продвигаясь в очереди. Выбрав обед, я оплатила еду и направилась между рядов, в поисках свободного места.

Не найдя пустого стола, решила присоединиться к девушке, сидевшей в одиночестве. Она мешала желтоватый бульон и ковырялась в телефоне, изредка отхлебывая из ложки суп. Примостившись рядом с незнакомкой, я неловко улыбнулась, но она проигнорировала мое появление, не отвлекаясь от листания социальных сетей. У нее были средней длины русые волосы, легкий макияж. Одета по-простому: джинсы, свитер, кроссовки. На уровне внешнего вида она вызвала эмпатию, как к незнакомцу.

— Не помешаю? — я старалась звучать максимально дружелюбно.

— Нисколько, — ее лицо не отражало никаких эмоций.

Я не настаивала на общении, поэтому молча приступила к еде. Спустя несколько минут стол дернулся. Из ложки выпал в тарелку кусок жаркого, который я попыталась поймать. Это были те самые девчонки, которые приковывали к себе внимание вызывающим поведением.

— Эй, Вэл, расскажи-ка, кто это сидит рядом с тобой. Завела подружку? — спросила одна из девушек, которая яв-

но была у них лидером, выделяясь розовыми и бирюзовыми прядями на выжженном блонде.

— Ты что-то хотела? – моя соседка вновь не подняла головы.

— Я задала вопрос, – девушка нависла над той, кого она назвала Вэл. Ее волосы чуть не угодили в тарелку с супом. – Девчонка, видимо, не в курсе, с кем она делит стол.

— Лика, оставь их в покое! – сквозь шум послышался грубый мужской голос, привлечший внимание зачинщицы конфликта.

Ее лицо засияло, и она направилась к назвавшему ее по имени, а подруги покорно заседали за ней. Я повернула голову и увидела неподалеку группу парней, занимавших один из больших столов. Из-за расстояния и мельтешения других, было сложно разглядеть, как выглядел тот, кто окликнул возмутительницу спокойствия, но меня радовало, что он стал причиной избавления нас от ее общества.

Девушка, которую называли Вэл, не проронила ни слова, но я решила заговорить с ней, проявив дружелюбие:

— Меня зовут Лу.

— Мое имя ты уже знаешь, – прозвучало не грубо, но безразлично.

Буквально перешагивая через себя, старалась выползти из зоны комфорта и продолжать говорить.

— Это ее привычное поведение? – хотела разрядить обстановку из-за собственного чувства неловкости.

— Тебе интересны причины такой агрессии?

— Я не собираюсь тебя расспрашивать. Захочешь – сама расскажешь.

— Вот и чудно.

Повисла неловкая пауза.

— Вижу, ты любишь просто наблюдать, – в этот раз заговорила Вэл.

— Мама попросила меня быть вежливой. – Вэл попыталась сдержать улыбку, но не смогла. – Я как только вошла сюда, слышала лишь ее гогот. Она привлекает к себе внимание как пятнадцатилетка?

— Умственных способностей на одиннадцать, – хмыкнула она. – Думает, что так показывает свою крутость. Привлекает внимание местных парней.

— Плевать. Я лишь молюсь, чтобы она не была в моей группе.

— А ты из какой? – Вэл наконец подняла на меня глаза.

— 4 «А».

— Можешь открывать шампанское, она в группе 4 «С». Я облегченно выдохнула.

— А что насчет тебя? – спросила я.

— А вот я в твоей группе. Вэл Лок.

— Вот круто, – пережевывая макароны, старалась звучать разборчиво. – Лу Эл.

Мы перекинулись еще парой фраз, и она первой встала из-за стола, уточнив, знаю ли я, куда идти. Я заверила ее, что

все в порядке, и она оставила меня одну со своими мыслями. Денек обещал быть веселым.

Четвертое занятие было семинаром только с моей группой. Зайдя в кабинет, я сразу начала искать место у окна. К счастью, такое место нашло, но судьба словно целенаправленно сводила меня с моей новой знакомой.

Вэл в одиночестве сидела за столом, а рядом с ней красовалось пустое место, которое так и манило занять его. Я, не спеша, направилась в ее сторону, стараясь не глазеть на остальных одnogруппников. Другие места были заняты вещами или сумками, но владельцы отсутствовали. Кабинет выглядел самым обычным, лишь цвет мебели отличался от того, что был в старом колледже.

— Не помешаю? — уточнила я, отодвинув стул.

— Присаживайся.

Я повесила рюкзак на спинку стула и уселась, устремив взгляд за стекло.

Кабинет располагался на втором этаже, поэтому из окна открывался отличный вид. Было пасмурно, но с неба не упала ни одна капля. Лучи солнца упирались в серые облака, оставляя на них светлые пятна, без шанса добраться до земли. Ветер слегка гнул кусты и трепал ветви деревьев. Из-за холода лавочки у дорожек пустели, но у ворот было небольшое скопление народа, которое дымило за территорией. Мне удалось разглядеть выскочек из столовой, крутящихся вокруг парней. Даже издалека было видно насколько они ис-

кусственные. Мимика, жесты – все было игрой. Внезапно в голове зазвенел противный смех тех девиц и меня передернуло.

— Жалкое зрелище, – опрокинула Вэл. – Липнуть к старшим, надеясь, что те увидят их ранимую и романтическую душу, которую они сами себе придумали, пересмотрев кучу романтических фильмов.

— Эти парни — старшекурсники? – не отрывая взгляда от толпы, поинтересовалась я.

— Ага.

— А ты откуда знаешь?

— С некоторыми из них учится моя старшая сестра.

Я понимающе кивнула и стала доставать учебные принадлежности из рюкзака. Вэл наблюдала, как я раскладываю учебник, тетрадку и ручку, словно у меня в глазах лазерный уровень. В моей голове каждый предмет имел четкое расположение на столе. Вообще, моя дотошность выходила боком мне самой. Дело даже не в раздражительности, когда реальности ударяло по лицу, напоминая, что я не одна и сосед может толкнуть стол, с которого скатится ручка или фломастер. Например, когда в школе мама помогала мне делать уроки и писала карандашом в тетради, я стирала эту запись до тех пор, пока серые штрихи не перестанут быть видны совсем. Пару раз я так протерла дырку, истончив бумагу до состояния марли.

— Похоже на ОКР, – кивнула Вэл в сторону моих вещей.

— Да, — я поджала губы, смущенно продолжив раскладывать необходимое. — Как поняла?

— У моей сестры то же самое.

Я хмыкнула, подметив ее слова, почувствовав желание хоть раз встретиться с сестрой Вэл.

Из динамиков, висевших в коридоре, начал доноситься звук, оповещающий о начале занятий. Он заполнял помещения словно по щелчку. Звук был таким звонким и неожиданным, бившим по ушам. Лицо дернулось, будто ударили палкой по кастрюле, надетой на голову.

В этот момент все стоявшие у ворот курильщики кинулись внутрь здания, стараясь обогнать шум от оповещения начала занятия. Девчонки еле семенили ногами, а парни бежали, засунув руки в карманы. Динамики резко затихли, а в ушах остался шум, похожий на звук моря. Толпа, за которой я наблюдала, скрылась из виду, а наш кабинет быстро наполнился людьми, но не шумом. Все вели себя спокойно просто садились на свои места и занимались своими делами, а болтуны переговаривались вполголоса. Открытая дверь в кабинет запускала неторопливо приближающиеся шаги внутрь.

В кабинет зашла довольно молодая женщина. На первый взгляд ей было около тридцати. Она выглядела как обычный преподаватель, но необычайно красивая внешность привлекала внимание. Стройная фигура, одежда словно по ней сшита, волосы удерживал небольшой крабик, а цепкий взгляд завораживал. Она села за свой стол и посмотрела на

студентов сквозь прямоугольные очки, быстро двигая глазами с одного человека на другого. Когда дошла очередь до меня, она замерла, затем заглянула в тетрадь и снова посмотрела на меня.

— Мисс Эл, прошу подойти ко мне, — голос женщины вновь заставил удивиться, но не выдать эмоций.

Она выглядела холодной и расчетливой, но, когда заговорила, я услышала приятную мелодию сродни колыбельной. Мягкий и спокойный тембр ласкал слух, щекоча плечи. Если бы она говорила мне на ухо, то мой затылок был бы в мурашках.

Я поднялась со своего места, и все обернулись на меня. Чувствуя себя голой, я направилась к ее столу, не теряя ни секунды. Взгляды студентов не отпускали меня, отягощая тело, накидывая кучу якорей один за одним.

— Леди и джентльмены, прошу вас познакомиться с вашей новой одноклассницей – Лу Эл, — она посмотрела на меня. — Я Дана Лэйн, твой преподаватель криминалистики и криминологии, будем часто видеться.

В кабинете была гробовая тишина. Казалось, что я чудовище в банке, а все вокруг посетители, пытающиеся разглядеть нечто интересное сквозь грязное стекло и мутный раствор, не понимая, чувствуют ли они отвращение или интерес. Я скромно улыбнулась, кивнула в ответ и направилась на свое место. Пока я до него шла, то стала слышать возню за спиной.

Ненавижу, когда начинают шептаться за спиной, придумывать несуществующие линии твоей жизни, основанные на твоём внешнем виде и первом взгляде на абсолютно чужих людей. Считается, что нужно из кожи вон лезть, чтобы произвести положительное первое впечатление. Это в мои планы не входило.

Заняв свое место, я уткнулась в тетрадку, крутя ручку между пальцами. Только первый день, а меня уже начинает раздражать окружение. Я чувствовала, как зажимаюсь и закрываюсь, неподвижно таясь, чтобы обо мне просто забыли.

После этого занятия было еще одно и последнее на сегодня. Студенты спешно собирались уходить. Ребята начали сбиваться в группы по интересам, а некоторые одиночками покидали кабинет. Выглянув в окно, я увидела сгущающиеся тучи и поднявшийся ветер, который опять дразнил сухие ветки засыпающих растений. Быстро одевшись, я сложила вещи в рюкзак и побежала на выход. На улице я столкнулась с Вэл, которая завязывала шнурки.

— Идешь домой? – спросила я.

— Да. Сегодня без тусовок, – она изменила голос, притворяясь дивой. – Что насчет тебя?

— У моего фан-клуба сегодня выходной, думаю отдохнуть.

Вэл хохотнула, поднялась с колена и кивнула, приглашая идти вместе. Мы медленно побрели в сторону ворот. Наши попытки поговорить выглядели жалко и неловко. Слож-

но было подобрать хоть какую-то тему для разговора двум незнакомкам, поэтому я задавала вопросы о колледже и городе, а она о моем старом месте жительства и учебы.

Приближаясь к курилке, девичьи вопли и их мерзкий хохот становились все громче с каждым шагом. Парни тянули сигареты, выпуская клубы дыма в воздух, стараясь делать колечки. Мое внимание привлек один из них, стоявший в глубине толпы, но выделявшийся благодаря своему росту, он был выше остальных на полголовы. Вокруг парней повисла пелена табачного дыма, они громко что-то обсуждали, толкались, переминались с ноги на ногу, отгоняя щиплющий холод. Девушки из группы 4 «С» игриво болтали с ними, кружась вокруг как кошки во время течки.

Жалкое зрелище.

Вэл первая прошла черту между колледжем и тротуаром и внезапно полетела на асфальт от резкого толчка. Она приземлилась на локоть, выставив ладонь второй руки, стараясь удержать равновесие и не приложиться головой. На ее лице появилась гримаса боли, а тело замерло на месте. Я в два шага подлетела к ней и взяла под руку, чтобы помочь подняться.

— Прости, Вэл, я случайно, – более фальшиво было сказать очень сложно. Подруги девушки, толкнувшей Вэл, залились звонким смехом.

— Ли́ка, ты просто душа. Только не трогай меня, не хочу попасть в инфекционку, – Вэл поднялась с моей помощью и

стала отряхивать джинсы и куртку.

Мимо проходящие вообще никак не реагировали на развернувшуюся у ворот колледжа сцену. Косые взгляды, переполненные безразличием, скользили по нам, но затем переключали свое внимание, забывая, что увидели тридцать секунд назад. Никто не хотел быть участником какой-то ссоры, защищать того, кто не имел к нему никакого отношения.

— Девочки, — обратилась Лика к подругам, потеряв интерес к случившемуся. — Идемте в парк?

— Не нужно на работу? — с наигранным удивлением спросила Вэл. — В порту сегодня выходной?

— Ах ты, мразь!

Обидчица кинулась на Вэл, растопырив пальцы, стараясь ухватиться за ее распущенные волосы, но я быстро очутилась перед Ликой, не давая добраться до одноклассницы, выставив ладони на прямых руках. За спиной Лики я увидела движение в толпе ребят. Один из них вышел вперед, но его кто-то остановил. Темноволосый парень, замешкавшись на несколько секунд, пристально посмотрел на Вэл и остановился. Позади меня раздался еле уловимый шепот: "Нет". Вернувшись в ситуацию, я воскликнула:

— Уоу, милочка, притормози!

— Не встревай, овца! — практически завизжала Лика. — Пусть скажет, что имеет в виду!

— Лика! — парень из толпы окликнул разъяренную, нерасторопную выскочку, заставив всех замереть.

Остальные забубнили, но сложно было разобрать слова в потоке общего шума. Единственное, что удалось расслышать в этой каше междометий — «не надо». Проходящие мимо зеваки начали замедлять шаг, чтобы понаблюдать за потасовкой, ведь началось что-то интересное. Они снимали, шушукались или просто стоял и глазели, ничего не смущаясь. Все эти рожи источали неподдельный интерес, будто смотрели петушинные бои.

Из толпы парней вышел тот, кто ранее привлек мое внимание, остановивший единственного, кто хотел вмешаться. Короткие двухцветные волосы, приятные черты лица, слегка спрятанные тонким шарфом, натянутым по подбородок, руки спрятаны в карманах куртки. Он шагнул между мной и Ликой, внимательно меня разглядывая. Затем он подошел к Вэл, помог ей отряхнуться и поднял ее сумку. Уверенность его действий подкупала, заставляя восхищаться им. Парень не чурался опуститься на колени, чтобы отряхнуть колени от налипшего песка, при этом выглядя властно. Каждое движение было естественным, неторопливым. Соблазнительным. Словно питон, осматривающий добычу, он бросал взгляд на меня, размышляя, какую часть тела заглотить первой.

— Идите, девчонки, — спокойно сказал он, будто ничего не произошло.

— Если б она не толкнула Вэл, мы бы уже ушли, — недовольно выплюнула я.

— Этого больше не повторится, — он встал с колен, напо-

миная о внушительном росте. Уверенно сказанные слова не давали усомниться в его уверенности, но я бы на его месте не давала таких обещаний. Говорить за другого довольно глупо, в особенности если речь идет о взбалмошной дуре.

Я почувствовала тот самый аромат духов, который витал в воздухе сегодня утром, перемешиваясь с табаком и запахом начинающегося дождя. Он был холоден, но заботлив в своих мимолетных взглядах и плавных движениях. На фоне своих друзей он выглядел как истинный вожак. Вершина пищевой цепочки. Он стоял и смотрел на меня. Или сквозь меня. Я перестала что-либо понимать и решила, что разговор не требует продолжения, оставив последнее слово за ним. Развернувшись к Вэл, я поправила рюкзак и стала уходить, но услышала вновь его низкий голос:

— Как тебя зовут? Ты новенькая?

Он так смотрел на меня, словно я хрустальная, боясь, что вот-вот рассыплюсь. Его серые глаза впились в меня острозаточенными копьями, а уголки губ приподнялись в еле заметной улыбке.

— Да, только переехала.

— Нам пора, идем. — Вэл взяла меня под руку и потащила подальше от толпы.

Отдаляясь, я все еще ощущала его взгляд на себе, но не решалась обернуться. У него бешеная энергетика, но и не поспоришь, что он очень красив. Самец, демонстрирующий свою доминантность. Было неясно, всегда ли он такой милый

и спокойный и, что нужно сделать, чтобы он вышел из себя. В моменте я начала жалеть, что не сказала ему свое имя. Может, я ему приглянулась, если он проявил интерес? А может не стоит придумывать себе воздушных замков и проигнорировать его вопрос, списав на обычную любезность.

— Ты в порядке? — ветер разбивал мои слова, требуя говорить громче.

Вэл лишь кивнула в ответ, но я обратила внимание на ее напряженное лицо. Мне в глаза бросилась ее ладонь, которая счесалась после падения. Грязь, пыль и кровь смешались на коже, и рана выглядела неприятно. Я обеспокоенно взяла ее руку в свою, аккуратно проведя пальцем по теплой ссадине.

— Пошли ко мне, хотя бы промоешь рану.

— Не стоит, я пойду домой, — после нескольких секунд молчания, она продолжила. — А тебе неинтересно, за что она так со мной?

— Да плевать я хотела, — выпалила я, теряя самообладание. — Ничто не может быть поводом для издевательств.

Несколько минут мы шли в тишине. Начал моросить дождь, рассыпаясь росой по волосам и одежде. Из-под колес, проезжающих мимо машин, вылетали грязь и вода, омывающие тротуар. Небо было совсем затянуто. Ливень мог начаться в любой момент, но я не торопилась, надеясь, что Вэл передумает и даст возможность себе помочь. Вэл шла медленно, демонстрируя мыслительный процесс на лице, даривший надежду, на принятие моего предложения. Вэл покорно

склонила голову, тихо заговорив.

— У тебя дома есть перекись? Руку щиплет.

Я улыбнулась, крепко взяла ее под руку и потянула в сторону своего дома.

Когда мы с ней вошли в коридор, нас встретил запах яблочного пирога и куриного супа. Из-за жара во время готовки запотели окна, маня нарисовать солнышко или кошачью лапку. Из радиоприемника играла местная радиостанция. Хлопок закрывшейся двери привлек маму, которая заскакала в нашу сторону, напевая слова песни, становившиеся все громче, по мере ее приближения. Увидев, что я не одна, ее глаза стали размером с теннисные мячи, но, когда Стэйси заметила руку Вэл, то нахмурила брови и направилась в ванную, чтобы принести все необходимое для обработки раны. Она перемещалась по дому довольно шустро, бубня себе под нос, вызывая наши с Вэл хихиканья.

Когда мы закончили, мама пригласила нас за стол, чтобы пообедать. Вэл долго сопротивлялась: отказывалась, мяла руки, сутулилась, но в итоге Стэйси надавила на нее. Наша гостья ела с большим аппетитом, но поначалу молчала. Мама задавала мне кучу вопросов о сегодняшнем дне, а я отвечала, постоянно упоминая Вэл. В такие моменты на ее лице загоралась улыбка, но очень быстро пропадала, и уголки рта снова опускались, расслабляя лицо.

После мы отправились в мою комнату, взяв с собой сладости и воду. Вэл с интересом наблюдала, как я все обста-

вила, рассматривая безделушки на полках. Она рассказывала о колледже, занятиях, студентах, которых я уже видела или увижу в скором времени, периодически бросая взгляд на доску воспоминаний. В ее глазах была видны грусть и проблиск зависти. Она так смотрела на моих друзей, воображая себя на моем месте. Мысленно подменяла мое лицо на фото своим.

— Это мои друзья из Кразо, — я была увлечена заполнением тетради.

— Вы такие счастливые, — ее глаза бегали от фотографии к фотографии. — Я тоже всегда хотела иметь таких друзей. Вы общаетесь?

— Да, мы созваниваемся и списываемся. Думаю, ты бы им понравилась, — я мимолетно взглянула на нее, продолжив работу с тетрадью.

— Не думаю, — она потупила глаза и глубоко вздохнула.

Я прекратила писать и вопросительно посмотрела на нее.

— Прости, не хочу грузить тебя, — она неловко улыбнулась, но мне показалось, что она жаждет что-то сказать.

— Но ты уже начала. Продолжай, я хочу послушать. — Ее плечи сжались. — Слушай, я не знаю, что происходит в твоей жизни, но если б ты не хотела изливать душу, то не стала бы даже упоминать подобного, — отложив в сторону тетрадь и ручку, я села ближе к ней. Кровать скрипнула, разбавив неловкость, между нами. Вэл словно перестала дышать. Не в моих правилах вытягивать из человека то, что спрятанно

глубоко внутри, связанное по рукам и ногам, но в тот момент мне казалось необходимым подтолкнуть ее к разговору, примеряя маску доктора Шейна. — Я тоже чем-нибудь поделюсь с тобой.

После этих слов она выдохнула, сжала губы и сделала еще один глубокий вдох.

— Когда мне было десять лет, меня определили в семью Лок.

Я оцепенела. Осознавая сказанное, казалось, что вижу перед собой свое отражение. Я медленно приподняла голову и посмотрела прямо в глаза, которые она потупила, разглядывая рану на руке. Вэл сжалась еще больше, уменьшилась в размере. Ее слова тронули меня, просочившись внутрь. Я как разум потеряла. Мне столько хотелось у нее спросить. Я села еще ближе, старалась быть тактичной и не задавать лишних вопросов.

— Я попала к ним, когда сестра была в лечебнице, — Вэл внимательно смотрела в пол, избегая зрительного контакта. Натянув манжеты до пальцев, она продолжила. — Ладно. В общем, я толком не интересовалась, что произошло, но сестра что-то натворила в школе и попала туда. Через пару месяцев она вышла, а когда узнала, что я появилась в их доме, стала много внимания уделять мне. Словно тень ходила за мной, иногда пугая меня навязчивым присутствием.

Одним глотком она опустошила половину стакана воды.

— Со временем ничего не изменилось. Она была очень

мила, занималась со мной, играла, была буквально само очарование. Сейчас мы с ней близки по-прежнему, но я ощущаю что-то непонятное рядом с ней. Возможно, это ее мощная аура или жесткий характер, но моменты, когда она меня пугает, никуда не исчезли. Я словно вернулась в прошлое, а я так старалась убежать от него.

Лицо было каменным, глаза стеклянными, но взгляд говорил за нее. Слезы потекли из глаз Вэл, капая на колени, оставляя следы на джинсах. Она задерживала дыхание, напрягая мышцы. Повисла тишина, которую разбавляли ветер за окном и работа радио с кухни.

— Что произошло в прошлом? – решила спросить я.

— Твоя очередь, – отрезала она, дав понять, что на сегодня все.

Меня охватил странный мандраж, словно я буду выдавать чужой секрет, но это был мой секрет. Здесь никто не знал меня или моего прошлого, а открыться незнакомцу, могло сильно облегчить тяжесть запрятанного глубоко внутри. Вспоминая свои переживания о том, что меня могут узнать, захотелось вlepить пощечину за неразумные действия. Голову сдавило от навалившегося стресса. Было похоже на мигрень. Я почувствовала, как горят глаза, иссушая слизистую, затем громко сглотнула и скрестила пальцы в замок.

— Родители удочерили меня, когда мне было двенадцать.

— Что? – перебила Вэл, нахмутив брови и прищурившись.

— Да. Пока не могу рассказать, как я оказалась в приюте, но и ты не вдавалась в подробности, поэтому это будет вторая серия.

Мой рассказ длился чуть дольше, чем ее. Она внимательно слушала, впитывая губкой каждое слово. Я рассказала о приюте, о докторе Шейне, о друзьях, о нашем совместном пути, о своих внутренних переживаниях и демонах. О становлении себя в большом мире. О себе «до» и «после». Эмоции волнами накатывали, меняя внутреннее состояние, лишая осознанного контроля. Улыбка и слезы, гнев и печаль.

Вэл положила раненую ладонь мне на колено, поглаживая ее, желая успокоить и меня, и себя. Я чувствовала, что не одна, что появился человек в состоянии всецело меня понять и разделить чувства, которые я испытывала все это время, а, возможно, и всю мою жизнь. Во время рассказа я вновь побывала на дне, а затем всплыла на поверхность, когда мой монолог привел в точку здесь и сейчас.

Мы откинулись назад с ощущением, что пробежали марафон, но были счастливы, придя первыми. Столько хотелось обсудить, о стольком поговорить, стольким поделиться. На душе было так легко, словно был сброшен тяжелый груз, висевший за спиной, на лбу появилась испарина. Мне хотелось смеяться, а сон обещал быть крепким.

— Это все, конечно, очень круто, но мне пора, – Вэл медленно встала с кровати и начала собираться. – Обязательно еще поболтаем. Еще успеем друг другу надоесть.

— Думаю, мы подружмся.

Мы двинулись к входу. Мама увидела нас и подошла, бросив все свои дела. Вэл натягивала куртку, я держала ее рюкзак, переживая за полученную травму. Стэйси протирала руки кухонным полотенцем, пыхча от уборки или спешки к нам.

— Может такси? – спросила мама, пытаясь отдышаться.

— Нет, спасибо миссис Эл. Я добегу.

Посмотрев в окно, я увидела, как толкаются кусты от усилившегося ветра, который закручивал мусор у дороги и отправляет его в полет. Пакет плясал около мусорки, листва, поддающаяся стихии, похожа на косяк рыб или стаю птиц, движущуюся как единое целое, преобразуясь в незамысловатые фигуры. Мурмурация – так называется этот танец. Такой сильный ветер являлся предвестником сильного дождя, поэтому мы с мамой стали настаивать вызвать машину, но Вэл наотрез отказалась, объясняя это тем, что живет неподалеку.

— Если заболеешь, то пеняй на себя, – я протянула ей сумку.

— Придешь навестить меня. Ну я пошла, спасибо за теплый прием.

— Заходи еще, Вэл, – улыбнулась Стэйси. – Надо будет позвать тебя на ужин, чтобы и наш папа присутствовал.

— Я буду рада. До свидания.

Напоследок Вэл сверкнула глазами, махнула рукой и пошла по дорожке к тротуару. Поджав плечи, она ускорила шаг,

слегка пошатываясь, словно уклонялась от ударов. Руки сунула в карманы, а волосы, которые она так ответственно прятала под куртку, выбило из капюшона. Я проводила ее взглядом, пока она не скрылась из вида и закрыла дверь.

Даже за такой короткий промежуток на стыке двух температур моя рука стала менее чувствительной, плечи подрагивали, а желание укутаться в теплый плед, обвить пальцами кружку теплого чая и завалиться на диван превратилось в манию.

— Я требую объяснений. Что у вас там произошло? – мама пригласила меня на кухню.

— Одна придурочная достает Вэл. Когда мы с ней выходили с территории колледжа, та толкнула ее, а результат ты видела.

— И никто ничего не сделал?

— Я впервые такое вижу, – я уперла кисти в бока. – Все вокруг просто шли мимо или останавливались, чтобы поглазеть. Хотя был один человек, который помог Вэл подняться и вообще остановил Лику.

— Должно быть, хороший человек, – Стэйси помедлила, но продолжила. – Может быть, подружитесь. А это парень или девушка? – мама отхлебнула из кружки, похлопывая киятком.

Потянувшись к чайнику, металл обжег пальцы, не дав коснуться полированной зеркальной поверхности, что заставило меня втянуть воздух сквозь зубы:

— Я не собираюсь дружить с каждым, кого увидела сегодня и не почувствовала отвращения. Кстати, пол как-то должен повлиять на мое решение о дружбе?

— Может быть, может быть, — она покачала головой. — И все же?

— О господи, парень, мам, — я закатила глаза, но не смогла сдержать улыбку.

— Ты увидела его впервые, но он, действительно повел себя не как другие. Он не трус или ему плевать на мнение других.

— Я не встречала еще ни одного человека, которому плевать на мнение других, — сказанные слова были с привкусом разочарования.

— Если будет возможность подружиться — не упускай ее. Может, вы подружитесь так же, как и с Дэном? Между прочим, мы с папой думали, что вы будете вместе.

— Мама, — меня давно стало утомлять это сватовство.

— Ладно, не будем загадывать. Время все расставит по своим местам.

Я села за стол и бесцельно мешала чай ложкой, нагревающейся от кипятка. Металл целовал пальцы, намереваясь оставить красные следы. Отпустив источник жжения, раздался звон. Вспоминая ситуацию у ворот колледжа, я старалась понять парня, заступившегося за Вэл, а следом в голове прозвучали слова мамы о дружбе и симпатии. Мысль, что я могу приглянуться человеку, крутящемуся в кругу самодо-

вольных отбросов типа Лики, вызывало тошноту.

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу – кто ты.

Ранее со мной уже флиртовали, оказывали знаки внимания, но я была юна и не воспринимала это всерьез. Относилась, как у милой детской забаве. Получать внимание от того, кому ты нравишься очень интригующе, даже если чувства не взаимны. Ощущение трепета и желание заполучить нечто большее делают тебя другим, более открытым. Меняется твой голос, поведение, отношение к каким-то вещам. Ты стараешься казаться лучше, чем есть на самом деле. В такие моменты мы все лжем. Мне вспомнился наш последний сеанс с психологом и его поражение слова о людях.

Может быть, я ошибаюсь на его счет красавца-незнакомца. Во всем.

Думая об этом парне, я начала рассуждать, что он за человек. Попытка представить его лицо, окрашенное эмоциями, казалось, страшно смятым куском кожи. Такое спокойствие пугало, лишая человеческого образа. Аромат его парфюма застрял в носу, словно заполнил всю комнату. Ощущение его присутствия за спиной, вызывало смущенную улыбку, мешающую сосредоточиться.

Дождавшись отца с работы, мы сели ужинать. Мой боевой настрой сошел на нет, поэтому я спокойно уплетала мамину стряпню. Отец увлеченно рассказывал про работу, а мама задавала кучу вопросов, на которые папа пока не знал точного ответа, поэтому отвечал очень обтекаемо. Меня это за-

бавляло. Я с улыбкой наблюдала за их диалогом, не ощущая, что прошло уже семь лет с того момента, как я попала к ним в семью. Словно они не постарели ни на месяц, все такие же веселые и юные душой.

— У меня скоро командировка, – сообщил отец.

— Опять? – грусть мгновенно отпечаталась на мамином лице.

— Милая, теперь вся моя работа – это одна сплошная командировка.

Я слегка погрустнела, пронаблюдав поникшее выражение лица мамы.

— Стэйси, не волнуйся. Это поездка одним днем. Я просто очень поздно вернусь. Если будут длительные командировки, то я буду брать тебя с собой.

— А так можно? – воодушевилась я.

— Да, я уже все узнал. Пока я буду работать, мама будет прогуливаться по паркам и магазинам. Будет привозить тебе разные сувениры и безделушки. Если получится, то поедем всей семьей. А из мест, куда не смогу взять вас с собой, буду привозить подарки. Может привезти что-то завтра?

— У меня кончается мой любимый крем для рук, – промурлыкала мама.

— Принято, – отец повернулся ко мне. – А тебе милая?

— Духи.

— Духи? – его лоб использовался складками. – Ты никогда не пользовалась парфюмом.

— Похоже, наша девочка решила стать более привлекательной, – визуально голос мамы походил на американские горки.

— Не понял.

Отец смотрел то на маму, то на меня.

— Ну, Лу сегодня встретила молодого человека в колледже, – ее вилка гуляла по тарелке, накалывая салат.

Дэйв прекратил есть, положил приборы и посмотрел на меня из-под своих могучих бровей.

— Дэйв, да хватит тебе, – мама махнула рукой в его сторону. – Не волнуйся, она умная девочка.

Помедлив, он продолжил есть, нервно накалывая на вилку овощи.

— Ничего. Я все понимаю. Моя малышка совсем взрослая. Просто я разнервничался.

— Я познакомилась с одноклассницей, – решила я сменив тему. – Девчонка вроде не плохая, но ее задирают. По пути домой одна из полоумных баб толкнула ее, что Вэл упала и ободрала себе руку. Дома мы обработали рану, немного поболтали, узнали друг друга лучше.

— Вы решили довести меня до инфаркта? Надеюсь, тебя никто не обижал?

— Дэйв!

Мама погладила отца по плечу, а он с грустным видом набил рот салатом. Уголки моего рта приподняла излучаемая отцом забота, а его беспокойство умиляло своей приторно-

стью.

Закончив с ужином, мы загрузили посудомойку. Я направилась в комнату, подготовить все необходимое к новому учебному дню, а родители уселись на диване в гостиной, в ожидании меня на семейный просмотр кино.

Иногда мы устраиваем такие киносеансы, если появляется интересное кино в инфополе. Мы смотрели абсолютно разные жанры от артхауса до хоррора. В последний раз нас заинтересовал триллер «Не в себе». Мама полфильма возмущалась происходящему, а папа пытался объяснить маме логику там, где она ее в упор не замечала. Люблю кино, играющее с твоим разумом, спутывая понимание реальности. Отсутствие контроля ситуации от лица главного героя заставляет напрягаться, примеряя его шкуру. Со стороны ситуация кажется понятной, пока сам не окажешься в схожих обстоятельствах.

Закончив сборы, меня посетила мысль, что идея начать занятия с четверга была просто замечательной. Два дня учебы и выходные. Я написала в общий чат друзей, что отправляюсь на просмотр фильма, и спросила, как прошел их день. Через несколько минут начали приходить сообщения от ребят. Я с улыбкой читала их, направляясь в гостиную. Дэн писал в чате сухо и односложно. Перейдя в личный чат с ним, пальцы загуляли по сенсору, набирая волнительное сообщение:

Лу: Ты в порядке?

Дэн: Мне просто тебя не хватает. В чате всех слишком много. Поболтай со мной здесь.

Лу: Я посмотрю кино с родителями и напишу. Не усни.

Дэн: Дождусь тебя, малышка Лу.

Я улыбнулась и заблокировала телефон.

Дом был наполнен вечерним уютом. Родители пригрелись на диване, как влюбленные котики. Их освещал свет работающего телевизора, окрашивая лица то голубым, то желтым цветами. Я плюхнулась рядом с ними, придерживая полный живот. Иногда я жалею, что мама так вкусно готовит, ведь перспектива перестать влезать даже в домашние штаны не выглядела лучезарно.

— Роя побрили, потому что он уснул первый на вечеринке, — сказала я, укрывая ноги пледом.

— А есть фото? — глаза Стэйси округлились.

— А то, — я протянула маме телефон.

Ее брови подпрыгнули вверх. Она повернула экран к отцу, чтобы тот тоже оценил новый стиль моего друга.

— Мне как-то выбрили на затылке мошонку, — с невозмутимым лицом сказал отец, щелкая кнопки на пульте. — Я с ней полдня проходил. Пришлось коротко подстричься. Твоя мама чуть не разлюбила меня

— А кто это сделал? — я наклонилась вперед, чтобы увидеть его лицо.

— Мой тесть.

Я удивленно посмотрела на маму, требуя подробностей о

случившемся.

— Не спрашивай, я ничего не знаю.

— Эй, вы так просто оставите меня только с этой информацией?

Отец с увлечением ковырялся в телевизоре или только делал вид. Я скрестила руки, откинулась на диван надувшись. Дэйв взлохматил мне волосы, а мама поджала ноги. Мы начали наполнять этот дом новыми воспоминаниями, чтобы потом было сложно уезжать отсюда, если это будет необходимо. Стены перестали казаться чужими, запахи прошлых владельцев окончательно выветрились. Дождь продолжал хлестать по окнам, убаюкивая сытое тело. Положив щеку на плечо Стэйси, фокус с телевизора сменился на окропленное окно.

Вечер был таким комфортным, но меня не покидала одна мысль:

«Как там Вэл?»

Глава 4. Ник

Пара карих глаз, светящихся стойкостью, миражом проплывали то тут, то там. Пытаясь сконцентрироваться на важных делах, которые переполняли мой график, я не был в состоянии выкинуть из головы новенькую. Эта дерзкая девочка заинтересовала меня, встав на защиту Вэл, но дело не только в этом. Еще в столовой я заметил ее. Скромность, приправленная уверенностью, обернутая в красоту. Кто бы мог подумать, что в этой тихоне сокрыта сила и наглость и то. Уверен — это только верхушка айсберга. Под слоем ледяной воды скрывается волшебство. Оно будоражит, вызывает интерес, от которого невозможно избавиться, а каждый глоток освежает, требуя пить еще и еще.

Я крутил в голове нашу первую встречу, меняя уже произошедшее, углубляясь в эту мультивселенную. Как ветви дерева, разница событий разрасталась в голове. Я мог растопить ее осторожность речью, которую составил в семнадцать лет. Сладость комплиментов творит чудеса. Даже самая нудная и предсказуемая девушка раскроется, как голодная кошка, трущаяся о твою грудь, требуя больше ласки и нежности. А мимолетное касание виска, короткое объятие с намеком на смущение, разжигает в ней потребность понравится больше, стирая рамки, даже без алкоголя. Умение понять, что за тип женщины передо мной вызывает скуку последние три го-

да. Поведение, мимика, взгляд описаны в моем собственном учебнике с подробным пояснением, кого я вижу. Однотипные, предсказуемые сценарии общения выглядят как повод остаться дома и посмотреть кино, которое подарит больше эмоций и сюжетных поворотов.

На первый взгляд новенькая типичная недотрога с тревогой и желанием спрятаться. Она быстро прошмыгнула утром мимо толпы, пускающей кольца дыма в небо. Пряча лицо то ли от запаха, то ли от нежелательного внимания, побежала к входу, защищаясь от утреннего ветра. Она так умело сливалась с толпой, что я не сразу заметил ее, зацепившись за незнакомую куртку лишь на крыльце колледжа. В маленьком городке каждое лицо становится тебе знакомым после третьей встречи, даже если увидеть его на другой стороне улицы. Вэл украла возможность узнать имя незнакомки, а, следовательно, и возможность выбросить ее из головы. Есть один способ потерять к ней интерес, но для этого нужно затащить ее в постель. Работает безотказно.

Стены общежития промерзали от ветра, который наполнял комнату пробирающим до костей холодом. С прохладой боролся одинокий обогреватель, потрескивая маслом, вступая в схватку с открытым окном. Валяясь на кровати, перебирал список дел, который заваливался эффектом домино. Ситуация в курилке не отпускала, лишая наслаждения спокойно нежится в освежающем постельном белье. Я бросил взгляд на друга, который с усилием натирал подбородок, на-

прыгая челюсть. Он был зол на меня за то, что я попросил его не вмешиваться в перепалку Вэл и Лики, зная, что первой это не понравится.

АйВи сидел на подоконнике, болтая одной ногой, шоркал по стене и действовал мне на нервы. Я частенько боролся раздражением с чувством вины, а он способствовал этому чувству наращивать аппетит. Пуская дым в открытое окно, АйВи мельком посматривал на входную дверь, делая вид, что его не беспокоит возможный приход коменданта, у которого нюх овчарки, натасканной на поиск детонатора.

— Думаю, что наш зритель в отрубе перед телеком, — подо мной скрипнули пружины, когда ноги коснулись пола. — Интеллектуальные шоу его убаюкивают.

АйВи чуть не подавился колючим дымом, натужно засмеялся.

— Абсолютно не удивлен. Умственные способности не его сильная сторона. Кстати, есть какие-нибудь новости из бара?

Вопрос затянул шнуровку через все тело. Не потому, что я не хотел говорить об этом сейчас, а потому что не знал ничего конкретного. Мой информатор был крайне далек от составления финального отчета, но доставать сведения всегда непросто. Общение с этим человеком не доставляет мне ни капли удовольствия. Даже просто приятным это общение не назвать. Вспоминая историю этого человека, предпринимая попытки найти жалость и сочувствие, с каждым днем я по-

нимал, что это выше моих сил. Не буду врать, что у меня не возникает сочувствия, ведь я даю этому человеку лживую надежду. Проблема в том, что я не вижу никакой проблемы. Моя эгоистичная натура и отсутствие альтруизма не оставляет места для других чувств. Лишь выгода.

Мне это необходимо.

— Пока что информации очень мало, но она работает над ее получением, — мой ответ был достаточно сухим, чтобы АйВи отстал, но он словно оглох, ослеп и отупел одновременно.

Он затушил сигарету и с серьезным видом скрестил руки на груди, зашагав в мою сторону.

— Она дала хоть какие-то примерные сроки? Ты ей, вообще-то, деньги платишь.

— Она многим рискует.

— Я знаю это так же хорошо, как и ты, но ты и про себя не забывай. Ты бы доброту оставил при себе, ведь она не добра с близкими тебе.

Я знал, что он сорвет свое недовольство на мне. АйВи достаточно мягок, чтобы быстро вернуть его в привычное русло.

— Если ты знаешь все так же хорошо, как и я, то понимаешь, что доброта по отношению к ней — это последнее, что я в силах испытывать.

— Ты можешь жить не так, как живешь, но ты выбрал... Его прервал звонок моего телефона, который буквально

спас меня от раздражающих нотаций. Я ответил, не дав и одному гудку завершиться, и прикрыл динамик ладонью:

— Все? Закончил? — я рывком поднялся с кровати и встал спиной к АйВи, чтоб не видеть его возмущенно выпученных глаз. — Да, привет, — обратился я к звонящему.

На том конце провода раздался голос, выгнавший кровь из конечностей. Мелкие волоски наэлектризовались, как у напуганного кота. Каждое слово было ударом кувалды по льду под ногами, а подо льдом беспроглядная тьма, наполненная чудовищами, дикими животными и смертоносной стихией. Но это было необходимо. Я строил из себя великомученика, который терпит это общение ради собственной корысти. Это происходит настолько давно, что сердце было камнем, недоступным для терзания совестью. Мой инстинкт самосохранения бил по мозгу, словно в колокол, наказывая быть осторожным. Человек на том конце провода опасен.

Казалось, что со мной говорил робот. Монотонный, практически безэмоциональный. Голос звучал так, словно важно только то, что произнесено им, только то, что в голове говорящего. Я не пытался вставить ни слова, потому что это не было важно. Этот человек лишь говорит, что я важен, но, в действительности, это не так. Это иллюзия, и я знал об этом.

Когда-то я совершил ошибку открывшись. Рассказал о себе, о своих чувствах, о внутренней войне и боли, что я перенес — и поплатился за это. Больше я такой оплошности не допущу, не позволю использовать меня, копаться у себя в

мозгах, расставляя кубики в нужном кому-то порядке.

— Которая из них сейчас на том конце провода? — слова АйВи взорвали гул тишины в комнате, привлекая мое внимание. — Как у тебя не идет голова кругом от всего происходящего, — он пытался оказаться передо мной, но мои ноги отворачивали тело в другую сторону, словно его увидит мой собеседник. — Поставь на громкую связь, чтобы я мог записать все, вдруг ты не запомнишь.

Превозмогая раздражение, я вскинул руку, приказывая АйВи заткнуться. Нервно поджав губы, я бросил на него взгляд, что заставило его отвернуться, закрыв рот ладонью. Продолжая впитывать каждое слово, я кивал в пустоту. Мои брови медленно плавали над глазами, заставляя мозг напрягаться, визуализируя услышанное. Слова, раздающиеся из динамика, врезались в память, не давая потерять ни единого звука. Этот монолог завершился так же резко, как и начался. Не упуская ни грамма информации, я посмотрел на заинтригованного АйВи, который требовал объяснений въедающимся взглядом.

— Фармкомпания отошла одному знакомому, который отдал большие деньги. Он также заплатил, чтобы стать первым в очереди. И чтобы на нем эта очередь закончилась. Отсюда и наследство.

— А кто этот знакомый?

— Не знаю. Это пока не известно.

АйВи потер шею, взъерошил волосы и разочарованно вы-

дохнул.

— Эти девушки погубят тебя. Клянусь, я чувствую, как они тебя используют.

— А я использую их. Это такой вид отношений, АйВи – потребительский, – эти слова оседали во рту мазутом, налипали на язык и небо от мерзости произносимого. Но это была правда. – Они используют меня, а я использую их. Не испытываю от этого особого огорчения.

— Интересно, я вхожу в этот круг или...

— Дружище, ты мне как брат, – я хлопнул АйВи по плечу, одарив искренней улыбкой, и подошел к окну, вложив сигарету в зубы. – Мы так давно знакомы, мы столько вместе прошли. Я доверяю тебе, как себе. Я доверил тебе одного человека, – взглянув исподлобья и сверкнув улыбкой, моя шутовская натура не смогла затаиться.

АйВи удивленно вскинул брови, присаживаясь за стол. Мы оба знали о ком речь. Закинув лодыжку на бедро, он затряс стопой. Любое упоминание о ней заставляло его трепетать, нервничать, что не могло не вызывать у меня ребяческой радости подколоть его еще больше. Он влюбился в нее очень давно, как и она в него. АйВи более мягкий, а она – ураган. Она сдерживает эмоции, но стоит ему до нее дотронуться или хотя бы взглянуть – ее сердце начинает трепыхаться птицей, тянущейся к кристально чистому ручью. Не могу сдерживать улыбки, когда вижу ее такой. АйВи, в свою очередь, всегда дрожит, когда она рядом или о ней заходит

речь. Вот и сейчас, АйВи выпятил грудь, расправил плечи и даже не пытался скрыть улыбку. Его лицо так и светилось счастьем.

— С таким характером это я помогаю тебе с ней. Держу ее в узде.

— Ты? Ее? В узде? – я разразился искренним смехом, придерживая двумя пальцами фильтр сигареты. – Не смеши меня. Я больше поверю, что это она крутит тобой как юлой. Ты никогда не был ходоком, но с ней ты просто плюшевый, – АйВи задрал нос после моих слов.

— Зато ты ходок.

— Чтобы быть ходоком, нужно изменять своей девушке, – прохладный воздух обдал мое лицо, поправляя челку. – У меня не было девушки, – АйВи упер локти в бедра и подпер подбородок ладонью, склонив голову набок. – Ладно, — я вскинул свободную ладонь, — мы не встречались. Доволен?

— Да неужели? И когда же у тебя появится девушка, чтобы мы выяснили уровень твоей верности?

Его слова прозвенели как сотня колокольчиков одновременно. Отношения вызывают у меня страх. Сближаясь с кем-то, ты становишься подставкой для ножей: близкий тебе видит твои слабости, узнает о них спустя время, а потом может вонзить в эти слабости свои острые пальцы, желая владеть твоими мыслями и чувствами. Твоей жизнью. Властвовать над тобой, подчинить. Околдованный улыбками и засахаренными речами, ты веришь в любую чушь, заползающую

тебе в уши из уст, извергающих лишь ложь и яд. Он отравляет тебя, делает мягким, податливым, готовым подбирать с пол испачканную в дерьме доброту. Я не могу этого допустить.

Больше не допущу. Никогда.

Я боюсь близости с человеком, который попытается слиться с моей душой, но в то же время – я безумно этого хочу. Душу не обманешь, подсознание не обманешь. Сердце не лжет. Часть меня, тот маленький мальчик, что внутри каждый год под рождественской звездой загадывает одно и то же желание: научиться любить и распознавать искреннюю любовь. Я всю жизнь будто стою на краю пропасти, желая прыгнуть с тарзанки. Эти острые ощущения, эйфория и адреналин миражом плещутся в воображении, но страх не позволяет сделать шаг. Голос инстинктов нашептывает мне разные ужасы:

«Ты умрешь!»

«Ты разобьешься!»

«Ты пострадаешь!»

Вот я и стою, лишь смотря на это манящее приключение, которое способно изменить мою жизнь. Вывернуть ее наизнанку, выпотрошить и предложить новое наполнение. Но сейчас такого человека нет рядом, а я его не ищу.

— Когда-нибудь появится, АйВи, – я облизал губы, ощутив горечь смол, схожую с горечью страха перед неизвестностью. – Поверь, ты узнаешь первый. Мне иногда кажется,

что ты станешь катализатором к моим отношениям. Думаю, глядя на тебя, я решу их попробовать.

— Тебе нужна та, кого ты не знаешь, а это достаточно проблематично, Ник, — АйВи отпружинил от стула, нырнул на кровать, взяв в руку телефон. Его нога плавно покачивалась, лежа на колене, а палец гулял по экрану. — Сью, Донна, Вера, Энжи, — он перечислял имена девушек, с которыми я спал. Они же были студентками колледжа. Его игривое настроение бесило и веселило меня одновременно, — тут список достаточно длинный. Да и я не уверен, что сам знаком с половиной твоих любовниц.

Я только открыл рот, чтобы оправдать себя, но мой тактичный друг сделал это за меня:

— Да, знаю, ты не настаиваешь на интиме никогда. Но тебя никто и не заставляет с ними спать.

— Зачем отказываться, когда удовольствие само идет к тебе в руки, — мое дыхание замедлилось, успокаивая стук сердца. Будь у меня павлиний хвост, он бы раскрылся веером. Я знаю, что красив, ведь у меня есть глаза, а в комнате — зеркало. Не был бы я привлекательным, девушки не висли бы на мне, окутывая со всех сторон. При всем при этом идеальном образе меня можно сравнить с кораблем в обезумевшем море.

— Нормальные отношения начинаются не с постели, Ник, — до моих ушей донеслось то, что я ненавижу больше всего. Жалость уколола мои глаза, которые я поднял на АйВи. Она

иссушила слизистую, заставляя часто моргать.

Для меня жалость – это последнее чувство, что мы испытываем к человеку. Людские отношения самые разнообразные. Между двумя могут быть страсть, любовь, злость, ревность и даже ненависть. Но перед тем как люди расстаются навсегда, они испытывают друг к другу только жалость. Они жалеют об упущенном, о несбыточном, о потерянном. Об ошибках, совершенных в прошлом по отношению друг к другу, а главное – к самим себе. Мой внутренний голос твердил, что это не жалость, что я просто запутался в себе, в других. Я так хочу. Меня выбил из раздумий толчок в плечо.

— Эй, очнись! Ты прекратишь ее впутывать в свои дела? Неужели это так необходимо? – я сразу понял о ком речь, даже по вырванной фразе из контекста, что мне не пришлось переспрашивать.

— Поверь, я не настаиваю на этом, – пальцы утонули в прядях, стараясь успокоить нервы. – Она считает, что так лучше, но я переживаю за нее так же, как и ты. Она считает, что в безопасности, потому что находится среди близких.

— Я боюсь, что это не так, – торопился уведомить меня АйВи о том, что мне стало известно задолго до того, как он узнал.

— Понимаю твои переживания, – я хлопнул ладонью по плечу АйВи сильнее, чем планировал, но он не обиделся на меня, а лишь шутливо скривился от боли, потирая плечо. – Я рядом именно для защиты. Не волнуйся за нее. Знаю, она

может и сама за себя постоять. Иногда мне кажется, что ее внутренняя сила может остановить стихийное бедствие, но в глубине души она очень хрупкая девочка. Уж я-то знаю.

— Не могу поверить, что ты с ней не спал или не думал об отношениях, Ник. Ты так привязан к ней, так тепло о ней думаешь и отзываешься.

— АйВи, она мне как родня. Она мой голос разума.

— Если быть честным, – руки АйВи скрестились на груди, раздув мышцы, – я даже немного обижен, ведь я думал, что это я твой голос разума. Мы так давно знакомы, – он обиженно пинал воздух, смотря в пол, – мы столько вместе прошли. Мы знаем друг друга лучше, чем кто-либо.

— Знаешь, иногда так хочется услышать эти слова из женских уст, – моя ширма из стали приоткрылась, оголив суть. Мне захотелось сбросить маску, внутренности напоминали оголенные провода – того и гляди ударит током, но в ту же секунду в голосе зазвенела издевка. – Услышать искренность, почувствовать тепло, увидеть свет от человека, говорящего такие вещи.

Вновь нацепив маску шутника, я сцепил пальцы в замок на груди и посмотрел вверх, по-девчачьи моргая пять раз в секунду.

— А ты вынимай почаще член у них изо рта, – АйВи потечески обнял меня за плечи, подыгрывая моей игре. – Я только хотел сказать, что ты не кретин, но увы.

— Я приложу для этого все усилия.

Улыбка с привкусом грусти скользнула по губам и испарилась, маскируясь под личиной козла. Я могу открыться перед АйВи, я знаю, что он поймет и не осудит, не посмеется. А еще я знаю, что он не видит той маски, которую я демонстрирую миру.

Я боюсь. Боюсь своей реакции. Боюсь себя.

Глава 5. Лу

Выходные встретили меня утренней прохладой, которая облизывала пятки, торчащие из-под одеяла. Бодрящая свежесть заставила тело вздрогнуть и свернуться в клубок, окунув ноги в пелену тепла. Не желая вылезать, я лежала тихо словно притаилась, стараясь не давать времени понять, что бодрствую. Медленно открыв глаза, вижу свой стол, над которым висела доска воспоминаний. С фото на меня смотрели друзья, отчего тоска засунула раскаленный кинжал в горло. Грустная улыбка коснулась губ, а по виску потекла соленая слеза. Воспоминания захлестнули, предательски сдавливая грудь, не давая сделать глубокий вдох. Шмыгнув носом, я потерла глаза, стараясь прояснить взгляд, и встала с кровати. Я написала в наш чат, пожелав доброго утра, вышла в коридор и двинулась в ванну, потирая ладонями плечи. Попытки отогнать пронизывающую свежесть не увенчались успехом. Единственное, что могло бы мне помочь – это теплый душ.

Отогревшись под горячими струями воды, я вернулась в комнату. Вязаный свитер, свободные штаны и домашние тапочки в форме кроликов создавали атмосферу уюта, заставив меня воспрянуть, разравнивая помятое сердце. Зайдя на кухню, я проверила чайник и, на удивление, он был горячий, но в доме была тишина. Я огляделась по сторонам, окликая родителей, но ответа не было. Часы показывали время —

10:26. Сходив за телефоном в комнату, я набрала номер мамы и, слушая гудки, заваривала чай. Кипяток вытягивал шоколадный цвет из пакетика, расплзаясь в воде ароматными разводами. Гудки оборвались и из динамика послышались шум толпы и звуки музыки торгового центра, сквозь которые пробивался мамин голос:

— Милая, ты проснулась? – она говорила достаточно громко, не переходя на крик. Я сделала громкость тише, чтобы не оглохнуть от концентрации звуков.

— Вы в торговом центре? – уточнила я, направляясь к дивану.

— Да, милая, – ответила она. – Нам нужно купить папе костюм в командировку.

Я включила телевизор, устроилась поудобнее и обдула гладь напитка, создав небольшую ямку на поверхности. По телеку шло какое-то интеллектуальное шоу, где задавали разные вопросы, а за правильные ответы давали баллы.

— Купите печенье на обратном пути? – спросила я, делая глоток.

— Хорошо. Отдыхай милая, не очень удобно говорить, – затараторила она. – Скоро вернемся!

Не успев ответить, Стейси повесила трубку. Ее суетной нрав всегда забавлял меня, и этот раз не был исключением. Иногда она бежала вперед самой себя, из-за чего их с папой готовка выглядела забавно. Мама бегала по кухне, делая несколько вещей одновременно, а папа медленно и раз-

меренно бродил из стороны в сторону, не успевая осознать, что все уже готово.

Я бесцельно переключала каналы. Взгляд не цеплялся ни на одной из передач, как вдруг зазвонил мой телефон. На экране высветилось имя «Дэн». От переполнявших эмоций сердце стало биться чаще, а большой палец аккуратно прошелся по краю экрана. Глаза цеплялись за пиксели, сердечка в названии, впитывая родное тепло и направляя его по всему телу, создавая эпицентр в груди. Я всего несколько дней не виделась с ними, а уже безумно заскучала. Придя в себя, я ответила.

— Эй, Дэн! Решил позвонить? Как вы там?

— Малышка Лу, – я слышала, как он улыбается. – Уже забыла о нас?

Его голос звучал фальшиво обиженно. Дэн знал, что я никогда бы их не забыла. Решив ему подыграть, я наиграно скуksилась.

— Ты что, Дэни, я же люблю вас, – пролепетала я. – Тебя то уж, занозу в заднице, сложно будет и после смерти позабыть.

— Ладно, – в динамике послышался скрип кровати. Дэн до сих пор валялся в постели. – Рассказывай, как первые дни в колледже?

— В принципе, все нормально, – я взглянула в окно гостиной и засмотрелась на колышущиеся ветви деревьев. – Колледж достойный, находится близко. Познакомилась с одно-

группниками, с одной даже пообщалась. Неплохая девчонка, но одна овца ее достает. Я за нее заступилась.

— Ого, – внезапно голос Дэна стал обеспокоенным. – Надеюсь ты не пострадала. Неужели никто не вступился?

— Да, один парень заступился, – ответила я, продолжая вглядываться в мрачный, но успокаивающий пейзаж за окном. – Пока сложно понять, кто есть кто, но Вэл нормальная. Мы чем-то похожи, – помедлив добавила я.

Повисла пауза. Могло показаться, что связь прервалась, но я слышала дыхание Дэна. Я не успела ничего сказать, потому что раздался спокойный, но твердый полусшепот друга:

— Я скучаю.

Я оторопела. Это звучало, как признание. То самое признание. Я не понимала, как мне на это реагировать, поэтому просто застыла, а пауза затягивалась. Только я хотела открыть рот и сказать хоть что-то, как вдруг заговорил Дэн.

— Мне пора. Созвонимся позже.

Парень сбросил звонок до того, как я успела отреагировать. Гудки доносились из динамика прямо в ухо, но звучали как далекий шум. Плечи задрожали, словно от перенапряжения, а губы пересохли. Я сделала глоток чая и снова посмотрела в окно.

Ветер продолжал поглаживать ветви деревьев, стараясь заплести их в широкие косы. Небо было затянуто, но грозовых туч не было. Дождя не намечалось, а температура была недостаточно низкой. Буквально ощутив кожей уличный

комфорт, я решила прогуляться.

Нося бременное тело по дому из комнаты в комнату, неторопливо собиралась, поглядывая в окно. Приглядывалась к голубоватому стеклу, стараясь уловить появление капель дождя. Мои сборы прерывались на переписку с друзьями, которые информировали о событиях, которые я пропустила: учеба, тусовки, сплетни. От Дэна в нашем общем чате не было ни строчки после звонка. Нана пыталась ввести его в обсуждение, но он полностью игнорировал ее сообщения, даже не прочитывая их. Напряжение сковывало каждую мышцу в болезненном спазме при каждой попытке вовлечь Дэна в беседу и лишь усиливалось, когда он таинственно молчал, не появляясь онлайн.

Попрощавшись с друзьями, я допила чай, убрала телефон и наушники в куртку и покинула дом.

Свежий воздух окутал мое лицо. Сделав глубокий вдох, я почувствовала странную легкость. Тихий стон вырвался от смакования запаха влаги и мокрой растительности, а ноги понесли в сторону колледжа. Я больше не знала куда идти, но дома оставаться в такую погоду не хотелось. Мягкий естественный свет равномерно рассеивался сквозь пепельные облака. Далекий шум проезжающих машин походил на шорох водопада, вызывающий мурашки. Сонные виды улиц, наполненных безмятежностью, пытались вытеснить воспоминания о Дэне, но его слова вновь и вновь звучали в голове, навязчиво накладывая пелену на пейзаж.

Мысли о нашем разговоре тиранили мою голову, заставляя думать о том, о чем раньше и подумать было невозможно. Он звучал так одиноко и потерянно. Мое сердце трепетало от его слов, но тем временем мне было страшно.

Мы с Дэном были лучшими друзьями, я даже не могла представить нас вместе, но случившееся как-то повлияло на меня. Вспоминая наше общение, я начала находить вторые смыслы в его словах и действиях. Полуулыбки, взгляды, касания. Как я могла быть на столько слепа. А может я все же неверно трактую происходящее? Спросить у него на прямую будет достаточно глупо, ведь, если все это придумала моя больная фантазия, он посмеется надо мной и не забудет о сказанном до пенсии. Да и я двух слов не смогу связать. Затея баракло.

Гоняя мысли, я дошла до колледжа. Главные ворота оказались закрыты, около них не было ни души. Я редко гуляла, не слушая музыку, но сейчас я просто хотела отдохнуть и привести мысли в порядок. Звуки Житрака казались чужими и необычными в сравнении с Кразо, поэтому, я прислушивалась к ветру, шуршанию шин на асфальте и шелесту деревьев, узнавая историю города, в котором предстоит жить.

Решив разведать местность, я прошла дальше по улице, а на моем пути появилось две развилки. Завернула налево по более узкому тротуару, усыпанному мокрой листвой и усталой травой между плитками. Идя вдоль улицы, я цеплялась глазами за разные детали. Гуляя в одиночестве замечаешь

то, на что не обратил бы внимания, болтая с кем-то о ерунде. Аккуратно подстриженная трава и кусты, птицы, уютно сидящие на ветвях, листва, срывающаяся от слабых порывов ветра и кружащаяся в медленном танце, завораживающая, словно гипнотический круг. Я начинала забывать обо всем, что было до этого, находилась только в настоящем. Мне стало легко.

Вдруг, впереди меня, показались металлические ворота. Они отличались от тех, что были входом на территорию колледжа. Справа от открытой створки я увидела деревянную вывеску с надписью. Попытка разглядеть ее издалека не увенчалась успехом. Табличка была грязной и потрепанной, не давая разобрать написанное. Решив узнать, что же находится за тайной дверью, я уверенно приближалась к воротам. Любопытство щекотало изнутри, а от хитрой улыбки начинали болеть щеки. Подойдя достаточно близко, я смогла прочесть написанное. Там было указано, что за воротами находится общежитие моего колледжа.

Окончательно пропитавшись любопытством, раздуваемым гомоном людей, я слегка приоткрыла ворота и вошла на территорию. Скрип мокрого, заржавевшего металла противно отозвался в ушах, но затих, стоило воротам замереть. Посмотрев по сторонам, я увидела слева четырехэтажное, кирпичное здание. На стенах остались влажные пятна от недавнего дождя, из открытых окон виднелись тонкие колышущиеся шторы. Воздух был наполнен ароматами парфюма, бен-

зина и табака.

Перед главным входом была достаточно большая площадка с клумбами и дорожками. Рядом с насаждениями располагались самодельные конструкции, служившие трамплинами для катания на скейтах и роликах. Парни в толстовках исполняли разные трюки, смеялись и подкалывали друг друга. Девчонки, в свою очередь, сидели на лавочке в форме полумесяца. Они шушукались, косились на ребят и явно старались привлечь их внимание – надували шары жвачкой, лакомились леденцами на палочках, подкрашивали губы, поправляли волосы. Посмотрев вправо, глаз зацепился небольшую парковку для автомобилей студентов и работников общежития, которая была полностью заполнена машинами и мотоциклами. Авто стояли не в разметку, прижимаясь друг к другу ближе положенного, чтобы было больше места, мотоциклы стояли в ряд отдельно вдоль забора, а ворота для выезда открывались вручную. Позади парковки на расстоянии пятнадцати метров возвышалось небольшое здание, похожее на гараж. Приподнятая ролл-дверь демонстрировала полки, шкафы, заполненные инструментами, шинами и автомобильными деталями.

Картина казалась родной, будто я проживаю в городе всю жизнь. Это чувство было мне непонятным и странным, ведь я нахожусь здесь всего несколько дней и ничего не знаю ни о местности, ни о местных. Но мне здесь нравилось все больше и больше.

Из мыслей меня выдернул хохот со стороны молодых людей и девушек. Обернувшись, я увидела, что один из ребят упал, а его скейт очень быстро покатился в сторону. Парень лежал неподвижно на асфальте с закрытыми глазами и улыбался, его грудь сотрясалась от тихого хохота. Его друг медленно подошел и протянул ему руки, у которого вместо глаз от смеха виднелись лишь щелки. Это были те самые студенты колледжа, которые часто мелькают у ворот.

Курильщики.

В поднявшемся с земли парне, я узнала темноволосого юношу, желающего вмешаться в потасовку Вэл и Лики, но тогда он был остановлен своим другом.

Его взволнованный и удрученный взгляд всплыл перед лицом, а беспомощно напряженные кулаки и цепкий взгляд напоминали зверя, перед которым возвели непреодолимую преграду.

Сейчас же передо мной предстал расслабленный и веселый парень, к которому ранее я потеряла интерес, стоило ему смиренно остановиться перед потасовкой. Ничего не мешало мне рассмотреть его поближе. Он был темноволосый, коротко стриженный, миловидной внешности. Его бледная кожа блестела от пота, как классический чайный сервиз. Цвет глаз было сложно разглядеть, но улыбка завораживала по-детски чистым сиянием.

Его друг, протянувший руку, был немного выше и крупнее, светлые волосы нависали редкими прядями от макуш-

ки, стараясь прятать темную шевелюру. Рваная челка спадала на лоб, прилипая к коже от пота, один уголок рта был приподнять в манящей полуулыбке. Размер толстовки подсказывал о крупном телосложении, но при этом была свободной, не позволяя разглядеть фигуру. В свободных руках у парней было по сигарете, которые медленно тлели, отпуская в воздух две тонкие струйки дыма, извивающиеся на слабом ветру. Тот, что был выше, натянул резинки рукавов до локтей и рывком поднял друга с земли. От напряжения его ладонь стала еще шире, а оголенные крупные кисти и руки напряглись, демонстрируя силу. Ту же силу, которую я разглядела в нем в мой первый день в колледже.

В этот момент я перестала дышать, а тело замерло. Словно прячась, старалась не выдать себя, но спаситель Вэл поднял глаза и замер, изучая незнакомку. Его брови удивленно подскочили вверх, а рот приоткрылся, чтобы что-то сказать, но я попятилась назад, стараясь уйти из его поля зрения, чтобы не быть окликнутой, а также раскрытой для других ребят.

Я начинала чувствовать себя глупо, отчего хотелось еще больше спрятаться. Испариться, не оставив ни единого следа. При моей попытке бегства, губ парня коснулась игривая улыбка. Он не старался выглядеть уверенным в себе – он был уверенным. Глаза заблестели, а затем зажглись ярким огнем, не отрываясь от меня.

Сердце забилося быстрее, а ноги словно налились бетоном. На мгновение я хотела остановиться, хотела, чтобы он

подошел и заговорил со мной, но моя трусость и стеснение буквально вытолкали меня за территорию общежития. Последнее, что я увидела перед тем, как скрыться за воротами – он делает затяжку сигареты, слегка откинув голову назад.

Я зашагала прочь в сторону знакомой улицы. Каждый шаг отдавал в голове глухим стуком, сердце словно стало крохотным и билось о стенки груди изнутри. Страх обернуться и увидеть его лицо, боролся с навязчивым желанием удостовериться, что у него есть ко мне интерес.

Этот дьяволенок флиртовал со мной, не произнеся ни слова, не издав ни звука. Он просто посмотрел на меня, и я, в свою очередь, превратилась в желе. Мой принцип «не врать хотя бы себе» был неизменен, поэтому нужно было признать, что он зацепил меня. Завладел моим вниманием, моими мыслями, моим телом. Он не притронулся ко мне и пальцем, но вот его взгляд сковал в металл, притягивая к себе мощным внутренним магнитом.

Сразу было понятно, что он не простак, а бывалый бабник и сердцеед. Перед такими как он девушки штабелями раздвигают ноги и просят согреть их холодную душу, которую обидел очередной урод, не ценивший их. Но тут загвоздка. Я не собираюсь вступать в ряды тех, кто виснет на этом красавце за медовые речи и нежные объятия. Но побаловать себя игрой в гляделки не возбраняется.

Заворачивая за угол, я резко влетела в прохожего, практически потеряв равновесие, выбитая из колеи своими мысля-

ми. Подняв глаза, я увидела перед собой ошарашенную Вэл, которая запыхалась то ли от столкновения и неожиданности, то ли от того, что куда-то бежала.

— Наконец-то я догнала тебя, – сказала она, уперевшись ладонями в слегка согнутые ноги. – Я увидела тебя, когда ты выходила из дома и понеслась вслед, но ты просто испарилась, – продолжила она запыхавшись. – А ты быстро ходишь.

Я рассмеялась от произошедшего, стараясь выровнять дыхание. Во рту пересохло, а горло немного запершило.

— Решила немного осмотреть местность. Родители уехали в торговый центр, а мне было скучно, – ответила я логичный вопрос “что я тут делаю?”.

— Нашла что-то интересное? – Вэл звучала заинтригованно.

— Общежитие, – указала я большим пальцем позади себя. – Случайно забрела.

— Мне как раз туда и нужно, – Вэл стремительно направилась мне за спину, откуда я старалась скорее сбежать. – Там моя сестра, она забыла свой телефон. Пойдем со мной, а после прогуляемся. Я тут все тебе покажу.

Нервно сглотнув слюну, я сделала глубокий вдох и проследовала за подругой. Она ускоряла шаг, стараясь скорее добраться до общежития, а вот я вообще не торопилась. Вэл периодически оборачивалась с требованием не отставать, а я невольно замедляла шаг.

Дойдя до ворот, Вэл со скрипом открыла их, и мы прошли

на территорию, где все еще толпились студенты. Несколько пар глаз повернулись в нашу сторону, а после вернулись к своим делам, отчего я выдохнула с облегчением. Решив, что буду выглядеть глупо, если начну озираться по сторонам, в поисках тех самых глаз, что смутили меня, я уверенно зашагала вслед за Вэл, словно ничего не произошло несколько минут назад.

Под ногами шептал асфальт при каждом шаге, а теплый ветер путал волосы. Приближаясь к молодым парням и девушкам, их слова становились все отчетливее и громче. Можно было разобрать часть их разговоров, если они начинали повышать голос. Присутствующие были поглощены своим времяпрепровождением, полностью игнорируя наше присутствие.

Вэл чувствовала себя как дома. Она знала куда идти, знала тех, кто там был. С улыбкой поздоровавшись с сидевшими девушками и перекинувшись с ними парой фраз, она бросила взгляд на парней и вернулась к разговору.

Я стояла в паре шагов от них, делая очень важный вид. Ощущала себя школьницей, пришедшей в чужой класс по просьбе учителя посреди урока. Чужачка, привлекающая к себе внимание, но не делающая для этого ровным счетом ничего.

Да, это я.

Я мельком поглядывала на парней, что стояли в стороне. Они разговаривали, выполняли трюки и курили. Почув-

ствовав на себе чей-то взгляд, я искоса посмотрела в сторону. Несколько парней осматривали меня, словно диговинную зверушку, оценивая каждую часть моего тела. Их одобрителные ухмылки вызвали отвращение, словно я кусок мяса. Так всегда происходит с новой игрушкой. Сначала оценивают, а потом, если подходит под вкусы и потребности, начинают играть. Как только наигрались или, если игрушка пришла в негодность, то ее выкидывают, возможно передают другому.

Но тот, кто лицезрел мой трусливый побег, не смотрел на меня, как на игрушку. Он не оценивал меня. Он смотрел так, будто я ему понравилась.

Я переминалась с ноги на ногу, осматриваясь. Хотелось уйти отсюда.

Вдруг из общежития вышла девушка, которая напрямик направилась к Вэл.

— Наконец-то, – выпалила Вэл, протягивая телефон. – Бо, я тебе что, посыльный?

— Сестренка, не будь занудой.

Это была сестра Вэл, о которой она говорила.

Она была мила, но сравнивая ее и Вэл было понятно, что кровью они совершенно не связаны. Вэл была светлокожая, русая с серыми глазами, а вот Бо имела смуглую кожу, зеленые глаза и темно-каштановые волосы. Даже идиот догадался бы, что они не кровные родственницы.

— Позвать АйВи? Думаю, он соскучился, – проворковала

Бо, ковыряясь в телефоне.

— Заткнись.

Бо рассмеялась себе под нос, продолжая тыкать пальцем в экран. Подняв взгляд в мою сторону, она словно засияла и заговорила со мной.

— Так это ты новенькая, с кем подружилась Вэл?

— Да, – я подошла чуть ближе, чтобы не говорить громко.
– Я - Лу Эл.

— Бо Лок, – девушка подошла еще ближе и положила руку мне на плечо. – Она не зануда?

— Идем, Лу. Здесь очень тесно, — Вэл схватила меня под руку и потащила к воротам, хмурясь, пряча смущение.

Бо лишь рассмеялась во весь голос и мило помахала нам на прощанье. Девушка очень быстро вернулась к разговору с подругами, не отрываясь от экрана смартфона.

Мы побрели к выходу. Забавное брюзжание Вэл слегка сотрясало воздух, что заставило меня улыбнуться. Вновь ощутив на себе чей-то взгляд, я слегка замедлила шаг и обернулась на здание общежития. Пробегая глазами по окнам, шуря от пробивающегося солнца, я пыталась разглядеть шпионящую за нами пару глаз, ощущая красную точку прицела у себя на лбу.. Пристальное наблюдение казалось поглаживанием по волосам, вызывая мурашки, зарождающиеся в затылке, а после бегущие по шее к плечам.

В полумраке одного из окон, я заметила темный силуэт, но глаза словно сияли, напоминая кошек в темноте. К моему

собственному удивлению, этот взгляд не вогнал меня в ступор, а наоборот зарядил силой и энергией. Мое тело на это отреагировало моментально. Спина выпрямилась, а нос пытался подпрыгнуть выше глаз. Тонизирующее ощущение интереса, пробуждало море различных эмоций, делая меня похожей на рождественскую елку, увешанную гирляндой. Интрига, страсть... возбуждение. Глубоко внутри мне хотелось этого взгляда, хотелось этого внимания. Я не могла врать себе: мне было нужно его внимание. Того самого парня, который пожирал меня глазами. Который соблазнительно затягивался сигаретой, играя с дымом во рту, протягивая свои пути власти и доминирования к моему телу, сердцу и душе.

Не желая расставаться с этими ощущениями, я все же развернулась и стала нагонять Вэл, которая заметила мое отсутствие, когда отвлеклась от брюзжания на сестру. Девушка повернулась и сурово подозвала рукой, замедлив шаг. Засеменяя ногами, я запорхала в ее сторону, ворочая мысли в голове о загадочном парне.

— Ты где витаешь? — с обидой спросила Вэл. — Я тут Бо полощу, жду поддержки, а ты словно не здесь.

Я помедлила несколько секунд, думая, спрашивать оходячем сексе или нет, ведь его не было среди ребят, когда я вернулась туда вместе с Вэл. Моему любопытству не было предела. Желание узнать про этого парня раздувало изнутри, затрудняя сделать вдох.

Мы медленно брели по тротуару вдоль вечнозеленой рас-

тительности, посаженной у дорожек, которым влага придавала свежести. Словно окропленные, они гордо встречали нас, а ветер подталкивал их кланяться каждому нашему шагу. Мимо лениво проезжали машины, оставляя следы шин в лужах, которые мгновенно утопали в дождевой воде.

Мрачная погода не отпугивала людей, а наоборот, то тут, то там проходили компании молодых людей, парочек, семей с детьми, хозяев собак. Вокруг кипела жизнь, но не было суеты. Размеренная жизнь соседей и случайных прохожих завораживала и умиротворяла.

Мы прыгали с темы на тему, обсуждали настоящее, прошлое и делились планами на будущее. Становясь все ближе, поддаваясь моменту я рассказывала о себе вещи, которые знали только мои друзья из Кразо. Подруга рассказывала о себе: как она попала в детский дом, что происходило уже там и как она оказалась в семье Лок. Но она умолчала о деталях случившегося в ее отчем доме, однако не нужно быть гением, чтобы понять, что Вэл скрывала трагедию, которую хотела попросту забыть и погружаться в эту пучину боли не желала.

Мы плавно отходили от печального прошлого и переходили к удивительному настоящему. Ведя разговоры о колледже, учебе и планах на будущее, я вспомнила о том, кто запал глубоко в мою голову. Его образ вновь всплыл перед лицом, который я не могла проигнорировать. Терзаясь сомнениями, я думала стоит ли узнать, кто же этот парень или нет,

но, в итоге, мое любопытство взяло верх.

— Вэл, слушай, – неторопливо начала я. – Когда я пришла к общежитию до того, как мы столкнулись, я встрети-
лась глазами с одним парнем.

Сердце забилося чаще, а язык начал цепляться за небо. Жар вспыхнувших щек рухнул в грудь, раздуваемый стесне-
нием и стыдом. Прокашлявшись, я продолжила.

— Такой высокий...

— Высокий, — Вэл перебила меня и стала загибать паль-
цы, — темноволосый со светлой макушкой, симпатичный,
тело спортивное. Угадала? — Она отчеканила описание пар-
ня, застав меня врасплох. От напора и прямооты аж свело че-
люсть. — Ник Купер. Местный красавчик, спортсмен и гуля-
ка. О нем все девчонки говорят, а парни завидуют, — подме-
тила она, заворачивая за поворот, увлекая меня за собой.

— Хочешь сказать, что он заворожил всех девчонок, а все
парни оказались в пролете?

— Да. Говорят, что он такой потрясающий во всех отно-
шениях, что остальные в подметки не годятся, — девушка
звучала так, будто говорила о близком друге. Ее игривый тон
не мог меня не позабавить. — Девки вешаются на него, флирт-
уют, кокетничают, раздвигают перед ним ноги, но он нико-
гда не был инициатором секса.

— Откуда ты знаешь? – удивленно спросила я.

— Я общаюсь с его другом иногда. Даже друзья Ника шу-
шукаются за его спиной, что он – чертов сердцеед и все девки

у его ног. А они, как падальщики, подбирают тех, кто остался. Сплетничают за его спиной хуже любой бабы, но в лицо ему улыбаются.

— Ты общаешься с его другом?

На мгновение мне казалось, что я перестала слышать, что-либо после этой фразы. Я была обескуражена, но заинтригована. Прильнув к Вэл и взяв под руку, я приблизилась к ее лицу, заглядывая в глаза, ища ответы, на что девушка восторженно посмотрела на меня, казалось искренне не понимая, в чем кроется корень моего недоумения.

— Ты общаешься с его другом? – тише и игривее повторила я вопрос.

— Да, общаюсь, – передразнила меня она.

— А что за парень?

Мне было безумно интересно узнать, кто тот, что смог подобраться к этой огненной бунтарке, которой абсолютно все равно на мнение окружающих. Она восхищала меня с каждым днем все больше. Ее слова и действия подкупают. Искренность, чувство юмора, ум, внутренняя сила и воля к светлой жизни заряжали меня теми же качествами.

Попытки вытащить из Вэл хоть слово не увенчались успехом, но она обещала, что придет время, и я сама все узнаю. Она так уверенно говорила об этом, что я не стала наседать, а просто доверилась ей.

Пусть будет сюрприз.

Мы продолжили гулять еще некоторое время, продолжая

общаться. Вэл показала мне красивый парк, засаженный деревьями, кустарниками и цветами. Деревянные лавочки были пропитаны влагой от дождя, который то моросил, то прекращался, но поднявшийся ветер подсказывал, что ливень может пойти с минуты на минуту.

Из парка мы вышли к главной улице с фонтаном. Даже при неумолимо портящейся погоде, улицы были заполнены людьми, но не было толкучки и суеты. Все было размеренно и спокойно. Солнце светило так ярко, что его очертания были видны даже сквозь облака, которыми затянуло все небо. Серая пелена различных оттенков синего, лилового и серого сменялась, словно калейдоскоп, под силой ветра, что гнал ее в сторону. Все вокруг вызывало у меня улыбку, которую невозможно контролировать. Умиротворение обволакивало с головы до ног, расслабляя изнутри. В моменте, хотелось лечь на землю и рассматривать различные формы, что рисуют облака.

День был чудесный, и он только начался. Пройдя несколько мест, которые мне хотела показать Вэл, мы, все-таки, замерзли. Я чувствовала, что пальцы на ногах затекли, а дотронувшись до носа ощущалось, что трогаешь ледышку. Нами было принято решение прийти ко мне домой, чтобы отогреться горячим чаем и продолжить болтать. Мы преодолели полпути до моего дома и решили ускориться, так как морось сменилась сочными каплями дождя, которые неслись к земле. Марафон до дома вызвал у нас звонкий, раскатистый

смех. Мы чувствовали себя детьми, которые впервые попали под дождь, бегали, поднимали лица кверху, стараясь поймать ртами капли дождя. Влага, попадая на кожу, охлаждала и вызывала слабую дрожь, тонущую в разыгравшемся озорстве.

Прошло не так много времени с тех пор, как я переехала, но уже чувствовала, что быстро адаптируюсь. Данную легкость помогала мне распознать Вэл, которая слушала и понимала меня. Я смотрела на нее так, будто знала очень давно. Возможно, если бы у меня была такая сестра, а не брат, который достаточно странно ко мне относился, то мне бы не пришлось проходить через то, что я прошла, будучи ребенком.

Незаметно мы добрались до моего дома. Машина родителей не стояла у гаража, поэтому мы еще какое-то время проведем вдвоем, сплетничая и дурачась. Вэл предложила мне посмотреть фильм, а я спросила, что бы она хотела перекусить за просмотром.

Мимо нас пронеслась машина, на которую я не обратила никакого внимания. Она ничем не отличалась от других проезжающих мимо, но вот Вэл воткнулась в нее глазами. Я посмотрела на подругу, пытаюсь понять, что так привлекло ее внимание, а авто резко остановилось, свистя колесами по влажному асфальту. Резко переведя взгляд на машину и двинувшись от неожиданности, я увидела, что в салоне сидело двое. Со скрипом открылось окно со стороны пассажира, из

которого показалась крепкая рука, а затем вылез и сам пассажир. Это был один из парней, которого я видела около общеджития — скейтер, упавший после неудачного трюка. Юноша повернул к нам голову, его брови были слегка приподняты, а уголок рта маняще подпрыгнул вверх, приветствуя нас. Он оценивающе осмотрел меня, взгляд прошелся с головы до ног, облизывая, словно змеиный язык. Но я не почувствовала угрозы, скорее неподдельный интерес, который зародился ответно в отношении его. Мне даже льстило, что меня считают темной лошадкой. Такое внимание заставляло выгнуться дугой и гордо задрать голову.

Взгляд парня переместился на Вэл, после чего он широко заулыбался, оголив зубы, глядя на нее, как на сочный стейк с поджаренной корочкой, чья мякоть сочилась наваристым бульоном.

Повеяло голодом, но Вэл это не напугало. Не могу сказать, она к этому привыкла или же просто плевала на подобное, но выглядела величественно.

Их взгляды встретились на несколько секунд, а водительская дверь открылась, привлекая внимание. Послышался шорох обуви о дорогу, а из-под крыши начал вырастать рослый парень со светлой макушкой и широкой спиной. Мое сердце предательски стало биться, как птица в клетке. Кажется, ноги перестанут меня держать, и я рухну на землю ничком. Кисти стало скручивать. Пальцы потянулись, чтобы погладить их, но я себя одернула, не намекая о нервозности.

Переминаясь с ноги на ногу, я не хотела показаться напуганной, чтобы усомнились в моей уверенности. Дом маячил перед глазами и манил безопасностью, поэтому я хотела скорее разобраться, что происходит и отправиться с Вэл домой, а шок от поворотов судьбы оставить для размышлений перед сном.

Пока я витала в своих мыслях, пронзительный взгляд впился в меня, заставляя щеки заалеть. Робко бросив взгляд на водителя, я увидела две металлические точки, заглядывающих прямо в душу. Я не видела ничего вокруг, кроме его глаз. Широкий лоб, прикрытый челкой, аккуратный курносый нос, подбородок и скулы были спрятаны под тонким черным шарфом, приоткрывающим изгиб челюсти, который мог порезать, если к нему прикоснуться. Широкие плечи, волевая стойка.

Аура победителя, хищного зверя.

Я замерла, растворившись в его взгляде, не желая разрывать контакт. Ник Купер был великолепен.

— Подвезти, девчонки? – спросил парень на пассажирском, улыбаясь все шире.

— Мы уже почти пришли, – Вэл одарила его улыбкой, блестящей от наигранной сладости. Я с трудом сдержала смех, поджав губы.

— Мы с АйВи подумали, что вам может понадобиться помощь, – заговорил Ник глубоким, спокойным голосом, хрипотца которого вызвала дрожь. – Такая погода. Можно забо-

леть. Думали подбросить вас туда, куда нужно.

— Спасибо за заботу, Ник, но вы опоздали, — мой голос еле заметно дрогнул, но Ник смог это уловить, отчего уголок его рта приподнялся, выбивая у меня почву из-под ног. — До моего дома рукой подать, так что все в порядке.

Его естественная мимика и непринужденность провоцировали телесный голод. Я громко сглотнула, смакуя каждое его движение, словно под гипнозом.

Отпечаток удивления проступил на лице Ника, вызвав довольную ухмылку, которая заставила наэлектризованные нервы собраться в желудке. Он сделал несколько шагов ко мне, но я не сдвинулась с места. Я приняла этот вызов.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Слухи, Ник, — я непринужденно пожала плечами. — На то они и слухи.

— Вэл, — доверительная насмешка проскользнула в сторону подруги, когда он обратил на нее взор. — Я же хороший мальчик. Что ты обо мне наговорила? — Ник вскинул ладони к груди.

— Только хорошее, рыбонька. Но истину же никуда не спрячешь, — Вэл мило улыбнулась, что заставило Ника засмеяться. — Секс-символ колледжа Августа Коула, верно?

Ник спрятал смущение за озорной улыбкой и опущенным к асфальту взглядом. Руки утонули в кармане толстовки, а расправленные плечи сделали его еще шире.

— Это все очень мило, — вступила я. — Но нам уже пора.

Я стала обходить парня и услышала как Вэл зашагала вслед за мной. Внутри все трепетало и горело. Проходя мимо Ника, легкий аромат парфюма защекотал нос, а нотка табака уколола слизистую. Не хотелось уходить, но и оставаться не было причин. Мы абсолютно незнакомы, да и знакомство таким образом вводило меня в дискомфорт.

Две крайности разрывали пополам, но в этот момент разум взял верх. Мы двигались в сторону моего дома и не слышали, что ребята собирались уезжать. Не слышали рев мотора, свиста колес, даже как Ник сел в машину и захлопнул за собой дверь. Чувство, что парни смотрят в затылок, придавало телу гибкости.

Ступив на дорожку к входу, я, наконец, услышала хлопок закрывшейся двери автомобиля. Обернувшись, я увидела ускользящий взгляд Ника, а затем раздался свист шин о влажное дорожное покрытие. Дым тонким пластом взлетел вверх, моментально исчезнув под порывом ветра, а автомобиль рывком тронулся вперед. Гул мотора все удалялся, пока окончательно не затих. Вложив в руку ключи, я стала отпирать дверь, как внезапно меня пробрало веселье. Вэл наклонила голову, чтоб получше разглядеть мое лицо и слегка толкнула меня в плечо.

— Чего ржешь?

Голос девушки пошел вверх, заставив меня засмеяться в голос так, что аж слезы выступили.

— Да ничего, – я проворачивала ключ. – АйВи очень ми-

лый, кстати. Я думала, что он тебя сожрет на расстоянии. Такой взгляд хищный.

— У него не только взгляд хищный.

От удивления у меня открылся рот, но улыбка заиграла с большей силой. Брови подскочили, а глаза округлились. Громкий, звонкий смех разбивал мысли в пыль, не давая сосредоточиться. Было не сложно догадаться, что именно Вэл имела в виду. Вся эта ситуация будоражила и провоцировала на разговор. Внезапный ливень рухнул с неба, рассыпаясь на крыше звуками дробленого льда. Козырек над входом защищал от воды, но внезапность природной стихии заставила нас вздрогнуть. В груди сердце стучало в такт дождю. По телу разливался адреналин, будто за нами кто-то гонится.

Дверь открылась, впустив свежесть и ветер, приподнявший бумажки, лежавшие на тумбочке у входа. Мы забежали в дом, оставляя ливень позади, который пытался подобраться к коврику для обуви, но я резко захлопнула дверь.

— Я поставлю чайник, а ты включай фильм о дикой природе, – с моих ног слетели ботинки.

— Зачем? – Вэл снимала куртку.

— Посмотрю на диких плотоядных. Скорость, выносливость, сила...

— Не завидуй, дорогая, – перебила меня Вэл, пройдя в гостиную и плюхнувшись на диван. – Держу пари ты не то, что не орудовала с таким, ты даже такого не видела. Может Ник тебе покажет, как думаешь?

— Я думаю, что Нику есть к кому податься, чтоб свою мощь и силу показать. Есть те, кому это просто необходимо. Вон сколько тут девчонок, с которых одежда прям по щелчку пальца слетает.

Вэл орудовала пультом, ища фильм, который мы планировали посмотреть, хихикая над моими словами. Очень тактично обойдя тему друга Ника и их близости, я решила не давить на Вэл, а просто ехидно поглядывала на нее, на что она реагировала наигранным удивлением.

На столике перед диваном появились две кружки с чаем, с поверхности которых клубился густой пар, искажающий пространство над напитком, рядом стояла пиала с конфетами и лежала стопка салфеток.

Мы уютно устроились на диване под мягким пледом. Тепло разливалось приятной волной по телу, склоняя в объятия сна. Погода за окном так и шептала колыбельные. Дождь, барабанивший по крыше и окнам, словно помехи на телевизоре, а завывающий ветер, бушующий гром и редкие молнии, сверкающие, где-то вдалеке, озаряли светом невзрачное небо. На телевизоре сцены фильма сменяли друг друга, вовлекая нас в историю картины. Посмотрев на Вэл, я увидела, что ее веки медленно опускаются и поднимаются, взгляд был спокойным и устремленным сквозь экран. Я нежно улыбнулась и прижалась к ней, чувствуя, что не могу сопротивляться расслаблению и спокойствию, нависшему надо мной. Прикрыв глаза, все звуки вокруг зазвучали в унисон, зевота на-

пала, вызывая слезы. Незаметно для себя, я стала упускать диалоги в кино, не вникая в сюжет, что не было для меня сильно важным. Интересные события дня вымотали, но это была приятная усталость. Я не заметила, как отключилась.

Глава 6. Лу

С началом новой недели погода стала портиться. Ленивые солнечные лучи пытались пробиться сквозь пелену густых облаков, но все попытки были тщетны. Ветер то поднимал листву, словно танцуя вальс, то нежно укладывал ее на рыхлую, влажную землю. Пахло свежестью и морозом. Впитавшаяся в деревья влага придавала аромату вокруг приятную нотку, что навевало странную ностальгию по каким-то дням, которых, возможно, никогда не было. Ранняя суета походила на всплески морских волн. Казалось, что вот-вот наступит сумасшествие вокруг, но в один миг все успокаивалось, рассеиваясь в шуршании листвы. Мрачные цвета не казались удручающими, а напротив расслабляли и дарили спокойствие. Хотелось просто смотреть вокруг, любуясь пространством с улыбкой и слабым оттенком приятной грусти.

Я перебирала в голове, все ли подготовила к учебному дню, шагая в такт музыке в наушниках, приближаясь к колледжу, вычерчивая взглядом изгибы здания. Мандраж пробежал волной по телу раз за разом, но холод был не виноват. Я с нетерпением ожидала начала занятий, чего не было достаточно давно. Обычно я рвалась лишь к друзьям и студенческой жизни, но сейчас ситуация слегка иная. Дело было не только в людях, дело было в атмосфере, которая словно

дурманила и толкала в объятия новизны.

Подходя все ближе, свет от уличных фонарей, освещавших территорию колледжа, становился ярче. Тени, отбрасываемые деревьями и кустами, походили на людей в разнообразных позах, следящие за каждым моим шагом.

Внезапно повеяло терпким запахом табака, который прятался в бледных клубах дыма, прячущегося между прутьев забора, застревая в морозном воздухе. У ворот колледжа виднелся темный мужской силуэт, топчущийся на месте, отгоняя от себя языки холодного ветра. Одна рука этого человека была спрятана в карман, храня в ладоншке остатки тепла, а вторая держала сигарету у самого рта. Дым бесформенной густотой толпился у фигуры, уносимый ветром в мою сторону.

Сегодня было холоднее, чем в предыдущие дни, но я не успела сильно замерзнуть, потому что старалась быстро перебирать ногами. Парень же продолжал слегка пританцовывать, отбивая подошву одного ботинка о другой. Теплое дыхание смешивалось с сигаретным дымом, врезаясь в его лицо. Внезапно, обернувшись в мою сторону, он начал двигаться более активно и смотрел точно мне в глаза. Меня притягивало это внимание. Я не просто шла в колледж, я поняла, что иду к нему. Он выглядел так беззащитно, обороняясь от холода, отчего внутри зарождался клокочущий трепет. Подойдя ближе, я снова ощутила аромат его духов. По мере приближения он щекотал мне нос, закрепляя строгую ассо-

циацию: этот аромат – Ник. Когда расстояние между нами сократилось до трех метров, я замедлила шаг и выключила музыку, оставив наушники в ушах. Я хотела увидеть его выражение лица, с которым он смотрит на меня, попытаться понять его эмоции.

— Ты так рано пришла, – тихо сказал он.

Услышав его голос, я невольно выпрямила спину, проверяя не сутулюсь ли. Голос Ника звучал все также, как в нашу предыдущую встречу. Низкий, глубокий, но более игривый. Пар просачивался сквозь край его тонкого, черного шарфа, словно сахарная пудра сквозь сито, развеиваясь по ветру, верхняя губа выглядывала при движении рта. Глаза, обрамленные аккуратными морщинками у уголков, озорно гуляли по моему лицу. Улыбка стала подбираться к моим губам, но я старалась сдерживаться, чтобы не показать, что он заставил меня растаять.

— Ты меня ждешь? Уже соскучился? – голос прозвучал игривее, чем я это себе представляла.

— Меня расстроило, что Лу-Лу не захотела со мной знакомиться поближе, — Ник сделал короткую затяжку и продолжил, упуская ядовитый дым. – Более того, наша встреча у общежития показалась мне довольно забавной, поэтому я решил повторить.

— Откуда ты знаешь мое имя? – пространство вокруг показалось просто огромным. Я чувствовала себя совой, способной видеть вокруг на триста шестьдесят градусов.

— Ты вчера не сказала его, поэтому я узнал сам. Я достаточно любопытен в отношении того, что меня привлекает, — он сделал несколько шагов вперед, но, между нами, все еще было расстояние. — Ты наверно думаешь, что я важничаю?

— Нет, — я схватила ртом холодный воздух и тут же выдохнула комок пара. — Я уверена в этом. Еще бы поболтала, но становится холодно, поэтому мне бы хотелось зайти.

Я начала медленно двигать ко входу, а парень сделал последнюю затяжку, выбросил сигарету на проезжую часть и проследовал за мной. Мы сравнялись. Фонари еще жили ночной жизнью, подсвечивая морозящий дождь, который пропадал за пределами бледного ореола. Мягкий ветер обволакивал в спину, словно обнимая, а звуки шагов заглушались шумом вокруг.

Увидев близко его лицо, я обратила внимание какие у него красные щеки и нос. Я не могла и представить, сколько же надо стоять ранним, холодным утром, чтобы кожа так покраснела. А если добавить морозящий дождь, то можно только догадаться как он продрог.

Зачем он приперся сюда в такую рань?

— Давно стоишь так? — поинтересовалась я, наклонив голову чуть вниз, защищаясь от холодных дождевых капель.

— Около тридцати-сорока минут. Волнуешься за меня? — игриво улыбнулся он. — При нашей последней встрече мне показалось, что я тебя будоражу.

— Ты себе льстишь.

Парень тихо засмеялся, приподняв плечи к ушам. Это был чистейшей воды флирт. Он исподлобья смотрел на меня, отводил взгляд, двигался очень плавно, словно гипнотизируя. Обычно так ведет себя хищник на охоте. Я впервые оказалась в подобной ситуации и буду честна, что мне это нравилось. Такое трепетное внимание к моей персоне, особенно после слов, что я ему симпатична. Но я не собираюсь награждать его этой истиной.

— Будем дружить, Лу-Лу?

— Ты ко всем так подкатываешь? Это и есть твой мастер класс? – Из моей груди вырвался разочарованный смешок. – Думаю, я не твоя целевая аудитория.

— Так вот в чем дело, – он ускорил шаг, сбивая дыхание. – Наша новенькая собственница. Я могу...

— Слушай, – перебила я, стараясь держать раздражение в узде. Его самоуверенность стала развеивать чары, наложенные на меня ранее. – Если ты действительно такой кретин, то я вообще не понимаю, отчего такой ажиотаж к твоей персоне – хотя подобное притягивает подобное. – Мой шаг ускорился из-за нарастающих эмоций. – Твоя неадекватная подружка достает Вэл. В прошлый раз она толкнула ее без причины. Ради веселья. – Внутри все кипело, голос пошел вверх, но я сдерживалась. – Мне абсолютно плевать, в чем суть конфликта, но я не хочу касаться этой полоумной. А чтобы не касаться ее, мне необходимо не касаться тебя, верно?

— А она мне не подружка, – Ник проглотил свою уверен-

ность за секунду, извергая оправдания. – Меня расстраивает, что ты обо мне такого мнения. Я дружу с тобой, Лу, ведь подобное притягивает подобное.

Его мягкий взгляд цеплялся за мое скачущее из-за быстрого шага лицо, вырисовывая странные узоры. Улыбка Ника была пропитана карамелью, а в глазах промелькнула стервинка.

— Может ты просто ревнуешь?

Эти слова заставили меня хохотнуть. Его уверенность в себе пробивала насквозь. То ли его настойчивость, то ли его легкость всего, что он говорит заверяли Ника, что я поведусь на его незаурядную внешность. Но это звучало как вызов.

Я остановилась у входа, морщась от погодных условий, размышляя о его словах, думая нужно ли вообще что-то отвечать, чтобы не показаться глупой.

Скажу, что не ревную – он рассмеется. Скажу, что ревную – распустит павлиний хвост. Скажу, что он несет чушь – пропустит мимо ушей, убеждая себя в своей правоте.

Однако, меня не трогала ревность, мной завладел интерес. Этот засранец одарил меня вниманием, и, честно признаться, мне не хотелось его упускать. Мы остановились у дверей, шептавших от мороза и переливающихся капель мороси в свете фонарей, и повернувшись друг другу.

— Не путай уверенность с самоуверенностью, Ник, – мои пальцы легли на холодную ручку двери, обжигающую холодом, намекая, что мне пора.

— Очень интересно подмечено, — парень слегка запрокинул голову назад, отчего его шарф сполз гармошкой ниже подбородка, открыв полностью лицо. — Ты знаешь меня меньше суток, но уверена, что видишь насквозь, — он шагнул в мою сторону. Дыхание Ника пропитанное табаком и ягодной жвачки согрело щеки. Из его груди вырвался самодовольный смешок. — Кто бы говорил про самоуверенность, Лу-Лу.

На меня были устремлены два магнита глубокого серого цвета, а от широкой улыбки веяло победой. Его парфюм окутывал, словно пелена, подстрекающая сделать глубокий вдох. Странное тепло стало разливаться по телу, успокаивая и расслабляя, а сердце забилось сильнее. Мне льстило такое внимание, я хотела получить больше. Он манил меня. Каждое слово, каждое действие вводило в транс.

Ник открыл тугую дверь одной рукой, но при этом стоял так близко к проходу, что мне пришлось протискиваться между ним и дверным косяком. Если это была проверка на решимость, то я не дрогнула. Шуршащий звук соприкоснувшихся курток вызывал улыбку от такой интимности.

Заходя внутрь, я повернулась к нему лицом, смело подняв голову вверх, встречаясь с Ником глазами. Я увидела его так близко, что казалось почувствовала холодный кончик носа. Глаза Ника блестели, дыхание было замедленным, а уголки губ подрагивали в попытке скрыть удовлетворенность своей игрой.

— Кто из нас хищник? — он наклонился и продолжил шептать на ухо. — Не понятно, кто с кем играет.

— А ты догадливый, Николос.

После этих слов я проскользнула внутрь, оставив Ника стоять в дверях. Его куртка намочила мою, оставив влажный след на ткани. Яркий свет внутри ослепил, заставив зажмуриться. Я стала отряхивать свои волосы и куртку от капель, а обернувшись увидела, что дверь колледжа закрыта, а Ника словно и не было.

Я слегка постучала себе по щекам влажными ладонями, словно пытаюсь проснуться. Не в силах поверить, что я сказала то, что сказала и сделала то, что сделала, мной было принято решение не давать заднюю. Мне стало до жути интересно, что же будет дальше.

Признаться, он более чем в моем вкусе, но это блюдо хотела заполучить не только я. Осознание этого желания заставило тихо засмеяться в голос. Вибрация в кармане выдернула из размышлений. Достав телефон, в шторке было уведомление от Дэна — он пожелал мне доброго утра. Я не стала открывать сообщение, поглощенная утренним флиртом, взбодрившим все тело, и чуть ли не вприпрыжку направилась на первое занятие.

Ник Купер был чертовски хорош в обольщении женщин. Я думала, что в первый день он устроит для меня грандиозное представление, даря все свое внимание, но в день наше-

го полноценного знакомства я больше его не видела. Даже уходя из колледжа, я не увидела его среди курильщиков. Бегая глазами по коридорам, по его территории, смотря в окна, я не могла найти Ника. Казалось бы, это должно было меня оттолкнуть, но все сработало наоборот. Меня как магнитом стало тянуть к этому парню.

Слоняясь по колледжу, лишь слабо учуяв знакомый парфюм, я начинала оглядываться в поисках своего предполагаемого поклонника, но увы. С каждой минутой во мне все больше разгорался этот костер, желающий видеть его, чувствовать его, быть окутанной его вниманием. В моменте я поймала себя на том, что сама культивировала в себе эти желания, прокручивая в голове ту утреннюю сцену снова и снова, смакуя те чувства, которые испытывала рядом с ним.

Вэл начала замечать странности в моем поведении. Она заостряла внимание на моей рассеянности, неуклюжести и забывчивости, но я не решалась ей сказать о случившемся, не зная, как она отреагирует. Шуток и подколов было не избежать, если вспомнить ее реакцию на нашу с ним встречу и переглядывания у моего дома. Мне не хватит звезд на небе и песчинок на всей земле, чтобы посчитать, сколько раз она меня подколола Ником Купером и его достоинством, которое было, словно переходящее знамя от девушки к девушке. Я на столько часто об этом слышала от нее, что любопытство перекрыло разум – хотелось стащить с него штаны, чтобы понять из-за чего столько шума.

Учебный день был в самом разгаре. Во время перерыва студенты занимались своими делами: кто-то читал книги, делал заметки по учебе, кто-то слушал музыку и утопал в социальных сетях, кто-то дурачился с одноклассниками. Суэта вокруг кружила голову, духота заполняла помещение, шепча, чтобы открыли хоть одно окно. Футболка, влажная от пота, вызывала дрожь по телу, соприкасаясь с кожей, а щеки полыхали, окутанные нехваткой свежего воздуха и духотой.

Мы с Вэл стояли у окна, которое источало уличную прохладу, пропитавшись ветром и морозом. Хотелось прилечь к нему распаренным лицом, медленно опустив веки от удовольствия. Мутное стекло и тусклый свет из коридора мешали разглядеть мрачную, но спокойную улицу, однако прекрасно заменяли зеркало. Я смотрела на себя, словно находилась снаружи. В отражении за моей спиной виднелись узкие дорожки, мутные кусты и проезжая часть. Странное чувство уюта гладило по голове, отчего хотелось замурчать и прикрыть глаза.

— Ты выглядишь, как влюбленная школьница, — заметила подруга. — Даже завидно.

— Не ври, что не влюблена в того парня, — повернувшись к Вэл, я стрельнула взглядом, перейдя на шепот. — По вам обоим было видно, что вы не просто нравитесь друг другу — вас безумно тянет. Когда вы смотрите друг на друга прямо искры летят. Что между вами?

Вэл слегка отвернула лицо в сторону и подперла подборо-

док ладонью, стараясь скрыть проступивший румянец и пробивающуюся изнутри радость. Девушка напрягала лицо, тихо прокашливалась и глубоко дышала, но скрыть волнение ей не удавалось. Она источала нежность и, казалось, флиртowała с воспоминаниями о том парне, бегая глазами из стороны в сторону. Вэл буквально сияла. Если б была такая возможность, то она бы взлетела.

Подруга хотела что-то ответить, но внезапно шум вокруг перебил какой-то возглас, исходящий из толпы. Некоторые обратили внимание, некоторые, поискав источник, продолжили заниматься своими делами, а некоторые даже взгляда не подняли.

Суматоха вокруг сбивала, не давая расслышать, откуда шел голос, привлечший к себе внимание. Интерес будоражил, но я старалась держать себя в руках, чтобы не выдать его. Я не часто вовлекалась в конфликты по своей инициативе, но, положив руку на сердце, интриги и сплетни всегда привлекают всех. Если кто-то говорит, что ему это не интересно, то знайте – человек лжет.

Пересохшее горло саднило, тяга к прогулке по коридору утихала, но интерес никуда не уходил. Стало приходиться осознание, что я в любом случае узнаю о ситуации из других уст, но не факт, что это была бы кристальная правда. Я перестала всматриваться в мелькающих туда-сюда людей и снова обратила внимание на Вэл, которая стояла спиной к окну и упиралась локтями в подоконник, устремив взгляд в одну

точку. Я уже видела этот взгляд буквально на днях. Она так смотрит на него. Хищный прищур, боевая стойка, грозовая аура и плавные грациозные движения превращали ее в пантеру, высматривающую дичь.

Терзаемая желанием пронаблюдать за гляделками двух голубков, которые скрываются от людских глаз, словно они курящие школьники за гаражами, я устремила взгляд точно туда, куда был направлен упрямый взгляд Вэл. Сразу поймала черные, взъерошенные волосы АйВи. Он вольно расположился у стены, скрестив руки на груди. Под одеждой прятались напряжены мышцы, которые он нарочно демонстрировал, губы еле приподнимались в улыбке, дразня подругу, которая ему отвечала. Эта страсть не была немой – у нее был заклеен рот.

Рядом стоял Ник и разговаривал с каким-то парнем, которого я раньше не видела. Темные волосы, одного роста с Ником, черная спортивная одежда, острые черты лица, надменный взгляд, нахальные повадки.

С первого взгляда видно, что он тот еще мудака. Разговаривая с Ником, он выказывал пренебрежение и презрение. Никого не любит, никому не верит, никто не нужен – кроме него самого. У таких к людям вокруг лишь потребительское отношение.

Сам Ник стоял величественным станом, смотря на собеседника свысока, даже находясь на одном с ним уровне. По манере общения стало понятно, что они близкие друзья: сме-

ялись, шутили, активно жестикулировали. Под его руку протиснулось яркое пятно с броским макияжем.

Ли́ка.

Она обхватила его талию рукой, собственнически погрузив руку в карман толстовки. В ответ он небрежно положил руку на ее плечи, продолжая говорить с другом, который ни капли не удивился данному жесту.

Моя верхняя губа презрительно дернулась. Осознание того, что утром все было ложью не просто злило меня, а предательски погружало в пучину грусти. Кончики бровей дернулись к переносице, а дыхание потяжелело, втягивая лишний кислород.

Наблюдая за воркованием Ли́ки, я сглотнула плотный комок лжи, вызвавший тошноту. Пусть взглядом Ник был безучастен, но прикосновения к ней делали больно. Я продолжала смотреть за их взаимодействием, словно мазохистка. Хотелось, чтобы в памяти отпечаталось все, что я вижу, не оставляя шанса его сладким речам с горьким послевкусием.

Внезапно он устремил свой взгляд в мои глаза, отобрав возможность сделать вдох. Я невольно прикусила губу и почувствовала усиленное давление в легких. Фантазии, рисующие в голове то, чего в реальности нет, предавали. Внезапное внимание было ложью, игрой во всемогущего красавчика Ника, который купается во внимании женщин. А я, наивная дуреха, повелась на его слова о симпатии и том, что Ли́ка не его подружка. Думаю, Ника это позабавило.

Я невольно поправила волосы, убрав их со лба на затылок. Слава Ника была проигнорирована мной, вызвав смехок полный горечи осознания того, на сколько я тупая. На плечи будто накинули кирпичей. В горле пересохло, грудь кипела от гнева, а спина покрылась мурашками. Помещение и люди вокруг стали расплываться, весь фокус моего внимания был на Нике. Стук сердца отдавал в висках и горле, кисти словно крутило, а ладони стало пощипывать. Я делала осторожные вдохи, словно боялась спугнуть животное, как вдруг почувствовала, что вибрирует мой телефон. От неожиданности плечи подпрыгнули вверх, а мысли спутались. Я даже не сразу поняла, что случилось.

Взяв дрожащий корпус, я посмотрела на экран и увидела, что мне звонит Дэн. Нахлынувшее успокоение перебило все чувства, что наполнили меня ранее, словно костер окатили ведром воды. Поблагодарив всевышнего за подаренный мне шанс прийти в себя, я поднесла динамик к уху, и голос Дэна заставил меня улыбнуться.

— Малышка Лу, привет. Ты хоть помнишь мой голос? — он звучал по странному грустным. Это не было похоже на шуточную претензию. — Давно не созванивались и ты не ответила на сообщение утром. Нана много спрашивает о тебе. Боится тебя побеспокоить из-за учебы и адаптации на новом месте. Выходи на связь хоть иногда, засранка!

— Эй, ты чего наезжаешь? — возмутилась я, прочищая горло. — Даже на такое время нельзя оставить без присмотра.

Ты как ребенок, честное слово.

Услышав смех на том конце провода, я почувствовала облегчение и засмеялась в ответ. Дэн словно стоял напротив, ослепляя сиянием. Я стала непроизвольно касаться волос и лица.

— Слушай, Лу, – запнулся он, подбирая слова. – Не думала приехать в гости? Мы соскучились, да и у Роя скоро день рождения. Намечается супер-тусовка. Двадцать лет, как никак.

— С вашей тягой к приключениям вы очнетесь в самом неожиданном месте и в неожиданной одежде. А, возможно, и без нее. Вспоминай свой день рождения.

— Не хочу, – со смехом отрезал Дэн. – Сам от себя в шоке с того раза. Я хотел отдохнуть с вами, но ребята настояли на игре «кто больше». После двенадцатой рюмки ничего не помню.

— Идиот, – воздух вырвался из моих легких, а сарказм пропитал слова. – Думаешь я поверю тебе после того, как ты отрывался на том празднике? Очень удобно сказать о потере памяти, когда с тремя девчонками отжигал, а с одной из них переспал, – я наиграно хмыкнула, будто что-то вспоминаю. – Как там ее? Клара?

— А ты ревнуешь?

Я представила, как от улыбки его щеки морщатся, а брови слегка касаются подбородка. Но его вопрос отозвался голосом Ника этим утром.

«— Может ты просто ревнуешь?»

Злясь на себя, что продолжаю вспоминать этот позорный момент, я вновь поправила волосы, удерживая отросшую челку на макушке.

— Помечтай, придурок.

Оголенные провода внутри искрились от перенапряжения. Стараясь концентрироваться на словах Дэна, я чувствовала, что вымучиваю из себя улыбку, от которой задеревенели щеки.

— Как скажешь, — протянул Дэн. — Буду представлять тебя кипящей от ярости каждый раз, когда окажусь в компании симпатичной девчонки. Хочу заметить, это неплохой контрацептив. — Воцарилась неловкая пауза. — Я не хочу сказать, что ты страшная, как смертный грех, чтобы представлять тебя для избавления от стояка... черт, что я несу?

Эта глупая шутка и его попытки оправдаться вызвали искренний смех, от которого запершило горло. Выслушивая нескончаемый поток уточнений о том, что именно он хотел сказать, я стала успокаиваться, прислушиваясь к его словам. За несколько секунд я позабыла о Нике, утренней лжи и угрызениях совести за собственную глупость. Отступившая неловкость высвободила искреннюю улыбку. Легкие освободились от сдавленности и позволили сделать глубокий вдох.

Внезапно, я почувствовала на себе взгляд. Оглядываясь по сторонам, я встречалась глазами то с одним, то с другим, но странное чувство слежки не покидало меня. Становилось

не комфортно, я словно находилась под колпаком. Хватая ртом воздух, сердце заходило все сильнее. Как лань на водопое, я бегала глазами по толпе, отчаянно пытаюсь найти источник опасности.

Тело замерло, когда я ухватила за серые глаза, как голодная рыба за крючок. Ник выглядел растерян и возмущен одновременно. Брови слегка сползли к переносице, голова была наклонена в бок. Веки медленно опускались и поднимались, а на лице читалось раздражение. Он стоял неподвижно, продолжая держать руку на плечах Лики, ловя каждое движение на моем лице, пытаюсь уловить эмоциональный окрас мимики. Словно наэлектризованный с кончиков волос до ступней, Ник был готов метать разряды во все стороны, четко указывая на свое недовольство, при этом оставаясь внешне спокойным, словно гранитный камень. Его лицо, стойка, медленно вздымающаяся грудь — все указывало на то, что его обузда злость. Он был насторожен, сосредоточен, сжимая пальцы в кулаки, топя толстовку в мышцах, а глаза щурились, вопрошающе вглядываясь сквозь мелькающую толпу людей и пелену пыли.

Пространство вокруг застыло, остались только мы вдвоем, а все вокруг были лишь шумом и размытыми сгустками. Казалось, что наши сердца бились в унисон, быстро и ритмично. Я ощущала тепло его дыхания, хоть Ник и стоял на расстоянии. Аромат его парфюма появился из ниоткуда, обволакивая плотным маслом, что заставляло трепетать

от каждого вдоха. Уши сдавливало, как в самолете во время взлета, а голова кружилась, словно от опьянения. Кожа головы стала зудеть, а череп давил на затылок, вызывая головную боль. Глаза бегали по лицу Ника, а на губах образовывался сладковатый вкус победы.

Все его внимание было приковано ко мне. Он захлебывался недовольством, а я засияла удовлетворением. Его взгляд метался по всему, до чего мог достать. Его собеседник становился более настойчивым, на что Ник лениво кивал, не отвлекаясь от меня на Лику, которая лениво ковырялась в телефоне. В моменте казалось, что он даже не пытается скрыть своего интереса.

Становилось неловко от того давления, что ложилось на мои плечи. Вызванный дискомфорт начал выматывать. Хотелось присесть, дать ногам отдохнуть, перевести дух. Внезапный вопль из динамика вернул меня в реальность. Звуки вокруг резко зазвучали громче, чем раньше. Писк отзывался эхом в мозгу, заставив напрячься.

— Лу, ты что, уснула? – нервный смешок Дэна давал неоднозначную реакцию. – Все хорошо?

Я даже не сразу поняла, что он у меня спрашивает. Чуть помедлив, я ответила:

— Да, я тебя слушаю.

— Я в этом не уверен, – тон ушел вниз, намекая на разочарование.

— Просто очень шумно. Давай созвонимся, когда я буду

дома, хорошо?

В ответ была лишь тишина, которая оборвалась бледным «угу» на глубоком выдохе. Телефон коротко прошипел от его дыхания. Завершив разговор безэмоциональным «пока», Дэн повесил трубку.

Для него несвойственно такое холодное общение. От осознания своей ошибки, в горле словно застряла сухая пробка, а плечи охватил озноб. Самое обидное, что я не могла сорваться и прибежать к нему, чтобы растрепать непослушные волосы и заразить улыбкой. Он далеко.

Я впервые почувствовала себя беспомощной.

Данная ситуация выбила меня из колеи. Я словно потерялась, не зная, в какую сторону идти. Головокружение не давало сосредоточиться, мои метания на одном месте выглядели странно даже для меня самой. Необходимо было взять себя в руки. Подняв глаза перед собой, я вновь увидела лицо Ника. На этот раз он выглядел иначе. Он был более расслаблен, а губы слегка сплюснулись. Казалось, что он вот-вот что-то скажет, но этого не происходило. Переминаясь с ноги на ногу, его силуэт слегка размывался, еще больше дезориентируя. Взгляд рухнул в пол, а ноги сами понесли меня куда-то в сторону. Хотелось спрятаться, закрыться, чтобы никто не трогал. Уязвимость и слабость перерастали в агрессию.

— Лу, все в порядке? – практически прошептала Вэл. Ее слова рассыпались о поток воздуха, который пронесся впе-

реди меня. Звон в ушах не дал вопросу осесть в моей голове, а цунами из мыслей потопило его окончательно. Голос девушки слегка дрогнул:

— Лу?

— Я плохо себя чувствую, — более искусственно было сложно ответить. — Я думаю, что мне лучше пойти домой.

Вэл буквально подлетела ко мне. Ощущение холода от ее ладони, что легла на мое плечо прострелило до костей. Слезы предательски подступили, наполняя веки. Закусив внутреннюю часть нижней губы. Сдерживать себя было все сложнее.

Какая же я дура. Я увлеклась человеком, которого едва знаю, а того, кто заменил мне брата, стала игнорировать. Как же я могла так облажаться?

Теплота прикосновения Вэл, пробивающаяся сквозь холод изнутри, заставляла челюсть дрожать, а грудь — сдавливаться. Нахлынуло желание утонуть в ее доброте и просто разрыдаться.

— Мне пойти с тобой? — ее ладонь переместилась на спину, а лоб коснулся моей головы.

Губы сжались, а челюсть задрожала еще сильнее. Задержка дыхания должна была помочь сдержаться, но эмоции были настолько сильны, что остатки воздуха вырвались вместе с тихим всхлипом:

— Пожалуйста.

Мы стали собирать вещи, проверять, все ли взяли. Вэл

взяла все в свои руки, стала моим проводником. Она решила предупредить старосту группы, что нас не будет с ней на оставшихся занятиях. Удостоверившись, что все вещи собраны, а одежда подготовлена, Вэл устремилась на поиски старосты, а я уселась на пол под окном, в которое совсем недавно смотрела с другим настроением. Яркость света в помещении резко контрастировала с мраком за окном, который от освещения казался еще чернее. Но меня угнетал не осенний уличный морок, а та яркость и суэта вокруг, которая казалась мнимой.

Неровность холодной стены упиралась в спину. Обняв колени руками и уткнувшись в них ртом, мои глаза пытались проделать дыру в полу, зависнув на одной точке, концентрация на которой делала звуки вокруг четче: скрип подошвы по линолеуму, шуршание книги, рухнувший на пол рюкзак. Однако, приближение одного хищника, окучивающего свою жертву, я не почувствовала. Как гибнущая от жажды олениха, засмотревшись, я упустила приближение гепарда. Осознание пришло лишь тогда, когда перед моими глазами появились темные, вычищенные кроссовки, но я не шелохнулась.

Мне было страшно показать себя уязвимой. Слабость могла пробить брешь в моей защите, а Ник мог этим воспользоваться. Я не была готова сейчас к встрече с ним. Он присел на корточки. Его широкая спина нависла надо мной, отбрасывая тень. Тепло его ладони проникло в мою голову через

прикосновение, а чувственное поглаживание снова вернуло желание плакать. Горячее дыхание проникало сквозь пряди волос, а нежные губы слегка коснулись виска, заботливо прошептав в кожу:

— Кто обидел тебя?

Мое тело мгновенно отреагировало, отстранившись. Он вновь приблизился, но я махнула головой, отгораживаясь ширмой из волос. Пальцы Ника попробовали раздвинуть пряди, но я вновь не позволила ему этого сделать, наполняясь злостью от его настойчивости.

— Позволь мне быть рядом, – моля продолжил парень. Шершавая рука прижала мою голову к его губам, которые впились в кожу, затрагивая линию волос. Запах парфюма пьянил, приковывая без возможности сбежать, однако нарастающее недовольство делало меня более дерганой.

— Я иду домой, – отрезала я дрожащим голосом, не желая, чтобы он следовал за мной. – Вэл пойдет со мной. Я не хочу тебя видеть.

— Ты все видела, – догадался Ник, уронив голову от ментальной пощечины. – Поговори со мной, Лу. Я смотрел на тебя и все пытался понять, что случилось, – его шепот начал сочиться сквозь приоткрытые губы. Боясь поднять глаза, я зажмурилась так, что из черна начали проглядываться светлые точки. – Твоя реакция, твой взгляд, смятение на твоём лице обезоружили меня. Я чувствую себя идиотом. Как мальчик прошу у тебя одобрения поддержать тебя, а ты меня

приревновала?

— Какой же ты козел, – подняв голову, я встретила с Ником глазами. Он смотрел на меня, как на увядающий цветок, с полным непониманием, как помочь.

Поднявшись на ноги, я ощутила покалывание и стала переминаться на носках, чтобы прогнать кровь по венам. Ник вырос передо мной, словно гора. Возвышаясь, глядя сверху вниз, его мощь накрывала меня волной, которая забирала весь воздух вокруг. Его искреннее желание быть рядом, оберегать, которое читалось в каждом его взгляде и движении начало сводить меня с ума, подтверждая лживость его натуры, заложенной в ДНК.

Я ненавидела себя за то, что он мне нравится. Что желала его внимания. Желала ощутить горечь табака и сладость поцелуя одновременно. Растаять в нежности и власти его объятий. Под пристальным взором туманных глаз, мое сердце содрогалось от искушения, но гордость и разум не давали рухнуть в омут. Мой страх собственного противоречия сковывал тело, но не мысли. Поэтому, когда Ник, словно почувствовал мою тягу к нему, приблизил свои губы к моим, но я сделала шаг назад, отчего парень потерялся.

— Мы с тобой разговаривали всего четыре раза, а ты уже пытаешься меня поцеловать?

— Пока что только пытаюсь, – низкий бас вырвался из глубины легких вместе с огненным дыханием. Он походил на шайра*: вздымающаяся грудь, величественный стан. Его ру-

ки легли на мои плечи. — Настанет момент, когда я не спрошу твоего разрешения. Я знаю, что ты тоже этого хочешь, я это чувствую.

Он был прав, я хочу его поцелуя, но он задел мое эго. Такая самоуверенность вынула меня из печали и окончательно утопила в раздражении и злости. Если бы мои эмоции были осязаемы, то их можно было бы сравнить с треснувшим стеклянным мостом: одно неловкое движение и все полетит в пропасть.

Скинув руки Ника со своих плеч, я схватила рюкзак, не ощущая его веса. Подхватив куртку, я приблизилась к лицу Ника, который не изменился в эмоциях и мимике ни на йоту. Мне стало казаться, что я ошиблась, но он открыто играет со мной, наивно предполагая, что я превращусь в идиотку, что кинется к нему на шею. Все девушки города были готовы продать душу, чтобы оказаться на моем месте.

Он думает, что я — одна из них? Если да, то идиот он, а не я.

Груда мыслей и размышлений, которые бросали то в жар, то в холод гневили все сильнее. Зная о нем то, что рассказала мне Вэл, из сплетен и судачеств, мое нутро выгорало от злости. Яркий свет, который казался нимбом над головой Ника, оказался лишь пыльной лампой за его спиной, которая затемнила его силуэт, указывая на истинные мотивы самовлюбленного ловеласа.

— Я только что была потеряна и огорчена, но, благодаря

тебе, я ожила. Та злоба, что ты вызвал у меня своими словами и действиями поможет добраться до дома, — моя сдержанность расходилась по швам, а Ника молча слушал, не моргая. — Твои попытки залезть мне в штаны выглядят ущербно. Ты мне сказал, что я опираюсь на слухи о тебе, но ты их подтверждаешь, — злость обращалась в гнев. Я все не унималась и давила. — Видя мое состояние, ты упрямо тянулся к моим губам, думая, что я растекусь желе перед тобой. Ты сочишься медом, соблазняешь взглядом и телом, даже не думая о том, что мне нужно на самом деле.

В шаг я подошла к Нику, уткнувшись носом в его подбородок. Окатила его шею дыханием, вызвав мурашки, пробивающиеся сквозь грубую щетину. Его тело дрогнуло, а из закрытого рта донесся стон.

— Видишь, Ник. Ты так трепетно относишься к моей грусти, что мурлычешь, как кот, стоит мне приблизиться к тебе. Ты так хотел быть рядом, так хотел помочь, что решил и себя не обделять. Думаю, что ни одна девушка не смогла бы устоять перед твоим магнетизмом, но я тебя удивлю — я не из таких.

— Лу...

Не дав ему сказать, я практически прорычала:

— Мне нужно найти Вэл.

Не удостоив парня взглядом, я ринулась прямо по коридору, противостоя потоку людей, словно течению горной реки. Сталкиваясь плечами, цепляясь рюкзаком и одеждой,

мое тело напрягалось с головы до ног, удерживая равновесие. Гомон неравномерно распределялся кольцом. Вырывая слова и фразы из контекста разговоров мимо проходящих, невозможно было сконцентрироваться ни на чем. В противовес происходящему, я шла твердой поступью, стараясь контролировать пламя, что выжигало грудь до боли. Думы играли со мной злую шутку, культивируя негатив внутри, в первую очередь к себе. Как я могла допустить мысль о том, что Ник будет действовать по зову сердца, а не того, что у него в штанах. А самое главное, что я по-прежнему трепетала от воспоминаний его лживых речей. Как его губы касались моей кожи, как его дыхание заполняло поры, прожигая насквозь. Попытка накинуть на меня этот ошейник не увенчалась успехом, однако я понимала, что такая попытка будет не одна.

Прозвенел первый звонок. В этот момент в толпе мелькнула кофта Вэл. словно фея, она порхала в мою сторону, практически расталкивая людей перед собой, не обращая внимание на возмущение и недовольные цоканья. Озаренная этим лучом света, я ускорила шаг, а когда протянула руку и коснулась плеча подруги, все мои внутренние терзания рухнули под ноги. Из-за резкого избавления от коктейля гнева, обиды, страха и грусти, мое сердце словно перезагрузилось.

Из глаз потекли слезы. Дорожки влаги рассекали щеки, будто хлысты. Соленые капли попадали в уголки рта, очерчивали подбородок и скатывались по шее под одежду. Вэл

запаниковала и обняла меня так, словно орлица укрывала крылом свое дитя. Я буквально утонула в ее тепле и поддержке. Аккуратные поглаживания, тихое мурлыканье и крепкое объятие разрывали меня изнутри. Чем больше я получала утешения, тем больше сердце расходилось по швам. Все, что с меня рухнуло ранее, стало возрождаться, как птица феникс. Вся ситуация стала привлекать излишнее внимание самых любопытных. Видя мое состояние, девушка больше не желала ловить косые взгляды, поэтому тихо сказала:

— Давай свалим отсюда, а то одни назойливые глазки никак не хотят расставаться с тобой.

— Напомни мне поздравить одного парнишку с днем рождения, хорошо? – пробубнила я, пытаюсь отвлечься от происходящего.

Глава 7. Ник

Мой взгляд застыл на одном месте. Пространство вокруг расплывалось, мутнело в пелене. Четко я видел лишь глаза. Шоколадные глаза, в которых бушует ярость, расходясь по радужке кровавой молнией, которая бьет в одно и то же место раз за разом, прожигая мое лицо. Мое сердце не может найти себе места. В груди проснулся вулкан, обжигая изнутри потоком злости и негодования.

Я никогда не был в растерянности, всегда знал, что сказать, как повести себя. Я воспитал в себе за долгое время навыки общения с противоположным полом. Промашек не было, проблем не было. Что бы я не сделал, что бы не сказал – я никогда не видел на лицах девушек то, что увидел у Лу. Меня захватил ступор и ужас от того, что я потерялся, почва ушла из-под ног. Я был зол на себя.

Слова, что вылетали из моего рта по привычке и не имели для меня большого значения в тот момент. Сложно отрицать, что Лу красива. Очень красива. Она игрива, уверена в себе, остра. Эмоции и чувства, что я испытываю рядом с ней, заставляют расправлять плечи и дышать полной грудью. Но ее реакция на меня, мои слова и поступки разрывает вены, выпуская кипяток под кожу.

Зацепив ее взглядом в тот день сквозь толпу людей, я почувствовал неловкость и то, что уже давно не испытывал

— стыд. А та рука, что лежала на плече у Лики получила несколько ударов кинжалом. Все вокруг затряслось и побледнело.

Все, кроме нее.

Я начал играть с Лу, когда увидел ее впервые. В тот день, когда она влетела между Вэл и Ликой, древесные волосы и такого же цвета глаза оставили печать в моей памяти. Лу была чем-то новым, неизведанным. Я вообразил себя чертовым первооткрывателем, собирающимся ступить на территорию неизученную другими. Холодный интерес, короткие взгляды с выработанной остротой, чтобы посеять мысль о ее особенностях. Что она привлекла меня, не прилагая особых усилий. И это сработало безукоризненно, как всегда.

Ее появление на территории общежития было подарком небес. Я продолжал напирать, соблазняя обычными вещами, которые удавались мне лучше всего. Наблюдая, как смущение заливает ее милое личико краской, я упивался своими навыками соблазнения. Томный взгляд, струя дыма, расправленные плечи. Уверенность — залог успеха, как и моя внешность — спасибо маме.

Мы все лукисты, кто бы что не говорил, и Лу не является исключением. Моя внешность могла открыть для меня не самые привлекательные для парня двери. Находясь в баре, откуда я несколько лет продолжаю планомерно добывать информацию, мне поступало множество предложений от состоятельных женщин. Стать жиголом, быть эскортом. Единич-

ные встречи, постоянные встречи, крупные суммы за возможность подарить им чувство быть значимой и любимой в глазах смазливового паренька с фигурой атлета. Но быть шлюхой для женщин, которые располагают деньгами и связями не входило в мои планы. Я был в своем уме и не растерял чувства собственного достоинства, даже после всего того, через что прошел. Скорее наоборот — оно возвелось в абсолют.

Это АйВи предложил нагнать Вэл и Лу, чтобы удостовериться в их безопасности. Этот влюбленный лопух был готов бросить все и отправиться прямиком на Сатурн, если Вэл придет в голову прогуляться по одному из колец.

Выходя из машины, я уже знал, что победил, но хочу отдать Лу должно, она держалась молодцом. Однако, и я не промах. В итоге, я наблюдал нервные сглатывания, топтания на месте, вздымающуюся грудь, которую не смог бы скрыть даже купол цирка, продетый через ее голову, как фартук. Блеск карих глаз Лу сказал мне все. Она вождедела меня, держалась, чтобы не облизнуть губу. Если бы ее зубы закусили нежную кожу, то стояка было бы не избежать. Любые естественные проявления возбуждения являются неземным наслаждением. Что может быть прекраснее, чем лицезреть как девушка старается скрыть нарастающую похоть, которая лишь сильнее раскрывается в стараниях обуздать саму себя. Хочется позволить ей выпустить наружу всех своих дьяволят, позволить отдаться этим чувствам и наблюдать, как ты властвуешь над ее телом, душой и сердцем. Очень сексуаль-

но.

Ранним утром, когда я встретил Лу у ворот, погибая от холода и недовольства из-за необходимости раньше обычного оторвать голову от подушки — мне снова крупно повезло. Ее ничтожные попытки язвить страшно веселили. Играть в поддавки всегда было одним из самых любимых занятий. Она так старалась быть неприступной и равнодушной, что мне еле удавалось сдерживать ехидную улыбку.

Однако, когда она протискивалась между мной и открытой дверью, я ощутил шевеление. Не в штанах, к своему удивлению. Где-то глубоко внутри грудной клетки начали стрекотать кузнечики, и впервые за долгий промежуток времени мне не хотелось, чтобы это заканчивалось, если вспомнить, для чего я вообще так рано покинул кровать тем утром.

Иногда меня посещали мысли, что я тот самый пират, которого проклинали и он не в силах испытывать чувства. Трепет и вожделение стали для меня чем-то мифическим, поэтому не странно, что после этих приятных ощущений последовало удивление.

В тот день в коридоре колледжа я вел себя как всегда: болтал с другом, приобнял Лику. На месте Лики могла быть абсолютно любая девушка, которая еще не осознала, что не представляет для меня интереса. Лика же не понимает этого, потому что я не спал с ней.

По доказанной мной же теореме женской реакции, когда Лу увидела меня в обнимку с Ликой могло произойти

несколько событий:

Во-первых, она могла разрыдаться и сбежать. Во-вторых, она могла закатить истерику, оглушив весь коридор. В-третьих, что происходило чаще всего, она могла начать активно привлекать к себе внимание, чтобы напомнить о себе и нашем утреннем разговоре. Но то, что я увидел не вписывалось в рамки обычного поведения.

Она выглядела разочарованной. только и всего. Ни вскинутых бровей, ни вздымающейся груди, ни грустного блеска в глазах. Самое обычное разочарование и бегущей строкой на лбу “Я так и знала”. А после она ответила на звонок и...засияла. Как я понял, что Лу говорит с парнем? Она поправляла волосы, улыбалась, смеялась. Матовые щеки горели смущением, требующие прикоснуться. Она морщила нос между фразами и переливалась каскадом эмоций, словно чертов калейдоскоп. Она открыто смеялась надо мной, показывая заинтересованность кем-то другим.

За секунды мое равнодушие превратилось в возмущение, когда наши глаза пересеклись. Снующие туда-сюда студенты страшно бесили, мешая мне вычленить из ее взгляда что-то кроме удивления. Сердце превратилось в отбойный молоток, намеревающийся раздробить грудную клетку, а волна от ударов была способна размять органы в месиво.

А потом лицо Лу исказило расстройство и вина. Она плялилась то перед собой, то в пол, оправдательно бормоча себе под нос. А закончив разговор метнулась к Вэл, которая по-

матерински окружила ее вниманием.

Пара фраз. Лу была готова разрыдаться на месте, но держалась изо всех сил. После начались быстрые сбор, а когда Вэл оставила ее одну, я понял — это мой шанс.

С кем она говорила? Кто он для нее? Что он ей сказал? Или не сказал? Почему я вообще задаюсь этими вопросами?

Лу пыталась оттолкнуть меня, спрятаться в выжженном до тла поле, где в радиусе десятков километров виднелась лишь голая земля. Я напирал. Я требовал внимания, не позволяя улизнуть в толпу или раствориться в воздухе.

Ее гнев обрушился на меня всеразрушающей волной. Шепот был куда смертоноснее, чем крики и истерика. И я застыл. Давно не испытывал ничего подобного.

Когда ее дыхание коснулось моего подбородка, а кожа стала пульсировать от волны разгоряченного яростью тела, я почувствовал жалость к самому себе. Словно пацан в пубертате, рядом с которым сказали слово “дырка”, я ощутил вождение. Именно вождение.

Возбуждение — слишком механически. Похоть — слишком грязно. А вот вождение было точнейшим определением. Меня влекло не желание залезть к Лу в трусы, а желание продолжать взаимодействовать. Хотелось наблюдать за ней, слушать ее, чувствовать ее. Проникать постепенно ей в голову, копать в ее мозгу и находить что-то новое и удивительное.

Что она любит и ненавидит? Чего боится? О чем мечтает?

Что хочет?

Но я просто стоял и рассматривал бурлящий в глазах гнев, словно умственно отсталый.

Отголоски прошлой жизни эхом разносились в голове, не позволяя повести себя как велит сердце. Разум сковал в цепи мое тело, не давая свободно руководить моими действиями. Карие глаза полные неистовства облизывали меня, оставляя следы презрения на коже.

Каждое сказанное слово хватало щупальцами гордость, расположенную монументом в центре меня, обмазывая грязью каждую неровность. Затхлый запах пропитывал внутренности, просачиваясь наружу. Уязвленная гордыня треснула от верхушки до основания, запустив защитную реакцию – злость, которую топил вырвавшийся наружу стыд, будто бешеный зверь. Шею злости обвили руки стыда, сжимая до хрипоты, погружая в воду лицо, топя в той самой грязи.

Я не мог себе позволить споткнуться. Десятки девушек были на ее месте: сначала замороженные слушали мои речи о симпатии, нежности и высоких чувствах, а после слышали все те же слова, но в адрес других. Я так хорошо морочил им головы, что они никогда не устраивали мне сцен. Они вступали в негласный бой друг с другом, теща мое самолюбие. Соблазн и лесть были моими лучшими друзьями, подсказывающими мне, что нужно говорить.

Впервые увидев на лице девушки то, что я увидел в тот момент, непонимание открыло внутренние шлюзы дамбы.

Все чувства смешались и менялись, вращающимся гиперкубом, искривляющим пространство вокруг.

Я запутался.

— Николас, ты будешь платить? – мужской голос из-за кассы вернул меня в реальность.

Собирая мысли в кучу, заставляя язык поймать слова, я заговорил, заикаясь.

— Да, да, – достав купюру из кармана, я протянул ее кассиру. – Вот. Спасибо.

Забрав сладкую выпечку, я вышел на улицу, врезавшись в бодрящую прохладу. Мне в спину крикнул колокольчик на прощание, когда тело разрезало воздух в быстром шаге. Вихрь эмоций и дум кружили всем, что случилось в моей жизни за последнее время, безжалостно возвращая в прошлое воспоминаниями о детстве.

Я боюсь его.

Боюсь вспоминать, но вспоминаю. Боюсь прикоснуться, но утопаю в нем.

Отец подарил мне все страхи, все комплексы, все переживания, которые я таскаю, как камни в рюкзаке за спиной. С содроганием сердца боль прошлого лезет в голову, затуманивая разум. Затянутое серой пеленой небо вгоняло в тоску, но странным образом успокаивало дрожащие от напряжения нервы.

Идя по улице, я начал думать о себе. Я нередко делал это, когда находился один. Старался аккуратно ковыряться внут-

ри, но каждый раз брезгливо отдергивал пальцы, ища кипятка, чтобы продезинфицировать руки. Чем больше я старался вывернуть свое нутро наизнанку, чтобы переродиться — тем больше я погружался в ту часть себя, которую презирал.

Словно зависимый, я каждый раз возвращался к темной версии себя, которая вращивалась годами. Будто в ломках мое нутро приползало к внутреннему ублюдку, который напоминал мне, как приятно быть таким... козлом. Он прокручивал перед глазами картинки веселья, наслаждения. Кружа голову в эйфории о собственной привлекательности, нужности, я возвращался вновь и вновь к образу, созданному внутренней тьмой.

Сначала это приносило массу удовольствия. Я чувствовал себя королем, непобедимым воином, способным на все. Но время все ставит на свои места.

Чем чаще я встречал себя в зеркале, тем больше отвращение махало мне рукой в ответ. Все чаще я ловил себя на мысли, что противен сам себе. Удовольствие перестало исходить от того, что я делал. Но я не мог ничего изменить. Абстинентный синдром посещал меня каждый раз, когда хотелось начать меняться. В этом и есть ловушка любой зависимости, в том числе и поведенческой.

Со всеми этими мыслями ноги принесли тело к общежитию.

Безвольным мешком рухнув на лавочку, я устремил взгляд сквозь прутья забора. Шум пролетающих мимо ма-

шины завораживал, заставляя все вокруг мутнеть. Нервозность потянула руку к сигаретам. Глаза зацепились за пальцы, обхватившие фильтр. В памяти вновь всплыли картинки прошлого.

Боль пронзила руку от кончиков пальцев до предплечья, сковав все внутренности. Сердце перестало качать кровь, легкие в спазме сдавило, а челюсть сжалась, отчего зубы ощущались пластилином. Вскинув челку, я зажал сигарету губами и поджег бумагу. Едкий дым наполнил рот, перетекая в легкие, и резал горло, вызвав кашель.

Рассматривая руку, я вспомнил о Лу. Ее образ вырисовывался перед глазами, меняя вариацию эмоций с милой улыбки до кровавой пелены ярости. Кардинально разные мысли сводили меня с ума, заставляя думать, что я психопат.

«Да что я такого сделал?» – нервный смешок сопровождал думы.

«Ты что, Ник, идиот? Правда не понимаешь?» – улыбка мгновенно слетела с моего лица.

— Я как будущий врач советую тебе провериться. Разговоры с самим собой могут быть признаком психического расстройства.

От неожиданности веки быстро заморгали, а грудь дернулась, как от электрического разряда. Сэм подкрался словно призрак, до смерти напугав меня.

— Шизофрения или диссоциативное расстройство личности – что тебе больше нравится? — он уселся рядом, смот-

ря в никуда.

Его саркастический тон вызвал легкое раздражение, но внутренний стержень не дал мне и на толику продемонстрировать слабость. Моя ладонь легла на плечо друга.

— Ты хреновый врач, дружище, — пальцы замахали тлеющей сигаретой. — Разговоры с самим собой не являются признаком психического расстройства. Это называется интериоризованная речь, умник.

— Оу, — Сэм удивленно улыбнулся и приподнял брови. — А ты сменил факультет? Тоже во врачи подался?

— Очень смешно, кретин.

Сэм Сэнд мой хороший друг. Он много сделал для меня, помогал мне в прошлом, настоящем и, надеюсь, что останется рядом и в будущем. Однако никто не сможет заменить мне АйВи. Даже Сэм.

Когда-то мне понадобилась помощь, чтобы исчезнуть. Именно Сэм сделал все необходимое. Я уверен, что в этом ему помог отец, который имеет большой вес в обществе, ведь самостоятельно у него ничего бы не вышло. В прошлом он договорился с отцом устроить меня на работу в свой ресторан, помог мне стать «другим человеком», а сейчас Сэм снова выручает меня, предоставляя необходимую для меня информацию. Информацию, с помощью которой я выясню секреты отца.

Взамен я помогаю ему в его собственных делах. Что-то проходит через руки мистера Сэнда, а что-то подвластно ис-

ключительно ему. Дела не всегда благие, помыслы чистые, а поступки честные. Даже имея желание отказаться от этих бесчестных поступков мне не представится такой возможности.

Все дело в чувстве долга и том ублюдке, что сидит у меня внутри. Мы с Сэмом не просто дружим и ведем общие дела, но и развлекаемся. Именно он наглядно показал мне, как можно быть над всеми, чувствовать величие. Сейчас я понимаю, что это называется высокомерие.

Я настолько долго себя вел, как мудак, что перестал отличать белое от черного. Все вокруг было во мраке тьмы.

Тем не менее, Сэм — хороший парень. С добрым сердцем, с чувством юмора, готовый идти на жертвы ради близких.

— Я пришел, чтобы рассказать, что я узнал для тебя о компании.

— Не здесь и не сейчас. Ты рехнулся? – перебил я Сэма и толкнул локтем.

— Да понял я, понял, – Сэм покорно поднял ладони. – Ты мыслями в другом месте. У тебя в голове одна милая кареглазая девчонка, которая чуть не разорвала тебя взглядом на части в колледже.

Я молча сверкнул глазами, намекая, что врежу ему, если он скажет еще хоть слово. Но он намерено продолжил издеваться, увидев брешь в моей броне.

— Чего ты так смотришь? – хохотнул Сэм. – Согласен, она с характером. Не думаю, что ты ожидал от нее такой реакции.

Я только не понял, что именно ты сделал. Не поделишься с другом?

Я молча затягивался, вслушиваясь в треск табака, надеясь, что он оградит меня от болтовни Сэма. Его слова вызвали раздражение, заставляя возвращаться в тот день. В день, когда я потерял контроль над ситуацией и лишился почвы под ногами.

— Слушай, Ник, я же всегда был за тебя. Также не думай, что я слепой. Ты не вел себя так ни с одной девчонкой. Максимум, что от тебя можно было добиться это равнодушие или лесть. Я знаю об этом, потому что каждая из них искала утешения у меня. Помню каждое слово, что слышал из их уст о том, какой ты гад, — Сэм начал имитировать женскую жестикуляцию, что вызвало у меня улыбку. Неумело изображаемый писклявый голос скрипел ржавым колесом без покрышки по металлическом листу, заставляя грудь дрожать от смеха. — Сэми, ты представляешь, как он поступил? Сэми, он играл с моими чувствами. Сэми, утешь меня.

— У тебя очень милый фальцет, — пальцы игриво заиграли воздухом. — Неужели ты помнишь, что они тебе говорили?

— Уверен, что однажды слышал все эти фразы от разных девушек и в один день, — он достал сигарету и быстро подкурил. — Я готов быть на твоей стороне что бы ты не сделал, но, тебе не кажется, что мне хотя бы нужно знать о нюансах?

— Послушай, Сэми, — друг толкнул меня в плечо, отчего я чуть не рухнул с лавочки. — Я вел себя как обычно. Кое-

что сказал, потом кое-что сделал...

— А теперь жалеешь об этом? – удивленный смех сквозь губы звучал в моей голове, как издевка. – Ник, это правда ты? Никогда бы не подумал, что тебя заденет реакция девчонки. Ну сказал ты ей, что влюбился. Ну пообещал, что она будет единственной женщиной в твоей жизни. Потом ты попался с другой, – Сэм отвел взгляд, вспоминая тот день. — С кем ты терся в тот день? Лика?

— Боже, не произноси это имя, – я нервно стряхнул пепел и пронаблюдал, как ветер подцепил его и закрутил в мертвую петлю. – Некоторые люди выводят меня из себя.

— Ты же не спал с ней. Почему она так тебя бесит?

— Лика уверена, что ей что-то светит, — пояснил я, но предрекая вопрос Сэма по его выражению лица, я сразу продолжил. — Она красивая, но тупая. Ты дал ей больше, чем я наобещал.

— Ох как ты заговорил, – одна бровь Сэма изогнулась игривой дугой, а взгляд взмыл к небу, погружая сознание в фантазию. – Тупость — не порок. Можно совместить приятное с полезным – тебе ли не знать.

— С таким же успехом можно своей зубной щеткой провести по асфальту на остановке автобуса. Сам бы взял и получил от нее пару приватных встреч, раз тебя ничего не смущает.

— Я предпочитаю сначала получить от тебя рецензию.

— Извращенец.

Сэм медленно встал с лавочки, отряхнув джинсы, и начал стряхивать остатки табака на землю. Он неспешно стал двигаться к входу общежития, взглянув на наручные часы.

— Давай быстро все обсудим, и я пойду – у меня дела в баре. Кстати, Лу – единственная, кто не нуждается в рецензии. Она хороша.

— Даже не думай, – мой голос, пропитанный собственничеством сорвался, заставив горло захрипеть, что заглогло любопытство на лице Сэма. Я взял себя в руки и продолжил спокойнее. – Не думаю, что у тебя что-то выйдет, если уж у меня такой интересный нюанс с ней произошел. Она просто найдет на меня порчу, выговариваясь Вэл, нежели придет к тебе, скажет какой я козел и попросит тебя утешить ее. Поверь.

Было неясно, кого я старался убедить больше: Сэма, который все больше гневил меня уверенностью в своих убеждениях, выбеживая несерьезным отношением к моим словам, или себя самого, желающего дать в морду своему другу, до конца не понимая, почему его слова воспринимаются как издевка или подкол. Вроде общение протекает как всегда, а вроде так и хочется сказать: “Закрой свой рот!”.

— Не поверю, пока не удостоверюсь, дорогуша, – дверь общежития скрипнула, и свободной рукой Сэм указал направление, в котором нам нужно было двигаться. – Прошу. Тебе понравится то, что я узнал.

Сэм вывернул мою душу наизнанку, спокойно размыш-

ляя, как мог бы побаловать себя обществом Лу. Странное чувство тревоги с примесью недовольства напрягало каждую мышцу до тика. Хотелось вцепиться Сэму в глотку, чтобы слова застряли в его горле, заставив его подавиться.

Я бросил в мусорку истерзанный пальцами фильтр и направился за Сэмом, стряхнув с волос капли мороси. Прокручивая в голове суть нашей с ним встречи, я прикладывал титанические усилия, чтобы выгнать из головы образ Лу, вшитый в мое сознание после долгих размышлений. Нервная улыбка судорогой сковала губы, не позволяя расслабить лицо. Зайдя внутрь, я повернул налево, всматриваясь в конец коридора. Дверь в комнату, которую я видел каждый день и мог найти даже с завязанными глазами, светилась спасительным маяком. Приближаясь к ней, я поймал себя на мысли о том, что новая информация не разъяснит ситуацию, а запутает ее еще больше, что происходит каждый раз. Я не мог остановить свои поиски, но одна навязчивая мысль посетила голову и заставила замедлить шаг:

“Я устал”.

Глава 8. Лу

Настал последний день занятий на уходящей неделе. Все шло как обычно, и я уже немного позабыла о Нике, так как редко видела его, сосредоточившись на занятиях. Больше всего мне нравились занятия Даны Лэйн, она помогла мне быстро вникнуть в интересные темы и разобраться со сложными вопросами.

Отец привез обещанные мне духи, и я долго размышляла, хочу я ими воспользоваться или нет. Это был нежный цветочный аромат, в котором чувствовались ноты пиона – моего любимого цветка. В конце концов я нанесла на себя аромат, а по приходу в колледж, Вэл сразу обратила внимание, что от меня приятно пахнет, но не задала никаких вопросов о парфюме. Стоя в очереди в столовой, мы болтали ни о чем, игнорируя мой побег несколько дней назад.

Наш ночной разговор с Дэном вспышками всплывал в памяти, вызывая грустную улыбку. Такой волны тепла я не ощущала давно. Я хотела рассказать Вэл, что мы все выяснили, обсудили, что наши отношения стали еще крепче и ближе. Рассказать о своих чувствах и эмоциях, зная, что она меня поймет и поддержит.

Мы сблизились с Вэл, но Дэн мне словно брат. Единственное, чего я не хочу упоминать, так это тихого унижения, испытанного мной по вине одного парня, который продолжа-

ет проникать в мои мысли, отравляя желанием видеть его. Я чувствовала себя живой, но одинокой. Страх быть высмеянной отгораживал от самых близких.

Внимательно рассматривая разные блюда, Вэл заговорила со мной, не требуя ответа:

— Неужели нельзя было чем-то накрыть салат, чтобы он не стал выглядеть так грустно? – брови девушки искривились в дугу.

Она пыталась звучать непринужденно, но на деле в голосе слышалась игра, предназначенная для моего вовлечения. Однако, я лишь продолжала улыбаться, пряча боль.

— Слушай, Лу, – ее напор заставил остолбенеть. – Даже слепой заметил бы, что что-то случилось. Мы не так давно знакомы, но ты словно другая была в тот день. Да и сейчас не та, – она укоризненно замотала головой.

Ее искренность превратила меня в статую. От неожиданности волосы встали дыбом. Неловкая улыбка коснулась моих губ, а пальцы впились в поднос.

— Он мой самый близкий друг, а я забыла про него, – шмыгнув носом мне хотелось заполнить паузу. Лишь бы не молчать. Я подняла на нее глаза. – Но все наладилось. Мы поговорили. Разрулили, – внезапный смех в толпе привлек мое внимание, но я вернулась к разговору. – Все супер. Как гора с плеч. Просто мне стоило быть мудрее.

— А ты разве забыла о нем? – Ее дыхание могло расплавить сталь. – На сколько я помню, вы списывались, когда бы-

ло время и возможность.

— Не смогла бы забыть, — я настойчивее продвигалась в очереди. — Видимо, он остро переживает нашу разлуку, вот и все. Ревнивый ребенок, — перебила я сама себя, осознав, как это звучит. Вэл же молниеносно отреагировала, вскинув брови. — Я про дружбу, конечно.

Но Вэл не сдавалась.

— Лу, — надавила она. — Вот ты переживаешь о том, что он обиделся на тебя, а что насчет тебя? — Она прищурилась. — Он спросил, как у тебя дела? Он поинтересовался, как проходит твоя адаптация, которую он упомянул? — Вэл прикрыла глаза и надула щеки, сразу выдохнув. — Безынициативный, — она сама себя остановила, поджав губы и продолжила спокойнее. — Мутный он, короче.

Мутный. По какой-то причине я обратила внимание на это определение Вэл в отношении Дэна. Она не была с ним знакома, не говорила с ним, но делала такие выводы. Да, Дэн не самый удобный юноша. Он может что-то сказать или сделать не подумав, а потом рассуждать о том, что он сделал не так. Однако если бы Вэл знала его лично, то не назвала бы мутным. Своенравный — да. Любвеобильный — да. Даже эгоистом его можно назвать, но точно не мутным.

Видя, что я сжалась в комок, Вэл погладила меня по плечу и попросила повариху положить ей салат из капусты.

— Никогда не пользовалась духами, — подруга громко втянула носом воздух у моей шеи, отчего волосы защекотали

кожу. — Да и у тебя раньше флакона дома не замечала, — она явно хотела сменить тему, видя, что я тушуюсь.

— Мой отец привез их из командировки. Он сам выбрал этот аромат, — перед глазами появилась его улыбка, когда он вручал мне флакон. — Честно говоря, я думаю, он выбрал то, что ему самому понравилось.

Я была рада, что мы оставили ту тему, поэтому ответила с огромным энтузиазмом.

— Очень мило. Твой отец такой внимательный, — нотка зависти промелькнула в ее словах. — Слушай, мне нужно отойти в туалет, возьми на меня что-нибудь мясное, я отдам тебе деньги.

Я согласно кивнула, а Вэл удалилась, скрываясь в толпе людей, по итогу исчезнув из поля зрения окончательно. Я продолжала продвигаться в очереди уже с двумя подносами.

Сегодня народу было больше, чем обычно. Я знала, с чем это может быть связано, ведь, обычно в конце недели все стараются плотно подкрепиться именно в колледже. Все дело в еженедельных тусовках.

Вэл рассказала, что обычно в конце недели проходят тусовки половины колледжа в самом большом, но не самом оживленном парке. Там большое пространство для сбора народа, много лавочек и столов, где располагаются парни и девушки, чтобы выпить и перекусить. Владельцы авто ответственны за музыку и привоз части людей. В том районе малое скопление жилых домов, поэтому жалобы на шум по-

ступают редко. Вэл бывала на этих тусовках вместе с Бо, но крайне редко. С ее слов, то, что она видела там, побывав всего пару раз, было круто, но диковато. Самые обычные студенческие тусовки имели самый стандартный набор событий. В нашем старом колледже тоже проходили тусовки, и все заканчивалось тем, что мы засыпали, прижимаясь друг к другу, на одной кровати или блевали в уютном дружеском кругу.

Посчитав, сколько человек стоит в очереди передо мной, я грустно вздохнула, пошутив в голове, что поем лишь послезавтра и улыбнулась со своей шутки. Медленно продвигаясь в веренице голодных студентов, я пыталась выловить поваришу, чтобы сделать заказ на мясное блюдо для себя и Вэл. Ряд двигался медленнее, чем хотелось бы, поэтому я была уверена, что Вэл успеет вернуться до того, как я выберу нам обед. За мной также начала образовываться толпа. Внезапно в нос ударил запах до боли знакомой свежести, но я решила не реагировать так бурно, как несколько дней подряд до этого, а продолжила привлекать внимание работницы столовой.

Те, кто стоял сзади очень сильно напирали с желанием скорее продвинуться вперед и получить жареную курицу или отбивную. Началась небольшая давка, некоторые выкрикивали агрессивные просьбы двигаться быстрее. Человек прямо позади меня встал ко мне вплотную, из-за чего было ощущение, что запах свежести исходит непосредственно от меня. Такой напор стал меня раздражать. Мне стало тяжело

держаться на ногах, ведь на мне буквально повисли. Когда мое терпение иссякло, я повернулась и увидела, что Ник буквально навалился на меня.

Он был таким тяжелым, что ноги сгибались в коленях. Его черная толстовка, источающая холодок, скрывала телосложение. Ник так пристально смотрел на меня, словно стараясь прожечь дыру. Мы были так близко друг другу, что в пожар, который был готов погаснуть, кто-то кинул канистру с бензином, спровоцировав взрыв. Я ощутила облегчение лишь от того, что он находился рядом, но примесь гадкого разочарования омрачила радость встречи. Он снова выглядел как игривый кот, выпрашивающий кусочек мяса. Мой ледяной взгляд поумерил его пыл.

— Я надеялся, что ты согреешь меня, но ты холоднее, чем уличный ветер, — он быстро втянул носом воздух. — Кстати, ты приятно пахнешь.

— Ты начинаешь действовать мне на нервы, — сообщила я, стирая все эмоции с лица, после чего ткнула Ника локтем в ребра. — И вообще, отойди. Ты сейчас меня раздавишь.

— Ты злишься. Так мило.

Его рука скользнула на мой живот, обняв меня, но, когда я обернулась, выстрелив злобой, Ник быстро ее убрал. Холод его ладони остался на коже, вызвав слабую дрожь.

— Ты правда злишься? — в его голосе не было удивления, скорее понимание, отчего становилось еще обиднее.

— Ты не только козел, так еще и тупица. — Я указала паль-

цем на кусок отбивной, когда повариха качнула подбородком в мою сторону. — Более того, заразил своей тупостью и меня. Повелась на слова самого главного бабника города.

После моей речи воцарилась пауза. Все были заняты собой и своими делами, пропуская мимо ушей нашу маленькую драму. Смех, визги и болтовня не прекращались. Толпа сновала вокруг нас и столиков так, что нас не было видно, и я почувствовала легкость и спокойствие, плещущиеся в груди. Но стук сердца начал сбиваться, в ожидании ответа парня, крутящего слова во рту.

— Прости меня, Лу. Я не хотел причинять тебе боль и неудобства.

Виски запульсировали от напряжения, и я прикрыла глаза, поджав губы. Услышав в его словах искренность, я не поверила себе, начав мысленно отговаривать от сочувствия к этому парню. Мне не хотелось вновь наступать в ту же жижу, которую сложно будет отмыть. Называя себя наивной душой, я принялась возводить между нами стену, предназначенную спасти от ошибки веры в честность его слов. В груди все сжалось, когда Ник уткнулся носом в мой затылок, плавая дыханием кожу головы. Он медленно водил носом из стороны в сторону, зарываясь в моих волосах, отчего кисти предательски затряслись.

— Прошу, не надо, — мои слова утонули в окружающем шуме. — Мне не нужны игры и интриги.

— Дай постоять так еще немного, — прошептал он в заты-

лок, бетонируя эти слова в памяти. — Больше никакой лжи. Обещаю.

Нервно сглотнув, я отошла в сторону, потеряв дыхание Ника на макушке. Швырнув оба подноса на пустой стол у очереди, я впечатала взгляд в лицо Ника, который рассматривал меня из-под рваной челки. Он смотрел с грустью, нервно покусывая внутреннюю часть нижней губы, а я требовала от себя включить голову и не забывать, насколько бесчестно Ник поступил со мной буквально вчера. Мне хотелось скрыться от неловкости ситуации. Я не чувствовала себя виноватой в его печали, я чувствовала спокойствие от услышанных слов, и это была катастрофа.

— Я исправлюсь, обещаю, — после продолжительной паузы сказал он. — Я не тот, кем тебе кажусь.

— Будет здорово, если ты окажешься не таким придурком, каким я тебя успела увидеть.

Если он уверен, что после заикающихся извинений, я брошусь ему на плечи и радостно завизжу о том, что простила его, то он и вправду кретин. Я боролась с собой, стараясь задушить влечение к смазливому лицу Ника и его внушительному телосложению.

Ник отвел взгляд, усмехнувшись, и запрокинул голову, признавая свое поражение, а затем продолжил:

— Сегодня будет вечеринка, ты придешь?

— Нет, — отрезала я, ища в толпе подругу.

В этот момент из толпы вылетела Лика и направилась пря-

миком к нам, игриво виляя бедрами. Ее вид вызвал у меня дрожь, будто я стояла на холоде в купальнике. Она засияла, заметив Ника. В суете вокруг, она не заметила всего того, что предшествовало ее появлению, поэтому ее приближение не знаменовало новую порцию нападений. Лика почти врезалась в Ника, притянула его к себе, а меня словно облили водой, что привело в чувства. Она повисла на его плече, поцеловала в щеку, а глаза просто облизывали парня с ног до головы.

Ник одеревенел. Он вжал руки в туловище, не давая ей взять себя под руку, наблюдая за моей реакцией. На мгновение я была благодарна Лике за появление, ведь она начала для Ника экзамен, который он должен был сдать, чтобы доказать свои слова на деле, а я призывала себя не рассчитывать на серьезность его намерений.

— Уже подготовился к тусовке? Активированный уголь, помощники пищеварения, аспирин? – Ее неприкрытый флирт выглядел жалко. Если бы не люди вокруг, она б ему в штаны залезла.

— Да, конечно, – ответил он максимально безэмоционально. – Не могла бы ты убрать руку с плеча?

Лика ошарашенно продолжала жевать жвачку с ароматом яблока, но быстро вернула себе лицо, сделав шаг назад.

— Как я выгляжу? – Ее пальцы медленно прошли по одежде. – Специально для тебя старалась, нравится?

— Я бы хотел поесть, – Ник развернулся и отправился в

конец очереди, прихватив поднос.

Оставшись наедине с Ликой, на меня напали нервозность и отвращение. Томящиеся на столе подносы не позволили бы мне незаметно улизнуть, поэтому я молилась о том, чтобы Вэл скорее пришла сюда или сама Лика сгинула прочь. И мои молитвы были услышаны. Вэл подбежала ко мне, сияя, но быстро изменилась в лице, увидев Лику.

— Боже, сколько народу. Они в первый раз увидели еду? — наигранно громко сказала Вэл, презрительно пробежав глазами по разодетой Лике, стоявшей рядом. — Тут какая-то вонь. Пойдем поищем место.

— Пойду догоню Ника, — сделав акцент на имени, Лика поправила юбку и волосы и поплыла в толпу.

Другого поведения я от нее и не ожидала. Я прекрасно понимала, что она просто так не сдастся, но и Ник меня удивил.

Стараясь понять, какую цель он преследует, мне пришло в голову два варианта. Первый — он продолжает свою игру, пытаясь вновь обмануть и запутать меня, обласкав парой красивых слов и того, что мне хотелось услышать. Второе — он действительно решил искупить свою вину за поганое поведение, задабривая меня поступками, которые опять таки мне хотелось бы от него увидеть. Я в свою очередь решила не принимать участия в этой постановке, срежиссированной Ником, а тихо понаблюдать за его словами и действиями в дальнейшем не без любопытства. Осознавая, что буду следить за Ником и его двенадцатиступенчатым исцелением, не

смогла приказать сердцу работать в штатном режиме. Бой в груди отдавался в висках, представляя, что каждое испытание будет сопровождаться той или иной девушкой, которая будет вести себя как Лика несколько минут назад. Голову сдавила огромная пружина, стискивая мозги.

Да, блин, я ревную. Сама себе в этом призналась, но легче не стало.

Я не хотела, чтобы он прекращал смотреть на меня, не хотела, чтобы он отходил от меня, не хотела, чтобы он вообще реагировал на любую, кто старается всеми путями привлечь его внимание, согласясь прямо здесь раздвинуть для него свои ноги. Опять же — Лика тому доказательство. Это настолько очевидно, что является первым пунктом в книге «Главные аксиомы города Житрак».

Вэл не могла не отреагировать на то, что произошло, поэтому усевшись за столик, она сразу принялась за допрос.

— Что тут произошло, пока меня не было?

— Ник позвал меня на тусовку.

— Тут еще и Ник был? — глаза Вэл удивленно расширились. — Я вообще про эту разодетую клушу. — Она смотрела на меня, ожидая, что я начну объяснение, но столкнувшись с молчанием продолжила. — Что у вас с Ником тут произошло?

— Я не хочу об этом говорить, — я ответила грубее, чем хотела, отчего сжалась в комок от вины. — Прости, Вэл, я не хотела грубить. Просто я чувствую себя душой при упоминании Купера, принимая во внимание факт, что мы с ним ви-

делись всего несколько раз.

Понимающая усмешка коснулась ее губ, пока она поедала гарнир.

— Он иногда ведет себя, как козел. — Это слово выбило меня из равновесия, ведь именно такое определение было дано ему мной, но Вэл не обратила на это внимания. — Но в действительности он другой. Просто он не помнит, когда был таким.

— Почему ты так уверена в этом? — я замерла в ожидании ответа.

— Напоминаю, что я близка с его лучшим другом.

Ее ответ не успокоил, а создал дополнительные вопросы касаясь его персоны, но сейчас мне вообще не хотелось об этом думать.

— Ладно, — я набила рот салатом. — Ситуация выбила меня из колеи. Пойду домой и не буду вылезать все выходные из-под одеяла.

— Читаешь мои мысли. — Вэл махнула вилкой. — Но нужно дожить до конца дня.

Занятия спортом не вызывали у меня отвращения, скорее наоборот. Когда я попала к Стэйси и Дэйву, они предлагали мне различные кружки и занятия. Это был и спорт, и танцы, и искусство. Танцы мне не подошли, как и пение. Тот самый медведь, наступивший мне на ухо, потоптался еще и по горлу, поэтому пути в музыку и танцы для меня были закрыты,

да и особого рвения я не испытывала. А вот спорт – это было другое. Мне нравилось чувствовать каждой клеткой своего тела напряжение. Те силы, которые нужно было прикладывать в достижении результата заставляли сиять, гонясь за новой порцией адреналина и вкусом свершений. С каждым новым занятием мое тело становилось более гибким и ловким, мышцы приобретали более четкий рельеф. Становясь выносливее, мне легче давалась учеба. Было больше сил и энергии, словно свежий воздух щекотал меня изнутри после вдоха.

В моей жизни пытались задержаться различные виды спорта: спортивная гимнастика, теннис, футбол. Но опробовав волейбол, я не смогла с ним распрощаться.

Вся команда должна двигаться и думать, как единый организм. Связующий, что жестами трактует ход игры, а остальные, словно в танце, разыгрывают партию. Ноги, чтобы двигаться, руки, чтобы контактировать с мячом, голова, чтобы думать. Иногда лишний взгляд или кивок были телепатией, которая могла подсказать, как изменить ход игры. А охота за мячом и попытки его достать из патовых ситуаций развивали стремление и желание бороться до конца. Именно так я видела этот спорт.

К сожалению, мне пришлось бросить спорт из-за травмы, но иногда я играла на любительских соревнованиях в колледже, а также всегда играла в пляжный волейбол. Это не было серьезно, но теплые воспоминания пробуждали во мне азарт.

Спортивные занятия в колледже не были и близко похожи на тренировки. Во время тренировок нас словно готовили в спецназ. Руки должны были быть сильные, пальцы крепкие, а ловкость и координация требовалась как у пантер. Отжимания, приседания, бег. Контроль мяча, сила и направление удара. Борьба со страхом падения была у всех, пока не приходило понимание, как это делать правильно. Растяжка должна была быть у каждой, независимо от положения на площадке, мышцы должны были быть готовы к любым нагрузкам. Уходя с тренировки, на нас не было ни одного фрагмента сухой одежды. Мокрые от пота, с дрожащими мышцами, но легкие, словно пепел, мы выбегали из зала в душ, а затем направлялись по домам, ожидая следующего дня, чтобы вернуться обратно.

Что предлагали нам занятия в колледже? Пробежка, разминка, скудное владение мячом и вялая игра, которая на игру то не была похожа.

Извечный конфликт двух людских коалиций: волейбол или баскетбол. Преподавателю было не особо интересно, что там происходит у студентов, поэтому он самоустранялся, предоставляя возможность нам самим выбирать, во что мы будем играть.

В зале были активные любители спортивных занятий или те, кто просто не испытывает особого рвения, но все же здесь, были и блаженные. Кто, например? Девчонки, что считали себе не по окладу заниматься со всеми, да и занимать-

ся вовсе. Круглогодичные месячные и боли в животе так и подталкивали посоветовать хорошего гинеколога или КВД. Сегодняшнее занятие не было исключением.

Переодевшись в плотные леггинсы, свободную футболку и кроссовки, я зашла в спортзал. Вэл разговаривала с какими-то девчонками из группы, то и дело оглядываясь в поисках меня. Уверенным шагом направившись к ней, я ощущала, как волосы, собранные в хвост, маятником ходили от плеча к плечу. Скрип подошвы обуви присутствующих пулями стрелял по залу, а стук мячей оглушал. Пахло пылью и новой резиной, а холод заставлял мурашки устраивать танцы на бедрах и руках. Помещение отапливалось, но батарей было недостаточно на такую площадь.

Все девчонки, готовые к занятиям, стояли у лавочек и болтали, а на лавочках сидели «вечно хворающие», что не поднимали ничего тяжелее рулона туалетной бумаги. Парни бегали по залу, развлекаясь с мячами, что-то крича друг другу в процессе игры, что сложно было разобрать.

Рассекая быстрой походкой воздух, я слегка врезалась в Вэл, четко давая понять, что пришла. Девушка повернула ко мне голову, а затем дотронулась тыльной стороны пальцев до моей руки, стараясь измерить температуру тела, но мурашки на коже подсказывали, что мне достаточно свежо.

— Тут холодина, – Вэл пощупала двумя пальцами ткань футболки, оценивая ее плотность. – Кофты нет?

— Пробегусь и будет нормально.

— Девчонки, – одноклассница, с которой говорила Вэл обратилась к нам обеим. Я предположила, что она просто не запомнила, как меня зовут, потому что смотрела мне в глаза. – Вы слышали, что, возможно, мы сегодня занимаемся с группой 4 «С».

— Это группа Лики? – настороженно спросила я.

— О Господи, – на выдохе прошептала Вэл. – Мне решили испортить настроение до конца дня?

— Почему вы с ней так враждуете, Вэл? – спросила одноклассница.

— У меня аллергия на тупиц. Вот только подумала и начала чесаться, – Вэл погрузила пальца в волосы, собранные в небрежный хвост, и стала водить им по коже круговыми движениями.

В этот момент дверь зала со скрипом открылась. Вошел преподаватель. Это был мужчина средних лет не примечательной внешности. Можно было сказать, что это самый обычный мужчина, бывший спортсмен, хорошо сохранившийся и держащий себя в форме. Он остановился, скрипнув обувью и заговорил, повышая голос:

— Леди и джентльмены, мы сегодня делим зал с другой группой. В новом корпусе ремонт, поэтому мы остались лишь с одним спортивным залом.

— Вот так счастье, – наиграно улыбнулась Вэл.

— Мисс Эл, подойдите ко мне, – преподаватель махнул мне рукой, подзывая. Открыв блокнот и щелкнув ручкой, он

принялся не отрываясь что-то писать. — Это ваше первое занятие. Приятно видеть, что вы относитесь ответственно. В вашем личном деле была информация, что вы занимались волейболом.

— Да, занималась раньше, но потом стала играть, как любитель.

— Вот мы и посмотрим сегодня, что вы помните, — закончив чиркать корявым почерком бумагу, он захлопнул блокнот и посмотрел на меня. — Возвращайтесь к остальным и попросите всех построиться. Я схожу за другими студентами.

Коротко кивнув, я направилась обратно к девчонкам, крикнув, что нас попросили построиться. Парни побросали мячи и стали стягиваться к выстраивающейся шеренге. Образовав линию, разговоры не прекращались даже после прихода другой группы. Всматриваясь во входящих, Вэл хмурилась все больше.

— Лику высматриваешь? — подколола я.

— Это не ее группа, — подозрительно ответила Вэл.

Я устремила взгляд на входную дверь в тот момент, когда в зал зашел АйВи.

Это шутка? Если здесь АйВи, значит, где-то рядом и Ник. Я не была к нему готова. Сердце заколотилось, а эмоции вновь стали меня предавать. Парень, одетый в черный спортивный костюм, моментально нашел глазами Вэл и начал игриво улыбаться ей. Следом за ним зашел Ник. Баскетбольные шорты, толстовка с капюшоном, из-под низа кото-

рой торчала футболка и потрепанные кроссовки. Руки были спрятаны в карман толстовки, а капюшон небрежно прикрывал затылок.

Тело пробрало дрожью, но уже не от холода. Наши взгляды встретились, и я увидела еле заметную улыбку на его лице. Благодаря усилиям мышц лица, мне удалось не выдать своего удовольствия от присутствия Ника рядом. Напоминая себе, что я решила не падать в этот заманчивый омут, я натянула маску равнодушия, рассматривая потрескавшаяся краску на стенах, будто это произведение искусства.

Может быть он не так плох, как мне показалось изначально, ведь даже Вэл заверила, что это лишь оболочка. Но верить на слово категорически не хотелось. В противном случае я бы стала наиглупейшей девицей уходящего года, вытеснив Лику с этого пьедестала. А это вдвойне обидно.

Ну уж нет. Я хочу его внимания, но не приложу ни капли усилий, чтобы заполучить его. Впервые я пожалела, что не была вычурной горячкой.

Следом за парнями прошмыгнула компания девчонок. Большинство из них я видела у общежития. Они зашли, общаясь, абсолютно не обращая внимания на остальных. Среди них была Бо, единственная, кто подняла взгляд, устремив его в нашу сторону. Заприметив Вэл, девушка улыбнулась и подмигнула ей, на что та лениво махнула в ответ.

— Господа, проходите в другую часть зала, — повысил голос преподаватель, стараясь перекрыть поднявшийся шум.

– Не будем смешивать группы. Те, кто младше, занимаются в этой части, – он указал рукой в нашу сторону. – А те, кто старше – в этой части, – мужчина указал в противоположную сторону.

Началась разминка. Нарезая круги, мы встречались с Ником в точке соприкосновения двух частей зала. Он не был холоден, но вел себя сдержанно.

После третьего взгляда в упор, я перестала понимать что-либо в его сути, сущности и рассуждениях. Сначала Ник играюще оставляет меня в дураках. Потом он говорит, что совершил глупость и полон решимости доказать мне, что не такой гад, которым предстал передо мной. А теперь игнорирует мое присутствие, находясь в нескольких метрах от меня.

Меня раздражало его непостоянство, своевольность и манипуляции моими эмоциями и чувствами. Меня раздражало, что он вел себя как посторонний, который ни разу со мной не говорил. Но больше всего меня раздражало, что я сама рыла себе яму из рассуждений о его мыслях и стратегиях.

Иногда я бросала косые взгляды на Ника, не встречая ответного, и где-то внутри шелкала пустота. Каждый раз она тыкала меня изнутри, издеваясь надо мной, а мозг взывал с мольбами к сердцу оставить меня в покое.

Осознав, что мне наше общение становится важнее, чем ему, я хлестко двинула себе по лицу в воображении, напомнив, что Ник Купер — лицемер и лжец, не стоящий моего

времени и нервов.

— Чего поникла? – спросила Вэл запыхавшись. На что я лишь устало улыбнулась и продолжила заниматься.

Убеждая себя, что осматриваюсь по сторонам, наблюдая за ходом занятий и спотыкаясь взглядом о силуэт Ника, не получала никакой реакции. Даже стоя ко мне лицом, он смотрел куда угодно, но не на меня. По спине словно ударили пыльным мешком. В очередной раз я поймала себя на мысли о том, что не я ему нравлюсь, а он — мне.

И мне тошно от этого.

— Сегодня играем в волейбол, – голос преподавателя заглушался свистом ног о пол. – Я назову тех, кого бы я хотел сегодня видеть в игре. Остальные будут участвовать в следующий раз. Можете выдохнуть.

Слова учителя помогли отвлечься от самобичевания. Ожидание будоражило. Азарт завладел моим телом настолько, что стало трясти, и я задушила все мысли о Нике. Улыбка то подкрадывалась к губам, то исчезала. Казалось, что я готовлюсь к прыжку с парашютом. Фамилии студентов разносились эхом по залу, а я скрытно скрестила пальцы, в ожидании услышать свою. После десятой фамилии азарт перешел в волнение, тушá мой запал словно костер из лейки.

— Лу Эл. Любой номер.

В этот момент я вспомнила свои самые первые соревнования в школе. Осознание того, что ты не в запасе, а в основном составе окрыляло. Рывком сойдя с места, мгновенно

перейдя на бег, я заняла место на поле. У остальных не наблюдалось такого рвения, как у меня, но мне было все равно.

Я хотела сыграть.

Когда я заняла место под сеткой, остальные участники моей команды подошли ко мне. Мы стали обсуждать роль каждого, но к единому мнению, кто же будет пасовать так и не пришли. Было решено пасовать тому, кому будет удобно.

Также было решено не менять позиции после подачи, что упрощало задачу для сокомандников. Никто особо не разбирался в тонкостях игры. Все владели базовыми знаниями и правилами, но этого было достаточно.

Решая, кто же будет подавать первый, с нашей стороны и со стороны противника вышли двое ребят. Парня из команды соперников я видела в курилке. Выглядел он неприятно. Не то, чтобы он не был привлекательным, просто общаться с ним не хотелось, что ощущалось на подсознательном уровне. Смотришь на человека и понимаешь, что контактировать с ним не стал бы.

Подойдя к сетке, он изучающе посмотрел на меня, но быстро перевел взгляд на моего сокомандника.

— Камень, ножницы, бумага? – спросил парень из моей команды.

— Плевать. Давай быстрее, – ответил тот, практически перебив.

Какой самодовольный индюк.

— Бумага. Мы первые, – радостно заключил парень с мо-

ей стороны, выбросив ладонь вперед.

— Давай до трех побед?

— Тебе же плевать, – выплюнула я, скрестив руки на груди.

Он стрельнул на меня глазами, не изменив положения головы. Судя по его реакции, ему тут никто не перечит. Мои челюсти сжались то ли от страха, то ли от ожидания ответа.

— Неудачники вперед, – его ровный тон разрезал воздух.

Думаешь, что можешь напугать меня своим злобным взглядом, мальчишка. Попробуй. Но парень фыркнул, щелкнув по сетке, и ушел на четвертую позицию.

Услышав свисток, ноги начали сами двигаться, а руки были наготове, чтобы реагировать на положение мяча в игре. Мы легко разыграли первую подачу, и мяч снова оказался на нашей стороне, но вторая подача ушла за зону.

Смена позиции.

Я заняла второй номер, а на подачу встала девушка. Она неуверенно крутила мяч в руках, но подала неплохо, однако слабовато. Мяч ушел прямо в центр зоны противника, на что кто-то из той команды просто перебросил его к нам, но из-за высоты полета было не ясно, уйдет мяч в зону или в аут.

— Аут! Не трогайте! – крикнул кто-то из нашей команды, но за несколько секунд до падения мяча я увидела, что тот идет в зону.

Резко сорвавшись, позабыв об отсутствии наколенников, я упала, в попытке поднять мяч. Колено и локоть с глухим

стуком встретились с деревянным полом. Отбив мяч кулаком ближе к команде, я практически сделала кувырок, а затем также быстро вернулась на место. Сосредоточившись на взлетевшей белой точке, лишь изредка наводила взгляд, словно прицел, на соперников, просчитывая, кто мог бы принять подачу. Интуиция подсказывала, что нужно ставить блок.

Подойдя максимально близко к сетке, я ощутила запах пыли. Дыхание казалось горячим, упираясь в сетку, постепенно просачиваясь сквозь нее. Не выдавая себя, держала руки наготове и переминалась с ноги на ногу, чтобы в прыжке поднять ладони над головой.

Невесомый мандраж заполнял каждую клеточку, а предвкушение кружило голову. Дело было даже не в самом прыжке, а в том, что можно было спокойно получить мячом по лицу через сетку. Не важно, опытный игрок или новичок игрок на твоем пути. Оставить поцелуй сетки на лице мог любой.

Наблюдая за тем, как происходил розыгрыш в зоне соперников, я готовилась к блокировке удара. Номер три и четыре словно нутром почувствовали, что я собираюсь делать и присоединились к моей тактике.

Пас. Пас. Нападение.

По центру сетки парень, который ранее пытался получить для своей команды преимущество подавать первыми, буквально взлетал ястребом к мячу, заводя руку для удара. Стараясь вычислить лучший момент для прыжка, я стала счи-

тать про себя.

Раз. Два. Три. Четыре. Сейчас!

Мои сокомандники, увидев мою готовность, интуитивно подключившись. Синхронно оторвавшись от земли и вытянув руки вверх, мы превратились в три струны. Все случилось так быстро.

Прыжок. Удар. Жжение в ладонях. Щелчок мяча о пол.

Вопли зрителей заполнили зал, отскакивая от стен, окружая водоворотом. Аплодисменты, кричалки и просто слова поддержки подожгли изнутри. Меня переполняла гордость. Не чувствовать себя рухлядью, пахнувшей пылью, было очень тонизирующе. Громче всех визжала Вэл. Подпрыгнув с лавочки, она радостно вопила, срываясь на хрип. Не разделяли радости лишь наши соперники и их одноклассники. Нападающий команды противника презрительно выдохнул и закатил глаза.

Что теперь, говнюк? Неплохо для неудачников?

Девушка из нашей команды на подаче выглядела более уверенно. Встав на свое место и дождавшись свистка, она подбросила мяч и замахнулась для удара. Внезапный мужской крик со стороны противника выбил из равновесия даже меня. Резко повернув голову на подающую, заметив, что слабая дрожь пробила ее тело, отчего рука дрогнула и удар по мячу пришелся не на центр ладони. Глухой звук утонул в крике болельщиков чужой команды. Мяч тяжестью рухнул на пол, лениво отскочив в сторону, оповещая о том, что со-

перники получили еще одно очко.

Я надеялась на честную игру. И давно я стала такой наивной?

Даже не надо было угадывать, кому в голову могла прийти эта светлая мысль – сбить соперника с толку. Парень, назвавший нас неудачниками, радостно скакал, довольный собой. Я думала, что он до потолка допрыгнет, но ему, видимо, мешала корона, упирающаяся в бетонные перекладины. Его хлопали по плечу и спине другие ребята, сияющие ехидством. Среди шума и гомона мои уши уловили прозвище этого парня – Жук.

Мне пришлось приложить максимум усилий, чтобы мое лицо не выражало моих мыслей. Я заняла свое место, в ожидании продолжения, а на подачу у противника встал Жук. Он взъерошил влажные от пота волосы у лица и стал отбивать мяч о пол. Звон резины о дерево разносился по всему залу. Парень не выглядел дохляком, а по его ухмылке было понятно, что он собирается показать свою силу засранке, что посмела перечить ему прилюдно.

По бедрам побежали мурашки, а руки слегка подергивало. Ноги стали переносить тело из стороны в сторону, не прекращая движение, готовясь в любой момент ринуться за мячом.

Молниеносная подача сопровождалась раскатом грома, а сам мяч, словно молния, несясь точно в меня. Среагировав и отстранившись назад, я приняла мяч прямыми сведенными

вместе руками. Внутреннюю часть предплечья окатило огнем боли, что отразилось на лице. Оскалившись от жжения в руках, я ринулась ближе к сетке, ожидая розыгрыша мяча, но внезапно прозвучал свисток, а преподаватель указал рукой вниз, а затем на нашу часть поля.

Мяч попал на линию. Мы получили очко.

Очередные овации, а ребята из моей команды подбежали ко мне, подбодрив похлопываниями по плечу.

— Как твои руки? – спросил капитан команды, аккуратно проверив места, которыми я приняла подачу.

— Ничего. Будут синяки, но это произойдет позже. Играем.

— Давай, Лу, твоя подача, – он нежно улыбнулся мне и перешел в новую позицию.

Когда я зашла за границу поля для подачи, кожу продолжало жечь. Однако это лишь подначивало меня показать Жуку, на что я способна. Бросив на него быстрый взгляд, я увидела, что он что-то замышляет. Парень смотрел на меня исподлобья и нагло ухмылялся, вызвав движение в желудке. Предполагая, что этот засранец захочет сбить меня с ног, я решила опередить его. Пару раз стукнув мячом о пол, а затем подбросив его в воздух, я выкрикнула:

— Кто завопит, тот мудак!

Мной была вложена вся мощь в этот удар – аж ладонь зазвенела. Задержав дыхание, я наблюдала как мяч практически со свистом полетел точно в центр поля противника. Ре-

зина коснулась пола, и он отлетел в стену, оставшись проигнорированным всеми членами команды.

— Вы охренели?! — заорал Жук на сокомандников. — Вы просто отдали им очко!

— Нагоните, — произнес наш капитан. — Мы же неудачники, что с нас взять. И кстати, ты заговорил первый.

Вся скамейка разразилась звонким смехом, а вот Жуку шутка не понравилась. Но он смотрел не на того, кто поддел его, а на меня. Мне аж с другого конца поля было видно, как расширяются его ноздри, а брови словно встали дыбом, но я не собиралась останавливаться.

Далее тем же путем наша команда заработала еще два очка, отчего Жук был все в большей ярости, раздувая бицепсы, сжимая кулаки.

— Да ладно тебе, успокойся, — сказал ему кто-то из команды. — Не на деньги же играем.

Но парень ничего не ответил. Лишь молча встал в позу приема мяча, не сводя с меня глаз.

Очередная подача, однако, как только моя ладонь коснулась мяча, на весь зал раздался крик:

— Мой!

Жук принял мяч, отправив его под потолок. Мы всей командой приготовились и стали наблюдать за действиями соперников. Все происходило так быстро, что приходилось мысленно выстраивать план действий.

Прием. Пас. Нападение.

Жук подпрыгнул так высоко, как только мог, с таким ярким выражением злобы и ненависти на лице, что мои глаза расширились. Я услышала крик Вэл:

— Лу, в сторону!

А затем пространство вокруг приобрело иную плоскость.

Я почувствовала резкую боль в голове, пол внезапно ушел из-под ног, перед глазами открылся вид на потолок, спину обдало легким порывом прохладного воздуха, а затем она встретилась с лакированным деревом. От неудачного приземления легкие на несколько секунд сковало, что мешало сделать вдох. От боли тело непроизвольно свернулось, а ладони обхватили голову, желая проникнуть внутрь и избавиться от рези, словно от отвертки, проткнувшей череп насквозь и застрявшей в кости.

Я зажмурилась, отчаянно пытаясь ухватить губами нить воздуха, которой не было. Пол подо мной задрожал, словно ко мне приближалось обезумевшее стадо.

— Лу. Лу, дыши! – голос Вэл раздавался эхом, будто из-под толщи льда.

— Лу, открой глаза. Можешь открыть глаза, – слышался еще один голос близко и далеко одновременно.

Приложив титанические усилия, чтобы разодрать веки, я увидела Вэл и Бо над собой. Свет ламп казался мощным прожектором, который прожигал сетчатку. Его лучи иглами вонзились в глазные яблоки, проникая глубоко внутрь, отчего голова заболела сильнее. В этот момент к горлу подкатила

тошнота, обволакивая желчью все внутри, и я смогла сделать вдох. Горло завибрировало хрипотой. Хотелось прокашляться, но казалось, что меня вот-вот стошнит.

Послышался неразборчивый бубнеж, словно отовсюду, что заставило меня вдавить пальцы в голову. Череп будто уменьшился в размерах и сдавливал мозг все сильнее. Бубнеж переходил в шум, напоминающий звук водопада.

— Моя голова сейчас разойдется по швам, — заскулила я. Попытавшись вновь открыть глаза, я ощутила, что меня пытаются усадить, отчего мозг словно стали натирать на терке. Я увидела подругу, которая слегка раздваивалась, а позади нее суежилась Бо. — Вэл, тебя две. Это сотрясение?

Меня словно обхватили сотни рук, пытаюсь поставить на ноги и буквально волокли куда-то. Последнее, что я услышала перед тем, как потерять сознание, был голос преподавателя:

— Бойцы, разошлись!

Глава 9. Лу

Шанс внезапного отдыха из-за травмы головы сложно назвать удачей. Врачи сообщили, что получено легкое сотрясение, которое при должном уходе и отдыхе пройдет дней через десять. Мне выписали больничный на пять дней, а от занятий спортом я освобождена на месяц.

Второй день валяясь в постели, я попивала теплый чай с мятой. Тело требовало движения, а вот мозг получал жгучий подзатыльник, стоило мне чуть активнее дернуть головой. Ограничение в чтении, просмотре телевизора, пользовании телефоном, чтобы не напрягать глаза, что может спровоцировать приступ головной боли и тошноты.

Умирая со скуки, я списывалась и созванивалась с Дэном. Когда он узнал, что произошло, то был шокирован и норovil приехать ко мне, но я попросила его не делать глупостей. Он начал часто звонить, а писать еще чаще. Забота и волнение ощущались в избытке. Мне было приятно, однако такое внимание перерастало в надзор и начинало душить. Боясь расстроить его, порой я переступала через себя, убеждая себя в излишней опеке из-за расстояния. Дэн быстро находил тему для разговора, но удушье никуда не исчезало. Иногда я прекращала разговор под предлогом головной боли, после чего меня сжирало чувство вины. Внутри сидело беспокойство, которое загоняло в тупик. Изнеможение расширялось

внутри, впитывая спокойствие и силы.

Лежа в полудреме, меня позвала мелодия звонка как из бутылки. Я лениво разлепила веки, почувствовала как окаменела грудь, но не торопилась отвечать.

Неужели снова Дэн?

Сонно протянув руку к телефону, словно меня видит звонящий, и повернув экран к себе, я увидела имя контакта.

Вэл.

Приняв вызов, я услышала ее голос из динамика так громко, словно она стояла рядом:

— Лу, ты там живая?

Прокашлявшись, я ответила:

— Еще да, – глаза невольно прищурились, будто бы я смотрела прямо в прожектор. – Ты чего так орешь?

— Мы тут идем к тебе, – голос перебивало шарканье обуви об асфальт. – Ты не против?

— Своевременно предупредила, – я встала с кровати, держась за затылок, словно голова вот-вот отвалится. Мое лицо скривилось, когда я подошла к зеркалу и взглянула на свое отражение, будто вокруг стояла жуткая вонь. – Вы далеко?

Сквозь звуки дороги, дыхание девушки и шелеста деревьев донесся шепот. Стараясь прислушаться и понять, кто с Вэл, ничего было не разобрать, а от напряжения заныли виски.

— А кто вы? – подозрительно уточнила я прищурив глаза.

— Я и мой спутник на пути к тебе, – отрепетировано от-

ветила девушка.

— Ты решила взять АйВи с собой? – усмехнулась я. Поставив звонок на громкую связь, я стала расчесывать волосы, параллельно ковыряясь в шкафу, чтобы найти свежую одежду. – Взяла парня проводить подругу. Как трогательно.

Грубый мужской смех выделялся настолько четко, что я перестала слышать вообще что-либо еще.

Предвкушение стало метать меня от одного дела к другому, не позволяя сосредоточиться на чем-то одном. Плюнув на все, я небрежно подвязала волосы растянутой резинкой в хвост, скинула футболку и шорты, сменив их на свободный спортивный костюм, который уже давно перешел в разряд домашней одежды.

Неся грязные вещи в стиральную машину, я увидела собирающихся родителей. Заметив меня и мое удивленное выражение лица, мама заговорила:

— Милая, мы поедем в аптеку, а также заглянем в кондитерскую, – она аккуратно сложила рецепт на лекарства, что мне выписали, и убрала в сумочку. – Думаю, тортик тебя подбодрит.

Не представляю, каким образом она всегда узнает, что мне нужно в тот или иной момент жизни, но сейчас мне и вправду очень хотелось сладкого. Я сразу представила плотный чизкейк без добавок, обильно политый карамелью. Мамин чай с мятой и цедрой апельсина, который будет разбавлять сладость и добавлять кислинку вкусу, расслабит и

согреет. Скопившаяся слюна заставила меня сглотнуть. По-детски улыбнувшись, я закончила с одеждой и вернулась в гостиную.

— Вэл звонила, — сообщила я, со скрипом отодвинув стул. — Она идет проведать меня с кое-кем, — прикрыв рот одной рукой я продолжаю так, будто хочу, чтобы меня не услышали. — Думаю, она идет с парнем, что ей нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.